

ЭРИК БЕРГ

Могила на взморье

Криминальный роман

Уединенный остров. Сплоченная компания. Общее прошлое, которое их связывает. Впервые через двадцать три года Лея возвращается в свою маленькую деревню на острове Пёль. Но визит заканчивается ужасным несчастьем. Сестра Леи погибает в загадочной аварии, сама Лея тяжело ранена и у нее амнезия. Через четыре месяца Лея, вопреки категоричному совету своего врача, снова отправляется на Пёль. Она хочет выяснить, что в мае привело ее на остров, и как могла случиться авария. Она даже не может вспомнить то время на острове и полагается на помощь своих старых друзей, но их рассказы противоречивые. Кажется, что друзья юности Леи скрывают от нее правду, которая простирается далеко в их общее прошлое.

Эрик Берг

Могила на взморье

Переводчик: Schadlichin Herrlich, Julia85

Редактор: Schadlichin Herrlich

Оформление и вычитка: Евгения Ким

Обложка: Алёна Д.

Для моей замечательной семьи на Гран-Канария¹.

Я вас обнимаю.

Волки нападают на ягненка в темноте ночи, но кровавые следы остаются в долине на камнях, и преступление становится заметно всем, когда солнце всходит.

Халил Гибран

Преисполненный мыслями о будущем, этим вечером, восемнадцатилетний юноша отправился в путь.

Это было тридцать первое августа, в том странном тысяча девятьсот девяностом году, в период между временами, когда в Восточной Германии старое еще не полностью ушло прочь, а новое еще не совсем было здесь. Все люди были заняты происходящим, и он тоже принял несколько важных решений.

Он в одиночестве гулял по лугам острова Пёль² у Мекленбургского взморья. Он любил туман, который почти полз над землей. Он также любил, когда лучи заходящего солнца обрушивались как прожекторы на море, разрывая облака и освещая его, прежде чем снова исчезали, чтобы появиться снова в новых цветовых оттенках.

В конце пути лежали пустынные, уединенные развалины монастыря, которые были знакомы ему лучше, чем родительский дом. Внутренняя часть сильно обветшавшего монастыря, которую он и его друзья с давних детских дней называли «дворцом», была расположена одна в другой. Один двор переходил в другой. Не было никаких помещений, потому что там больше не было потолков. Через осыпающиеся сводчатые окна, которые в течение пятисот лет разъедал ветер, можно было увидеть с одной стороны море, а с другой стороны луга. Крошечная деревня, в которой он жил, была скрыта в километре позади аллеи.

Протянув руку, он погладил по стенам, пока бродил вокруг. У одного из позднеготических окон он остановился и посмотрел через покрытые травой дюны на далекое море, которое безмолвно и гнетуще простиралось перед ним. Когда парню послышались шаги, он повернулся, нахмурился и крикнул:

— Маргрете?

Почему он назвал именно ее имя, не мог объяснить себе сам. Было маловероятно, что она еще раз будет искать с ним разговора.

Он ошибся. Ветер и осыпающиеся руины проделывали подобные трюки. Скучные контуры постепенно исчезали, формируя стены и своды в чудовища. Жуткость и уединенность всегда принадлежали этому месту, как и все остальное: чайки, которые ежедневно кружились и кричали об этом, клевер, покрывающий землю, чертополох в трещинах стен, и друзья, которых он нашел десять лет назад. Лея, Майк, Жаклин, Харри, Пьер и Юлиан. Это было прекрасное десятилетие...

Подул ветер и вокруг снова зашелестело, где-то от каменной стены отделился камень и упал его крохотный кусочек.

В этом особом месте его жизни он простился со своим детством и тем, что оно значило. С многими часами, проведенными с друзьями во дворце, с разговорами, играми, смехом, случайными спорами, сигаретами, кострами, подростковыми мечтами...

Как почти всякое детство, улизнувшее от него, в какой-то момент молча и тайно. Уже несколько лет были небольшие признаки, на которые никто не обращал внимание — например, некоторые из компании начали учиться или постоянно работать — тем не менее, они всегда оставались в контакте и собирались во дворце в пятницу вечером или по воскресеньям. Кто-то приносил бутерброды или шоколад, пиво или глинтвейн, и тогда они сидели вместе, говорили и курили. Даже если кто-то из них должен был уйти, чтобы учиться на Западе, чтобы исследовать мир или далеко получить образование, дворец всегда связывал

их души. Никто никогда его не забудет и время от времени будет возвращаться сюда.

До недавнего времени у него было это романтическое представление. К началу лета этот мир еще был безупречен, но теперь, в конце теплого сезона, он был в руинах, так же, как погруженная в темноту разруха.

— Лея, это ты?

Он все еще надеялся, что она примет его предложение и пойдет с ним, что они покинут Пель и будут вместе путешествовать по миру. Разлука с ней давалась ему особенно тяжело и в его грезах она всегда стояла за ближайшим углом и поражала его стихийным «Да, пойдём». На самом деле она никогда там не стояла. За это время стало так темно, что он едва видел куда ступал. Вздыхнув, он вытащил из кармана фонарик и направил луч света на дорогу, которая вела в деревню. В следующее мгновение он испугался, вздрогнул и издал звук, который был наполовину вздохом, наполовину криком.

Через секунду тяжелый предмет ударил его по голове.

Сентябрь 2013

Я пристально смотрела на фотографию. Машина скорой помощи была лишь сгустком серебристого металла, будто монстр ударил ее и вырвал из нее внутренности. Вспышка камеры фотоаппарата отразилась в трещинах и изломах, покрытых оконными стеклами и разбросанными раздробленными бликами до мокрого кювета; на дерево, фосфоресцирующие формы санитаров, несколько веточек с нежной весенней листвой. И на труп.

Знала, что тоже сидела в тех обломках на острове Пёль в Балтийском море, разумеется, только потому, что мне так рассказали. Справа внизу стояла дата, когда была сделана фотография: двадцать первое мая две тысячи тринадцатый года, двадцать три часа сорок шесть минут.

— Ну? — спрашивали меня темные, сияющие глаза психолога клиники в Шверине, которая заботилась обо мне в течение последних четырех месяцев.

Ей было как и мне, около сорока, возможно, на пару лет моложе. Мне нравился ее теплый голос, который излучал огромное спокойствие и тонкие, не окольцованные руки женщины.

— Ничего, — произнесла я.

Это слово лучше относилось ко всему, потому что я не помнила ни об аварии, ни о часах до события. Я покинула Пёль двадцать три года назад. По моим сведениям, я никогда не возвращалась, и мне казалось таинственным, что они нашли меня полумертвой в придорожной канаве на острове.

Так же, как автомобиль, на пассажирском сидении которого я сидела, объем моих воспоминаний был разбит на куски. Определенно, многое сохранилось, в том числе самое важное: кем я была, и какой жизнью жила.

Тем не менее, теперь никогда ничего больше не будет как прежде. В бесчисленных операциях врачи восстановили мою внешность, за исключением нескольких немногочисленных, почти не заметных шрамов. С моей же памятью было по-другому. Как и в случае неполной мозаики, были меньшие и большие дыры, которые, несмотря на терпение психолога, закрывались медлительно или вообще никак.

— Я не показывала вам фотографию до сих пор, потому что это особенно напряженно, особенно... ужасно.

Так было на самом деле. Прежде всего, безжизненное, обезображенное, еще не укрытое тело плохо воспринималось.

Тем не менее, я не имела к нему никакого отношения. Мне также можно было показать фотографию транспортной аварии в Китае, я была бы затронута ни больше, ни меньше. И вместе с тем, я подразумевала слово в его двойном значении. Как охотно я чувствовала бы гораздо больше, чем эта абстрактная печаль о трагическом, но, по-видимому, далеком событии. Так как я не помнила аварии, то в определенной степени ничего не испытывала. Физические раны, которые я получила, хотя и были скорбным подарком, однако, моя память не могла предоставить этому никаких объяснений.

— Как вы знаете, сегодня наша последняя встреча, — сказала через некоторое время

Ина Бартольди, пока мы молчали.

Тяжелая нота в ее голосе подсказала мне, что она сразу добавит что-то тревожное.

Ее взгляд упал на цифровой проектор, единственное электронное устройство в помещении, которое предлагало немного соблазна для глаз: четыре одинаковых кресла, длинный стол, кремовые стены без картин, а также толстый лавандово-синий бархатный ковер, который заглушал шаги. Можно было слышать мягкое журчание, хотя не имелось комнатного источника.

Из кармана своего блузона психолог достала небольшой пульт дистанционного управления и помедлила, прежде чем использовала его.

— Вы уже приняли решение, Лея? Куда поедете, если покинете клинику? Обратю в Аргентину?

«*Это было бы самое очевидное*», — подумала я. Буэнос-Айрес был моим домашним очагом уже почти четверть века. Хотя у меня не было там семьи, но наряду с многочисленными хорошими знакомыми, были также несколько подруг — из которых, однако, ни одна не побывала у меня с момента аварии. Без сомнения, они бы обрадовались, снова увидев меня. Тем не менее, вероятно, никогда больше не избавилась бы в их присутствии от горького привкуса того, что ни для кого из них я не стоила воздушного путешествия над Атлантикой. Деньги не играли для них никакой роли, и они знали, насколько я пострадала.

Мне снова вспомнилось предложение, которое сделала врач несколько недель назад.

— Вы советовали мне на короткое время вернуться туда, где я провела дни перед аварией. И говорили, что это распространенный метод лечения при потере памяти.

Ина Бартольди кивнула, но скривилась, будто неосторожно посоветовала больному сердцем сразу после выписки пойти на тарзанку. Прежде чем я смогла ее о чем-то спросить, она включила проектор при помощи пульта управления, который послушно запищал и передал на стену картину, которая была мне уже знакома по более ранним встречам. Это была цветная препарированная съемка моего головного мозга. Области, отмеченные серым и черным, показывали более или менее поврежденные участки.

Всякий раз, когда одиножды в две недели я видела эти обновленные снимки, меня как электрическим ударом поражал ужас гораздо сильнее и глубже, чем любая другая информация, которую она мне давала, и вовсе не сопоставимая; к примеру, с фотографией аварии. На подготовленных снимках мой мозг выглядел так, будто был поражен коварной болезнью, которая медленно двигалась вперед. Я смотрела на черные точки, одинаковые метастазы, продолговатые тени, как туннели для кормления личинок, бесформенные произведения, как бактериальные культуры под микроскопом.

И все же, впечатление о постепенно прогрессирующей болезни вводило в заблуждение. Разрушение, забвение, непосредственно переходило к смерти, от одной секунды к следующей. В некотором роде, смерть действительно захватила меня четыре месяца назад и увлекла за собой. Было так, будто я вообще некоторое время не жила. Почему я возвратилась назад в Пель? Что я там делала? Зачем я села в этот автомобиль, который, определенно, не был моим, в день своего прибытия? И почему случилась эта авария на сухом, почти прямом отрезке?

— Есть несколько видов амнезии, а также несколько причин, — пояснила Ина Бартольди.

— Я знаю, Ина. Всегда внимательно выслушивала то, что Вы мне объясняли.

— Уверена, в вас это есть, — сказала она как утешение за то, что скажет мне то же самое. — До сих пор мы исходили... мои коллеги и я... от того, что амнезия является результатом физических травм вашего мозга. — Она подняла руку, как бы отражая возможное возражение. — Таким образом, не избирательные пробелы в долговременной памяти не допускают никакого другого заключения.

Беспорядочно, произвольно, случайно...

Еще не знала, что меня обманул мой тогдашний муж, после чего я его тоже обманула с Яном, ирландцем. Но у меня больше не было перед глазами образа Яна, хотя афера отставала приблизительно на пять лет и длилась два месяца. Хотя я также знала, что моего любимого парикмахера в Лос-Анжелесе звали Анжела Лопес, но, однако, не помнила ни улицу, на которой работал ее салон, ни лицо женщины. Тем не менее, некоторая информация в течение последних нескольких недель возвратилась, к примеру, имена моих соседей по квартире, а также различные номера телефонов, включая мой собственный, и другие мелочи. Небольшие открытые счета. Что за несколько недель до моего отлета в Европу сломались мои босоножки. Какие книги я любила в течение своей жизни, какие вещи.

— Физически вызванная амнезия часто вылечивается легче. Таким образом, во всяком случае, объясняются многие из ваших новообретенных воспоминаний, и с каждой неделей их будет больше. На мой взгляд, через несколько месяцев вы будете иметь долговременную память практически без пробелов. Хотя... Там имеется период, который по-прежнему лежит в темноте.

— Вы подразумеваете время непосредственно перед аварией. Часы на Пёль.

— Да, точно. Потому что у Вас до сих пор по-прежнему нет никаких воспоминаний, будто Вы вовсе не были там четыре месяца назад. Поэтому мои коллеги и я единогласно считаем, что амнезия, которая относится к этому периоду, психологической природы.

Психологической природы. Это вибрировало во мне. Психологической природы.

— Это также подходит тому, что Ваш голос изменился по сравнению с вашими прошлыми высказываниями.

Я кивнула. Мой голос действительно стал тише и мягче, в некотором смысле хриплый, лишенный свободы...

— Мы исключили органические, бактериальные и другие возможные причины. Очевидно, психогенное голосовое нарушение существует у Вас, как иногда случается при необработанных переживаниях. Следовательно, все указывает на это... — Ина Бартольди остановилась, сделала глубокий вздох, позволяя пройти нескольким секундам. — Кое-что произошло, — сказала она с серьезностью, от которой по моей спине пробежал холодок. — На Пёль, перед аварией, с Вами должно было еще что-то случиться, Лея, нечто травматическое. Или Вы узнали что-то в высшей степени шокирующее, от чего отгородились.

Она неловко скрестила руки друг с другом.

— Откровенно говоря... не знаю, должна ли я при этих предпосылках советовать Вам ехать еще раз в Пёль. Я даже склонна просить Вас этого не делать.

Не знала, что было лучше — бояться своих воспоминаний или частичного забвения, постигшего меня. Я сидела в клинике на своей кровати и обдумывала, что нужно все упорядочить еще до того, когда буду знать, куда хотела бы вернуться. В Аргентину, чтобы прочертить черту под тусклой главой своей жизни, или — во второй раз — на Пёль. Был вторник, третье сентября две тысячи тринадцатого года, с момента аварии прошло почти

ровно сто дней, и я впервые за долгое время должна была принять решение самостоятельно.

Каждый предмет я брала в руки и рассматривала. Нуждалась ли я еще в этом странном, предоставленном клиникой, дезодоранте? Стану ли я еще есть оставшиеся пять шоколадных конфет в коробке? Особенно долго я раздумывала над огромной диаграммой над кроватью. Несколько недель назад я прикрепилла несколько печатных страниц на стену, от моего рождения вплоть до настоящего времени, с цифровыми обозначениями года и так хорошо подписанными, что я делала, когда и где. Фоторяд «Русская тайга и тундра» в 2012 году, развод с Карлосом в 2011, выставка «Через Перу» в 2008 в Нью-Йорке... выкидыш в 2002, в 1997 году успешная лента-первенец фотографий «Конец красоты», в котором я изображала природный рай непосредственно перед разрушением.

С того времени я прошла многое. Я путешествовала по Желтой реке, огибая Фудзияму и вулкан Этна, ходила по следам Сезана и Гогена, сопровождала антилопу гну и была свидетелем перегона овец в Новой Зеландии. И при этом были созданы тысячи фотографий.

Тем не менее, диаграмма не отвечала на самые важные вопросы. Молния, которая четыре месяца назад ударила по моему существованию, хотя бы оставила мне, по большей части, мою долговременную память и знание о прошлом, но почти полностью забрала ощущение прошлого. Хотя я теперь снова рассматривала более девяноста процентов своей жизни, тем не менее, у меня не было никакого отношения к женщине, которая прожила эту жизнь. Как я чувствовала себя после своего развода? Почему, собственно, я никогда не ходила на выборы? Любила ли я солодку? Сорок один год на двух метрах бумаги, на которые я смотрела как на биографию близкого мне человека. Кажется, я переживала свое собственное прошлое, а не испытывала его.

Впервые я это заметила три месяца назад, когда в клинике меня посетили два сотрудника визмарской полиции и задали несколько вопросов об аварии. Это была странная встреча, которая не удовлетворила никого из нас. Но я не смогла помочь агентам – не вспомнила в связи с аварией абсолютно ничего, ни о причине моего посещения Пёль и даже о том, почему я вообще туда ездила, и они не смогли мне объяснить, как произошла авария.

В крови водителя, моей сестры Сабины, не нашли алкоголя, не было следов торможения, а также указания на другого участника аварии. Прежде всего, из-за последнего, полицейские быстро потеряли интерес к моему более интенсивному опросу, так как зачинщица аварии умерла еще на месте.

Полицейские не остались и на полчаса, но мне ненамеренно приходилось сталкиваться с чем-то, что с тех пор больше меня не отпускало: с моей неосведомленностью о себе самой. Потому что пока я отвечала на их вопросы о своей персоне, у меня было чувство, что они говорили о ком-то другом, кого я очень хорошо знала, но чьи мысли читать не могла. Лея Хернандес, урожденная Малер, была женщиной, с которой я должна была еще раз по-новому познакомиться.

Лист за листом, год за годом я отрывала свою жизнь со стены над своей больничной койкой и быстро укладывала в целлофановый пакет. Я дальше рассматривала тысяча девятьсот девяностый год. Очень особенный год. В марте я стала совершеннолетней, а в апреле рассталась со своей первой любовью — Юлианом, в мае мои родители погибли от несчастного случая, в сентябре я обручилась с Карлосом и последовала за ним в Аргентину, где в декабре вышла за мужчину замуж. Я в спешке покинула свое детство — родной Пёль, друзей, свою нелюбимую сестру Сабину, первую любовь...

Я поместила целлофановую упаковку в свою сумочку и когда посмотрела на свои руки,

то впервые мне бросилось в глаза то, что они мне такие же чужие, как и мое прошлое. В течение четырех месяцев в клинике я много занималась своим израненным телом со сломанными костями, раздавленными органами, разодранной брюшной стенкой и шрамами на голове. Мои ноги гипсовали, и я трижды перенесла операцию на спине. Три недели я лежала на ортопедической кровати. Мои крики по-прежнему все еще звучали во мне и иногда я даже от этого просыпалась. Но они только наполовину относились к моему раненому телу, другая половина относилась к моменту аварии с шестинедельным былым крошечным существом, которое во мне умерло.

Я узнала о нем только в больнице, после его смерти. С момента моего выкидыша в 2002 году я хотела еще одного ребенка, и вот он появился и ушел, не дав мне возможность его почувствовать и поговорить с ним. Ина Бартольди и я долго говорили об этом ребенке, который, как призрак, появился в моей жизни и исчез из нее; бестелесное, безымянное существо, которое я не смогла удержать. Ваятели, подобные пластическим хирургам, преобразили мое лицо из уродливого комка в достойный облик, который я, к счастью, узнала в зеркале. Мои чувства и душа не полностью выздоровели. Они остались ранеными, деформированными и чужими.

Я опустилась на подушку и разглядывала потолок. Начинаясь ли депрессия, о которой меня предостерегали? К тому же, мне казалось, что я как почтовое отделение, которое не имело ни малейшего представления, откуда оно приходило и где находилось, куда шло, кто его прислал и ждал? Таким образом, моя уверенность пропала, начиная с осознания того, что я не знала, буду ли пробовать лакрицу или нет, вплоть до того, что у меня больше не было мечты и никакого представления о будущем? Я потеряла даже привычный для себя голос. Все, чем я еще обладала в полной мере, было в настоящий момент прямо передо мной. И которое я в панике коротала на кровати, как парализованная.

В дверь постучали, и вошла милая молодая, веснушчатая медицинская сестра.

— Все в порядке, госпожа Малер-Хернандес?

— Меня зовут только лишь Малер, — сказала я и очень медленно поднялась, будто хотела убедить себя в том, что еще владела собой.

— Ах, с каких пор?

— С сегодняшнего дня. Это моя девичья фамилия.

— Хернандес звучит волнующе. Слышится как прекрасный далекий мир.

Для меня имя звучало как обман, отчужденность, развод. Но я не хотела лишать мечты симпатичную молодую девчонку.

— Вы выглядите немного усталой, — сказала она.

Я ответила, подмигивая:

— Если я выгляжу только немного пострадавшей после аварии, при которой врезалась в дерево на скорости сто километров в час, после четырнадцати операций и прочувствованных тысяч часов психотерапии, это не так уж и плохо, верно?

Она улыбнулась, и я ответила тем же.

— Вы любите шоколадные конфеты? — спросила я и продолжила, не дожидаясь ответа: — Это для вашей больничной кассы на кофе. — Я положила двадцать евро рядом с коробкой шоколадных конфет. — Что произойдет с моими книгами, которые я прочитала за последние месяцы? Вы тоже читаете с удовольствием, как я, не так ли? Пожалуйста, пользуйтесь. Это почти все, кстати, от шотландского сентиментального кича о королях до китайского лауреата Нобелевской премии.

— Это супер хорошо.

— Вы и ваши коллеги были ко мне добры.

Я закрыла чемодан и взяла свою сумочку, затем подала руку веснушчатому ангелу в белом и пожелала ей всего хорошего. Все это я достаточно успешно выполнила, однако, когда вышла за дверь, то даже почувствовала попутный ветер.

Но уже на стоянке клиники я неуклюже упала на землю. Полчаса я сидела в арендованном автомобиле, который днем раньше оплатила в Шверине. И не знала, что делать. Я не разучилась водить, а только передвигаться.

Еще раз перебрала все варианты. В Буэнос-Айресе меня ждали апартаменты, несколько подруг и моя профессия фотографа. Должна ли я поговорить с отцом моего потерянного ребенка? Наши отношения закончились только несколько недель назад.

Наконец, я нажала на кнопку.

— Пожалуйста, введите ваш пункт назначения, — сказал мне компьютер женским голосом.

Я набрала Пёль.

— Пожалуйста, уточните.

Уточнила: Бранденхузен.

— Через пятьдесят метров поверните налево.

Я проехала пятьдесят метров и включила поворотник, но налево не повернула. Вместо этого я не сделала ничего.

— Пожалуйста, поверните налево.

Я пережила аварию, моей сестре повезло меньше, она умерла сразу рядом со мной. Мое загадочное возвращение закончилось крахом. Не стояло ли повторное возвращение неизбежно под недоброй звездой?

— Пожалуйста, поверните налево.

Я искала свет в темноте, в конце концов, знание — это истина. Только благородные цели. Тем не менее, я знала, что за правду можно заплатить слишком высокую цену.

Несколько человек были бы живы, если бы я в тот сентябрьский день, много лет назад, повернула направо.

— Пожалуйста, поверните налево.

Впервые через двадцать три года я пересекла дамбу, которая вела с материка на Пёль. Четыре месяца назад я, вероятно, ехала по этой же дороге, хотя это должна была быть другая, неизвестная мне женщина и не я. Я напряженно искала обрывки памяти, включила радио и навигатор, опустила боковые стекла, чтобы воспринимать совместный шум ветра и моря, и мимоходом рассматривала первые дома.

Воспоминание о своем посещении в мае не возвращалось снова и не следовало на это настраиваться также в последующие дни, недели и месяцы. Для того чтобы сегодня появиться в моем сознании отдельными изображениями, как фотографии и вспышки, мелькающие моментальные снимки, которые имеют смысл только тогда, если знаешь всю историю.

Хотя я немного дичилась старой родины, я наслаждалась воссоединением с ней. Бесконечные пастбища и горизонт, куда ни посмотри. Природа предлагала только неподвижные точки, ни холмов, ни больших лесов. Человек приспособился к этому критерию: только случайные колокольни, разрозненные дома и амбары, пестрые луга с коровами и тракторами, и между ними поля рапса. Во многих местах побережье было

обрамлено камышом. Плоский остров возвышался над морем так, будто бы его создатель использовал скалку.

Мой Фольксваген пересек несколько полос тумана, которые широко растянулись над островом. Почти непрерывная прямая привела меня сначала к деревенской церкви, и оттуда далее в Айнхузен, где дорога была настолько узкая, что две машины не прошли бы рядом друг с другом.

Далее я проехала в Вайтендорф и, наконец, после Бранденхусена, крохотная деревня, в которой каждый знал друг друга по имени, дате рождения и размер обуви. В какой-то момент дорога перешла в асфальтируемую, обрамленную вдоль дороги живыми изгородями и деревьями. Она вела в поселение, которое было еще гораздо меньше, чем уже была небольшая Бранденхусен — Кальтенхусен.

Что-то вроде района в районе. На дорожной карте только одна точка без каких-либо обозначений. Всего шесть домов. Конец дороги. И это ощущалось как конец света.

В ста метрах от поселка я остановилась, выключила двигатель и вышла из машины.

Мне казалось, что время будто бы остановилось. Те же полосы тумана над землей как тогда, те же солевые луга, те же крачки в небе, чибисы на живых изгородях, те же дома. И та же тишина.

Насколько я все это любила подростком и когда была девушкой! Я искала и нашла те старые чувства, но они были сглажены двадцатью тремя годами отсутствия.

Двадцать три тонких дымки, которые давали только лишь неопределенное представление о счастье — и допускали только слабую, отдаленную боль, если я думала о причине, которая позволила мне убежать с Пёль. Мне был сорок один год, и большую часть времени я провела вдали от Кальтенхусена.

Почему четыре месяца назад я еще раз приезжала на Пёль? Я только помнила, что работала в Нормандии над одним фоторепортажем. В мае цвели яблони, и из их плодов делали знаменитый сидр и еще более известный «Кальвадос».

Я была по соседству с меловыми скалами Этрета. Эта картина по-прежнему стояла у меня перед глазами: синий цвет моря, белый цвет скал, между ними морской курорт, а потом вдруг «Morning Has Broken»³, с давних пор звук звонка моего мобильного телефона. В этой точке нить памяти разорвалась, второй конец которой с тех пор считался пропавшим без вести.

Вместе с кратковременной памятью в автомобильной аварии был также разбит мой мобильный телефон, что сделало для меня не только невозможным определить тогдашних абонентов, а кроме того, составило для меня практическую проблему.

С кем я поддерживала контакт на Пёль? Моя сестра старше меня на шесть лет и жила в Берлине, она была одинокой и также, очевидно, приехала в мае на остров — который всегда страстно ненавидела, впрочем, в противоположность мне.

Мы никогда хорошо не общались, и я никогда не могла себе представить, что семейная встреча была причиной нашего приезда. Один целый день я была на своей старой родине, это можно было отследить. Но где я жила, кому звонила? У меня не было никаких данных, никакой точки отсчета.

С помощью своего нового смартфона я пыталась получить несколько номеров в Кальтенхусене, что оказалось непросто. Сначала я попробовала это с Моргенрот, фамилией Юлиана, потому что у меня с ним был тесный контакт.

Не только это, он был моей первой любовью, и хотя наши отношения продержались

меньше года и печально закончились, это больше всего заставляло меня желать увидеть его вновь. Но ничего, никакой записи. Также о Харри и Маргрете, брате и сестре Петерсен, я не получила ничего. Майк Никель тоже ничего.

Сначала я думала, что они все переехали. Как я узнала позже, Маргрете и ее брат Харри владели только мобильными телефонами. Никаких подключений к городской телефонной сети. У Майка был секретный номер, имя Моргенрот действительно померкло на Пёль, и старый Бальтус, отец Жаклин, вообще не имел телефона.

Без понятия, почему я искала Пьера последним. Кто-то должен был находиться в самом низу списка, но я чувствовала, что это было не случайно. Вероятно, это зависело от того, что в тусовке я всегда меньше всего имела с ним дело. Он всегда был очень спокойным, бездельником, который никогда не проявлял инициативу.

Я мгновенно нашла его номер, вздрогнула и немного удивилась, потому что запись гласила: «Доктор медицины Пьер Фельдт, врач общей практики, педиатр».

Честно говоря, я не ожидала от него ученой степени. Маргрете называла его всегда пренебрежительно «красавчик Пьер», потому что миловидность парня казалась единственным качеством, которое его характеризовало. Я старалась представить Пьера в медицинском халате, Тем не менее, я нашла это очень обнадеживающим, что могу разыскать одного из моих старых друзей. Надеюсь, что Пьер ответит на мои самые насущные вопросы.

Я позвонила в его практику и поинтересовалась у ассистентки, когда заканчиваются приемные часы.

— Вы говорите, ваше имя Малер? Лея Малер? Господин доктор будет рад вас видеть. Да, совершенно определенно. До встречи.

Факт того, что Пьер — это кто-то, кто-нибудь — кто был рад меня видеть, наполнял меня прямо-таки детским ощущением счастья. Еще до того, как я встретила Пьера, знала, что могла бы повиснуть на нем. Я срочно нуждалась в ком-то, к кому могла бы приклеиться, кто взял бы меня за руку и провел через лабиринт, полностью лежащий в темноте прошлого.

Кто мог бы избавить меня от мучительности. Предостерегал бы меня от минных полей, которые, без сомнения, имелись. Не только у меня были вопросы, вопросы также были ко мне, вопросы, на которые я не могла дать ответ. Кто больше всего подходил для того, чтобы защитить меня от завышенных ожиданий и, возможно, жажде упреков, как не врач?

Кто знает, возможно, без Пьера я доехала бы до ближайшего аэропорта и села бы в первый попавшийся самолет до Буэнос-Айреса.

Глава 2

Вдали шумело море. Харри сидел на разрушенном окне монастыря, удобно прислонившись спиной к каменной стене, упиравшись ногами в карниз. Он не делал ничего, кроме как смотрел на проплывающие облака, которые спешили прочь над по-летнему перезревшими полями.

Порой он, как в скоростной киносъемке, подносил руку ко рту и вытаскивал сигарету. Он едва ли сделал пять затяжек, но зато каждая отдельная затяжка была такой напряженной, будто речь шла о последнем никотине в его жизни. После того как Харри тщательно потушил сигарету, он разместил окурок в небольшом мешочке в кармане куртки и закурил следующую сигарету.

Это продолжалось час, возможно, дольше. При этом мужчина не смотрел на часы. Здесь, во дворце, время не имело значения. Это всегда было так. Когда Харри был мальчиком, сразу после домашних заданий он ехал на велосипеде к руинам — иногда даже прямо там делал задания — и с нетерпением ждал появления своих друзей.

Все изменилось. Сегодня Харри был бы разочарован, если бы кто-то помешал спокойствию руин, в которых он так искал покоя. К счастью, этого не происходило почти никогда. Во-первых, здание не упоминалось в путеводителях, с другой стороны, оно располагалось в стороне от шоссе, и туда вела только плохо построенная грунтовая дорога.

Пару раз случалось, что подростки жили кемпингом в одном из двориков, курили травку и распыляли на стены плохое граффити. Харри всегда очищал их наследие и обрабатывал граффити щелочью так долго, пока оно не становилось только лишь бледными тенями и выглядело так, будто было поглощено вековой стеной.

Внезапно Харри занервничал. Не двигаясь, он напрягся. Осмотрел глазами сотканную туманом паутину над пастбищами, эту диффузную смесь серого и зеленого, которая ассоциировалась с сумерками.

Ничего. Почти ничего. Только черные вороны, которые кружились над полями, белые, питающиеся падалью, чайки. Все же, он чувствовал, что на дороге что-то приближалось.

Из тумана появилась фигура человека, которая была одета в светлый тренч и прятала руки в карманы пальто. Несмотря на расстояние, Харри его сразу узнал. На его лбу выступил пот, ладони стали влажными. Окурок выскользнул и упал на землю.

Харри спустился с карниза. Это было не осознанное решение, просто так случилось. В его голове проходил фильм о том, что произойдет то, что должно было сразу произойти. Он был не режиссером, а только исполнителем. Харри медленно прошел несколько шагов к своей машине, древнему Форду и сел. Урчание мотора напоминало грохочущий трактор и неоднократно казалось, что тот замолкнет, но он каждый раз снова оживал.

Не отрывая глаз от Майка, Харри положил правую руку на ручке переключения передач и нажал на сцепление. Майк находился только лишь примерно в пятидесяти метрах, его черты лица становились узнаваемыми, небольшие сфокусированные глаза, снисходительно улыбающиеся губы. Его походка предвещала успех, целеустремленная и значимая.

Харри нажал правой ногой на педаль газа. Форд выл, прыгал, но не двигался с места. На данный момент фильм в голове Харри отклонился от реальности. Он раздраженно посмотрел вниз. Ручной тормоз был еще затянут.

Его рука дрожала, когда Харри ухватился за тонкий рычаг и отпустил тормоз. Капли

пота текли между его бровями на нос. Как раз в тот момент, когда он испустил стон, то снова наступил на педаль газа, машина с сильным толчком устремилась вперед и помчалась прямо на Майка. Харри закрыл глаза.

Все произошло очень быстро. Глухой звук впереди, затем скрип на крыше автомобиля, наконец, второй глухой удар, на этот раз сзади.

Полное торможение. Остановка. Мотор хрипел и стучал.

Харри понадобилась минута, чтобы выключить ключ зажигания, и еще одна, пока он, дрожа, зажигал сигарету.

Из той же серо-зеленой дымки, откуда появился Майк, теперь выступали два подростка, которые толкали свои велосипеды рядом друг с другом. Подростки были примерно одинакового роста, у одного были черные, у другого светло-каштановые волосы, и они были одеты в джинсы, кроссовки и куртки. Им было примерно восемнадцать, девятнадцать лет.

Харри вышел из машины. Ни один из двоих не посмотрел на него. Ребята говорили и небрежно прошли мимо него и машины, будто он был воздухом. Самое ужасное, сейчас они должны были заметить мужчину, через которого переехали. Но не было ни мертвеца, ни раненого, и дорога была только дорогой. Слева и справа пустые поля, почти бесконечные. Хотя отпечатки вращающихся шин и след от торможения нельзя было пропустить.

Харри наблюдал за тем, как юноши оставили свои велосипеды перед руинами и исчезли во дворце. Только тогда он последовал за ними, и обнаружил их, прислонившихся к одной из стен. В сумерках казалось, будто они сливались со стеной, частью декора далекого прошлого, такого же размытого, как граффити. У одного было лицо Майка, у другого — Харри.

Это была весна тысяча девятьсот девяностого года, и они говорили о своих планах на будущее.

Внезапно Харри закричал и побежал к машине.

«Он выглядит как современный распятый Иисус», — думал Пьер, когда мужчина его возраста сел напротив него в его кабинете: тонкие волосы до плеч, удрученное лицо, светло-рыжая шестидневная борода... Всякий раз, когда он встречал Харри, Пьер невольно думал о мученике, о греческой трагедии, о смерти. Каждый раз снова немедленно подпадал под руку шприц и маленький флакон с прозрачной жидкостью, который он с давних пор хранил в ящике.

— Я могу к-курить?

Пьер открыл окно, прохладный майский воздух устремился внутрь. Обычно он никому не разрешал брать в своем лечебном кабинете сигарету, но Харри действительно выглядел больным — что не было неестественным в кабинете врача. Он говорил о пережитом час назад в руинах монастыря, и действовал как кто-то, кто недавно избежал восьмого круга ада. Но это был не он. Мужчина все еще находился в самой середине, был пойман в свой самостоятельно созданный личный ад. Заикание, которым Харри страдал с подросткового возраста, было сильнее, чем обычно.

— Успокойся, — сказал Пьер. — Та не переехал Майка. Он здесь, звонил полчаса назад...

— З-зачем?

— Это касается только врача и пациента.

— Я н-надеюсь, у него ч-чума.

— Я не надеюсь, потому что в течение трех дней она была бы у всех нас. Я только говорил тебе, чтобы ты больше не думал....

— О-оставь эту фигню, я в-ведь не тупой, я знаю с-сам, что задавил не г-галлюцинацию, — рявкнул Харри.

Пьер невозмутимо все воспринимал.

По его мнению, агрессивность Харри была безвредна, надутый пластиковый монстр с маленькой дырой. За несколько минут он рухнет вместе со своим жеманством. Харри был неплохим парнем, только в плохом настроении последние двадцать лет.

На острове они давно называли Харри Дон Кихот де ла Пель. На протяжении двадцати лет — или семи тысяч дней — тот боролся против Майка, преимущественно против него. Он не только пытался предотвратить строительство завода Майка по переработке рыбы, но и ускоренное расширение последнего порта, строительство холодильных цехов, ослабление экологических норм, развитие центра снабжения...

Для этого Харри находил себе непостоянных союзников, то это были защитники окружающей среды, то фермеры, то владельцы отеля. Несколько лет назад мужчина уже делился с Пьером тем, что не проходит ни дня, в который он бы не думал дюжину раз о своем злейшем враге, который однажды был его лучшим другом.

Харри проиграл все битвы без исключения. И в буквальном смысле дорого заплатил за поражения, так как многие процессы поглотили огромные суммы. Пожалуй, даже были расколоты оба его брака.

К тому же, молодой человек взял несколько потребительских кредитов, которые вместе с процентами, вероятно, выплачивал целую вечность, он хронически был на мели. Также и профессионально Харри не двигался вперед, а работал на семи или восьми различных

работах. Сначала рыбаком, как и его отец, который погиб в море, когда мужчина был еще младенцем.

Потом садовником, механиком тракторов, конюхом, управляющим складом и лесозаготовителем. В последнее время он был принят на работу в новостной листок, где осуществлял весь спектр трех служащих газеты, от обязанностей привратника до написания небольших статей о местной суете. Кстати, с недавних пор Харри также был могильщиком Пель.

— Я тебе еще не все рассказал. — сообщил дальше Харри. — После того, как я сбил Майка, б-были двое молодых людей, которые прошли м-мимо меня во дворец. Это были Майк и я д-девятнадцатилетние. В тот день он убедил меня, что мы должны продать з-западно-германские к-консультации по финансовым вопросам с-страхования в тогда еще ГДР⁴. Я был с ним во д-дворце и...

Пьер его перебил.

— Он сказал тогда, что от рыбы не богатеют и что стена не упадет, чтобы вы, наконец, смогли теоретически купить себе все, но практически не имели на это денег. Потом он упомянул страховые дела и что есть трехдневные плотные курсы для инвестиции денег и стратегии продаж...

— О-откуда..?

— Я был там.

— Честно? П-потому что я с-совсем не помню об этом. Но да, это м-могло быть.

Пьер привык к тому, что в определенных случаях другие редко вспоминали об его присутствии. В иерархии компании, где лидирующим и задающим тон был здоровенный как бык Майк, он занимал последнее место, позади девочек и мечтательного Юлиана. Вторым рангом стоял Харри, просто потому что был лучшим другом Майка. Затем шли Маргрете и Лия, потому что Майк больше уважал первую из двух и испытывал большую привязанность к последней.

Обворожительно выглядящая Жаклин и Юлиан, который мог играть на гитаре, следовали на последних местах. Пьер тогда не предъявлял никаких особых способностей, он не мог даже болтать, и то, что все взрослые называли его мальчиком, красивым как с картинки, приносило ему у Майка только следующее штрафное очко — и вместе с ним также у Харри. Так как он принимал все и участвовал во всем, что утверждал Майк. Если Майк игнорировал Пьера, то Харри тоже оказывал ему холодный прием, и когда Пьер раздражал Майка, рядом, посмеиваясь, стоял Харри.

Теперь, десятилетиями позже, для Пьера это было маленьким удовлетворение, что Харри, не хотевший в его детстве освободиться от своего друга Майка, теперь не мог освободиться от своего лучшего врага Майка.

— Так не пойдет, — сказал Пьер, снова став врачом, и схватив один формуляр. — Я позабочусь о твоём специальном курортном лечении.

— Ты с-сумасшедший? — запротестовал Харри.

Пьер улыбнулся. И это слова из уст мужчины, который только что переехал призрака!

— Тебе срочно нужны расстояние и психотерапевт.

— Нет, никакого пс-сихотерапевта.

— Харри, у тебя галлюцинации. Ты не убил привидение, и это во-первых. Сколько раз я уже тебе советовал избегать руин.

— Д-дворца, — исправил Харри.

— Но ты все равно еще едешь туда, почти каждый день.

— К-каждый день, — снова исправил тот.

— Это исключительно навязчиво.

— Моя д-душа находится там в-в спокойствии, — неожиданно поэтично ответил Харри и его глаза неясно заблестели.

Когда он был в таком состоянии, Пьеру приходилось чрезвычайно трудно быть с ним строгим, так как он, по возможности, пытался что-то втолковать так, что Харри должен был расстаться со своим любимым делом, потому что это было для него вредно. Эпизодические насильственные фантазии, в которых Майк всегда был жертвой, становились чаще. Пьер полагал, что Харри поддерживал сосредоточение на развалинах монастыря, возможно даже возбуждаясь.

— У тебя н-нет места, Пьер, где ты всегда можешь быть самим собой? Реальный д-домашний очаг, где ты мечтаешь и...

— В своих мечтах я никого не убиваю.

Выражение лица Харри изменилось. Его только что затуманенные глаза приняли злобное выражение.

— Я з-знаю, что ты мечтаешь только о том, чтобы трахаться с женщинами, и твой домашний очаг там, где твой ч-член чувствует себя как дома.

— Ну, ладно, этого достаточно. На сегодня это все.

Мимика Харри снова изменилась, в этот раз на дружелюбную. Его перепады настроения и фантазии беспокоили Пьера. Пациент не хотел слушать, впрочем, это не было преступлением, а поскольку фантазии Харри никому не вредили, кроме него самого, у Пьера были связаны руки. Он уступил обязанности соблюдать служебную тайну и ничего не мог делать, кроме как продолжать воздействовать на Харри, насколько это было возможно.

— Не в-выгоняй меня, — попросил Харри. — Кроме как с т-тобой, я не могу ни с кем говорить...

— Начиная с?

— Все равно.

— С Сабиной?

— Все р-равно, я с-сказал.

— Я думал, ты хочешь поговорить.

Губы Харри стали тонкими.

— Не об этом.

— Как скажешь, — вздохнул Пьер. — Но разговаривая друг с другом таким манером, мы далеко не продвинемся. В конце концов, в своей фантазии ты как раз наломал дров с Майком. Я должен был это знать. Не лечить психоз разумными аргументами, иначе все психиатрические заведения сегодня могли бы быть закрыты.

— Ум-мник, — Харри вскочил так резко, что кресло перевернулось. — Ты б-был не лучше, чем д-другие. Ты также мало меня понимаешь и не заботишься о д-дворце, об острове. Майк позволяет строить фабрики, хран-нилища, парковки для грузовиков... Кусок за куском изменяет нашу р-родину, в-все, что нам было свято, этот ненасытный обжора, этот предатель. И сейчас старый Бальтус — он на самом деле не шутит и позволит построить на территории д-дворца дом отдыха. Ты говоришь, что я должен быть на расстоянии, но ты подразумеваешь с-сдаться. Так типично для тебя, Пьер. Ты трус и подхалимский подлиза. Всегда был таким. Я, наоборот, дошел до значимого заключительного этапа своего развития.

Подобное Пьер слышал уже полдюжины раз на протяжении многих лет, и это казалось ему просто идиотским, чтобы через двадцать лет вражды и борьбы кто-то пустословил о значимом этапе.

Харри сжал кулаки, но Пьер оставался спокойным и выписал рецепт.

— Успокаивающее средство, возможно, действительно поможет. Бери или оставляй, совершенно как ты хочешь.

— У меня нет д-денег на ап-птеку, — смущенно ответил Харри, пока опускал кулаки и вытирал мокрые от пота ладони о брюки.

Пьер подошел к шкафу для хранения запасов и вытащил коробку, которую подал Харри:

— Три раза в день до приема пищи. Впрочем, против призраков они не помогают.

Когда Харри уже наполовину был в дверях, Пьер сказал, пока заполнял на компьютере карту пациента:

— Кстати, звонила Лея. Она снова здорова и сегодня возвращается на остров.

Харри стоял с рукой на дверной ручке, три, пять, десять секунд.

— П-почему ты мне это говоришь?

Пьер посмотрел на него.

— Просто так. Я подумал, что было бы лучше подготовить тебя.

Было не случайно, что первоначально, в этот день, Майк рассчитывал на встречу с Пьером сразу после того, как узнал от своего доверенного лица о выписке Леи из шверинской реабилитационной клиники.

Он очень редко и неохотно посещал практику Пьера, прежде всего потому, что его не устраивало, что кто-то, кем он распорядился в своей юности, теперь имел перед ним преимущество, даже если и в области медицины. То, что Пьер что-то знал о организме Майка и его сокровенном, было крайне досадным обстоятельством, которое мужчина компенсировал тем, что демонстративно игнорировал советы и предостережения врача.

После того, как Майк прошел обследование, он безразлично спросил:

— Ну? Мне грозит сердечный приступ?

— Каждому, у кого есть сердце, грозит сердечный приступ.

— Ты считаешь опасность у меня незначительной?

— Ты можешь снова одеваться, мы закончили.

Майк застегивал рубашку, пока наблюдал за тем, как Пьер изучал его ЭКГ. На самом деле, мужчину ни в малейшей степени не волновали результаты, и было ясно, что Пьер тоже об этом знал. Тем не менее, они оба делали так, как будто здоровье Майка было основным поводом для этой встречи.

В этом не было ничего необычного. В течение многих лет, в которые бывшая компания была знакома — в принципе всю жизнь — было нормальным состоянием болтать о делах. Если быть так хорошо знакомыми как они, когда вы живете слишком близко друг к другу, и знать так много друг о друге, были только два способа справиться с этим: абсолютная открытость или маскарад.

В конце концов, возобладало последнее, и с тех пор под сомнение никем не ставилось. С каждым годом это специальное обхождение проявляло себя друг с другом немного больше и сохранило дружбу, вопреки некоторому соперничеству в определенном равновесии.

Лея могла полностью помешать этому равновесию.

— Она уже позвонила тебе? — спросил Майк небрежным тоном.

Он рассчитывал на то, что Пьер знал о ком шла речь.

— Это было предсказуемо.

— Нельзя было предвидеть, что она снова вообще вернется. Ты не поощрял ее? Но мы сошлись на том, что...

Пьер бросил результаты медицинского обследования через стол и откровенно посмотрел на Майка.

— Не я посещал ее каждый день на протяжении четырех месяцев после того, как это случилось, — сказал он с подавляемой горячностью. — Я также не звонил ей, не писал открыток, ни посылал никаких цветов... То, что она приезжает на Пель, не имеет со мной ничего общего, но я скажу тебе одно: сейчас, поскольку это так, я этому рад.

Майк ухмыльнулся.

— Тс, тс, как маленький Пьер может волноваться... Кроме того, абсолютно безосновательно. Я только задал тебе простой вопрос.

Пьер глубоко вздохнул.

— Ответ — нет.

— Ну, вот, это происходит без твоего детского крика.

То, что Пьер, который никогда не повышал голос, конечно, не против него, неожиданно так встревожился, подтвердило подозрения Майка. Еще до того, как Лея вообще появилась, она уже вызывала волнение. Несмотря на то, что он ее любил, лучше бы ему знать, что она живет в Аргентине. Но в действительности ничего не помогло.

— Из всего, что я слышал, она все еще страдает от амнезии, — сказал он. — Не смотри так удивленно, я каждый раз узнавал то, что хотел знать. Медицинским сестрам плохо платят.

Майк наблюдал, как Пьер сердито убирал оборудование, но душевное состояние собеседника его не волновало. У него были другие заботы. Если состояние Леи продолжится, это многое бы упростило. В противном случае...

Когда Майк встал, чтобы заправить рубашку в брюки, то слегка покачнулся.

Пьер спросил:

— Сколько виски ты уже сегодня выпил?

— Без понятия, три или четыре.

— Литра или стакана?

— Ты официант или врач?

— Оракул. Однажды, не я с тобой расквитаюсь.

— А кто?

— Твое ах какое огромное сердце.

Майк засмеялся и пошел к двери.

— Мне нравится сарказм, Пьер. Особенно использование его слабаками, потому что он позволяет им казаться храбрыми.

Практика Пьера, деревенского врача в Кирхдорфе, самом большом муниципалитете на острове, с двенадцатью сотнями жителей, была простой: узкий коридор, довольно извилистый, небольшой зал ожидания, шесть стульев, три пенсионера, две репродукции голубых лошадей Франса Маркса и очень старательная медсестра. Она заговорщицки прошептала мне, что «проведет меня вне очереди», что и сделала.

— Лея. Наконец-то.

Пьер, улыбаясь, прошел ко мне по врачебному кабинету и искренне обнял. В первое мгновение я слегка напряглась и, вероятно, довольно ошарашенно на него уставилась, потому что он быстро сказал:

— Извини, я... позвонил врачу в реабилитационной клинике, и он рассказал мне, что ты все еще страдаешь от амнезии. Но на мгновение я об этом не подумал. Ты действительно не можешь вспомнить о своем первом посещении? Совсем ничего?

Я озадаченно смотрела на него.

— Понимаю, — сказал он. — Это значит, что я, в принципе, для тебя незнакомец. В конце концов, ты видела меня в тысяча девятьсот девяностом, а я просто бросился тебе на шею.

Он сразу мне понравился и признаюсь, также из-за своего хорошего вида. Абсолютно черные волосы и спортивная фигура. Улыбка была привлекательной, придавая ему мальчишеское обаяние. От его застенчивой юности осталось совсем немного, например, то, что Пьер неловко сунул руки в карманы, когда извинялся передо мной за пылкое приветствие.

— Ты отлично выглядишь, Лея.

— О, спасибо, — ответила я и неуверенно осмотрела себя.

Утром я решила на более спортивную одежду, как если бы хотела пойти на фото сафари. Этот вид казался мне уместным для Пёль. Только элегантные туфли не подходили к нему, на самом деле.

Пьер засмеялся.

— Собственно, я подразумевал твое лицо. Хирурги выполнили всю работу. Шрамов тоже не видно. Было бы слишком жаль, если бы ты потеряла свое обаяние Одри Хепберн.

— Одри Хепберн? Я?

— Я и раньше ощущал это так. Образ того, как ты смеялась, как за секунды могла переключаться с веселого до печального, твоя особая задумчивость, жесты... Это была точная Холли Голайтли.

— О, Боже. Ты никогда мне об этом не говорил.

— Верно.

Пьер снова засунул руки в карманы брюк. Я легко возражала ему и навела мосты, даже если не совсем бескорыстно.

— Я планирую остаться на несколько дней. Мой терапевт считает это хорошей идеей, — лгала я.

Пьер со знанием дела кивнул.

— Комната для гостей в твоём полном распоряжении.

— Я не это имела в виду. Я...

— Никаких возражений. Я буду ужасно рад.

— Ну, тогда... Большое спасибо. Ты скоро закончишь работу? — в заключение сказала я.

Он был пока занят. Но предложил мне встретиться двумя часам позже в доме Петерсенов, у Мергрете.

— Она все еще живет в Кальтенхусен? — удивленно спросила я.

— Мы живем там все, — ответил он и мимоходом добавил: — Ну, да, почти все.

— А мне там вообще будут рады?

Я обратила внимание не небольшую задержку ответа Пьера, морщины на лбу, брови, уголки губ, но мне не удалось обнаружить ничего, что бы сделало меня подозрительной.

— Конечно, — сказал он. — Почему нет?

* * *

Почти в пешеходном темпе я ехала по поселению Кальтенхусен, которое, несмотря на незначительную застройку, простиралось на целый квадратный километр, потому что несколько больших луговых земельных участков лежало между усадьбами. Меня удивило то, что три дома из шести были приведены в порядок, один даже был начат заново, расширен и модернизирован. Остальные же пришли в упадок, бурая штукатурка на стенах была еще со времен ГДР. Перед одним из этих домов, домом моей семьи, я вышла из машины.

Здание, в котором я выросла, пережило свои лучшие дни. Штукатурка отпала, окна были жалкими, водосточная труба отошла от стены, сад был безнадежно запущен, изгородь из вика⁵ заросла... Между диким терном и различными сорняками лежал заржавевший почтовый ящик, на котором, в том числе, стояло и мое имя.

Насколько я знала, уже несколько десятилетий назад Сабина поручила его продажу брокерской конторе, но, разумеется, до сих пор ничего не получилось. Большинство людей, которые ищут спокойствие и уединенность, делают это, как правило, три недели в году. Тот, кто приобретал этот дом, напротив, должен бы здесь жить и работать. Кальтенхусен был как маленький остров на острове, не защищенный от волн среди зеленого океана лугов. Кто не понимал соседей...

Я вздрогнула. На некотором удалении, за большими придворными воротами, послышался шум циркулярной пилы. Резкий, неприятный, громкий шум напоминал человеческий крик.

Я взяла свою сумочку из машины и пошла к дому Петерсенов, который находился на удалении только двух полетов камня. И он тоже был в плохом состоянии.

— Что вы хотите? — проворчал кто-то сразу после звонка, с другой стороны коричневой, немного прогнившей двери. — Я ничего не покупаю, тем более у вас.

Глубокий голос Маргрете вызвал у меня эффект узнавания, потому что еще ребенком она звучала немного ворчливо и по-мужски. В первое мгновение я хотела обнаружить себя, но затем меня охватило желание сделать маленькую шалость. Я мало смеялась в течение последних нескольких месяцев и даже не могла вспомнить, когда в последний раз.

— Но вы даже меня не знаете, — прошептала я, и могла бы положиться за то, что она не узнала мой изменившийся голос.

Она не могла меня видеть.

— Я и не должна. Ясно слышала ваши туфли на шпильках. Ваш сорт людей давно уже больше не забредает сюда. Хотят продать мне место на небесах. Мини пылесос, что для таких людей как вы, кажется одним и тем же. Может быть, даже вечную молодость или последнее космическое исследование. Или при разграблении влажных джунглей вы наткнулись на чудесный цветок, который теперь замешиваете в своих нагло дорогих кремах?

— А что, если даже так?

— Милая женщина, чтобы вы знали. Я покупаю свои крема в дисконтных магазинах, храню духи из смеси испражнений кита и воловьей мочи, и последний раз использовала карандаш для глаз шесть лет назад, спросите меня, курю ли я тайно опиум. Так вот, чтобы знали, что я думаю о косметике. Вы смеетесь? Прекрасно, что я улучшаю ваше настроение. Прощайте.

— Для того, у кого на циновке стоит «Добро пожаловать», вы довольно недружелюбны, — сказала я, с трудом подавляя смех.

Кажется, так я не смеялась уже целую вечность.

— Ну, теперь с меня хватит, — сказала Маргрете и рванула дверь.

Передо мной стояла женщина средних лет, которая вытирала свои грубые рабочие руки о кухонное полотенце. У нее была почти белая кожа, темно-рыжие, окрашенные, короткие волосы и зеленые глаза. Ее коренастая фигура, выражение лица и глухой, немного нервный голос были заметными предупреждающими знаками. Входите на свой страх и риск.

Она была огорошена.

— Лея, — пробормотала Маргрете и уставилась на меня как на призрака.

Через несколько минут я сидела на кухне Маргрете, мы были вдвоем и так же, как другие из компании раньше, сидели на кружком. Мы с пристрастием поедали огромные куски вкусных пирогов Эдит Петерсен, которые запивали какао «Тринкфикс». Мать Маргрете радостно смотрела на нас, и в тот момент я не желала себе ничего более страстно, чем ромовую бабу и «Тринкфикс» на столе.

Всюду присутствовало прошлое. Чугунная форма для кекса, которую Эдит Петерсен издавна использовала, стояла на своем старом месте — на покосившемся кухонном шкафу. К тому же газовая плита из шестидесятых и репродукция наивной картины, которая изображала рыболовный катер на заходе солнца. Изменилось только немного. Старая прихожая исчезла под современным уродливым ПВХ-покрытием, которые издавали скрипучие звуки. Монументальный холодильник был первым западным приобретением Петерсенов после перелома, был сейчас не заметен, видимо потому, что с тех пор выглядел сейчас почти так же, как тогда старомодный холодильник ГДР.

Маргрете поставила на стол два бокала кофе, противное быстрорастворимое барахло, который она пила большими глотками. На нас падало только небольшое количество света из окна над раковиной, и настроение между мной и Маргрете было таким же унылым. Веселье от небольшой забавы у входа утихло, над которым итак только я и могла смеяться. Я попросила Маргрете принять ее с юмором, но с таким же успехом могла бы попросить мертвеца подняться. До сих пор уголки ее рта не искривились даже в подобие улыбки.

— Не думала, что ты снова появишься, — сказала она. — Пьер однажды как-то рассказывал, что у тебя провал в памяти. Пожалуй, ты хотела забыть наши смешные фигуры? Ну, если это все, что осталось от аварии... Повезло, сильно повезло.

— Авария уже вытащила пару ран и перемен, — ограничила я ее приговор.

— Да, твой голос звучит иначе.

— Физически относительно, — лгала я.

— Гибкость подходит тебе гораздо лучше, чем ясная голова с утра. То, что раньше ты бы добавила от себя, всегда действительно принадлежало тебе, будто бы ты часами пролистывала сборник стихов. Только голос твоей Пеппи Длинный Чулок не подходил для этого, он всегда был скрипучим. Слышала, что ты стала Щелкунчиком.

— Что?

— Фотографом, — перевела она.

— Верно. Я не говорила об этом во время своего посещения в мае?

— Мы немного поговорили друг с другом, — сказала она, и я не была уверена, был ли ее тон озлобленным или разочарованным, или оттенка не было вовсе. — Кроме того, здесь ты была только однажды, во второй половине дня и вечером.

— Да, предполагаю... К сожалению, я не помню о том, как тогда говорила.

— Ну, тогда я хочу немного рассказать тебе кое-что о себе, что в любом случае пройдет быстро, — Маргрете пожала плечами. — Не замужем, детей нет, — сообщила она так, будто ее жизнь лучше всего описывалась этим. — Но у Харри было две... двое детей и две экс жены. Мой брат платит за свою тупость и глупость. Напортачил. Он уже несколько лет живет с нами.

— С вами?

— Мама наверху. У нее был апоплексический удар шесть лет назад, и с тех пор она лежит. Или это уже семь? Не знаю, может больше.

— О, мне жаль. Она была всегда такой бодрой. — Это не было моей пустой фразой. В молодости Эдит Петерсен была для меня больше, чем просто мать моих друзей — Харри и Маргрете, что-то вроде любимой тети.

— Она уже очень долго больна, собственно, и ушла на пенсию раньше. И с тех пор всегда что-то было: рак, язва желудка, ревматизм...

Маргрете опустила свой взгляд на пустую чашку, которую охватила обеими руками, пока я искала оборванную нить общения, которую, тем не менее, не могла так быстро найти. Двадцать три года были сжаты в несколько минут, в пять, шесть предложений, и таким образом все, казалось, говорило о прошлом. Настоящее время было тягостным. Так как был этот сонный, болезненный домик, кухня в серых сумерках, брат и сестра в возрасте около сорока, которые жили с больной матерью, мутная бурда, не заслуживающая названия — кофе. Тут были тишина и застой, несмотря на тикающие кухонные часы.

В голову не пришло ничего утешительного, что можно было бы сказать, поэтому я даже не пыталась.

— Скажи, Маргрете, ты знаешь, почему Сабина и я приехали в мае на Пёль? Не могу себе представить, что мы устроили здесь ностальгическую семейную встречу.

— Не-е, определенно нет, — рассмеялась она. — Но вы были как кошка с собакой.

— Именно.

Мы с Сабиной не контактировали двадцать три года, не считая разовых рождественских открыток, которыми обменивались — она регулярно, а я не очень. Мы обменялись адресами, но не более того. Мы не посещали друг друга, не писали никаких электронных писем и созванивались за все это время только единственный раз, когда она позвонила через двадцать лет после моего отъезда в Аргентину и хотела узнать, буду ли я согласна, чтобы могилы наших родителей на Пёль были ликвидированы. Так как я не имела ничего против, разговор продолжался не более трех минут.

— Сабина была полицейским, — объяснила Маргрете — Во время операции кто-то повредил ей выстрелом колено. С тех пор она хромала и была переведена в полицию нравов. Почему она была здесь? Думаю, речь шла о какой-то маклерской истории.

Сейчас, когда Сабина была мертва, мне было немного стыдно от того, что я почти ничего не знала об ее жизни, даже профессии, а также ничего о ранении. В рождественских открытках такие вещи не упоминают. Маргрете знала о моей сестре в десять раз больше, чем я.

— Как долго она была здесь?

Маргрете недолго медлила с ответом, и мне показалось, что ей потребовалось время, чтобы посчитать дни.

— Два дня, если я правильно помню.

Я едва ли могла себе представить, что Сабине потребовалось целых два дня, чтобы выяснить несколько вопросов с маклером. Все же, у меня не было причин сомневаться в утверждении Маргрете.

— Я любила ее, она была непосредственной, лаконичной, в общем, не ломакой, — сказала Маргрете. — Она останавливалась у нас, спала в старой гладильной комнате. Мы действительно хорошо ладили. Отличный приятель твоя сестра.

Какое сенсационное изменение отношения. Раньше я была отличным приятелем. Сабина, напротив, не нравилась никому из нас. Случаю было угодно, чтобы в Кальтенхусене дети появлялись на свет один за другим в течение с семьдесят первого по семьдесят третий годы, тогда как рожденная в тысяча девятьсот шестьдесят шестом году Сабина оставалась в полном одиночестве и именно в полном смысле этого слова. Девочка двенадцати лет ни за что охотно не поиграет с семилетними, и семнадцатилетняя с мальчиками двенадцати лет. Моя сестра всегда надменно смотрела на нас, «детей», свысока, как более старшая, но в то же время завидовала. Когда все ее подружки жили в Кирхдорфе, или еще дальше, она не могла часто с ними встречаться. Напротив, другие шестеро и я были оживленной бандой ровесников, которые каждую свободную минуту проводили вместе, многие из них на нашей спортивной площадке и в дворовом клубе.

Маргрете встала и налила воду для двух чашек растворимого кофе в примус. Как будто у нее был тот же ход мыслей, что и у меня, и она хотела уничтожить их.

— Кстати, на участках с развалившимися домами строят летние домики.

— Что, прости?

— Руины будут уничтожены.

— Наш дворец?

Маргрете налила кофе.

— Так я уже давно говорю, что это не более чем рассыпавшаяся груда кирпичей.

— Раньше дворец был для нас всем, — ответила я немного укоризненно.

— Раньше Брюс Спрингстен был тоже для нас всем. А сегодня пошел он знаешь куда.

— Но память о нем...

— Воспоминания не платят за мое электричество, Лея. Летние дома факт, и я могу в них убирать.

Я была растеряна. Руины монастыря были для нас семерых гораздо больше, чем место собрания и место действия: наш волшебный сад, собственная империя, которую мы освободили от сорняков и починили. Там мы придумывали шалости, строили планы, делили счастье и заботы. Дворец был сердцем нашей дружбы.

— Минутку, — возразила я. — Земельный участок в течение десятилетий принадлежал моей семье. Мы, правда, ничего там не делали, да и вряд ли это проходило в ГДР. Но кто...

— Старый Бальтус присвоил его.

Что было странным в этом высказывании? То, что кто-то присвоил мой земельный участок. Или...

— Старый Бальтус еще жив? Отец Жаклин?

— Ну, слышала, что ему восемьдесят три.

— Но он тогда уже выглядел, как в восемьдесят три. Тогда сейчас ему должно быть сто шесть. Какое отношение он имеет к моему земельному участку?

— Он полагает, что тот принадлежит ему, поэтому его и занял.

— Занял? — я засмеялась. — Без объявления войны? Это противоречит нормам международного права.

Прежде всего, это было забавно. Для постройки летних домов были земельные участки и лучше. Почему вдруг старику почудилось, что он должен предъявлять правопритязание? По какому закону?

Вероятно, поэтому Сабина осталась на два дня на Пёль? Значит, она позвонила мне, потому что нуждалась в помощи? Я как раз хотела спросить об этом у Маргрете, но увидела, как мимо кухонного окна проходил Пьер, и решила задавать свои вопросы лучше ему.

Я не знала, как я должна была расценивать Маргрете. С одной стороны, она говорила, не выбирая выражений, с другой стороны, казалось, что в этой открытости сквозила некая антипатия. Или я только вообразила? Я все более и более ощущала свою амнезию эмоциональной слепотой. Ограничение своих обостренных чувств делала меня гиперчувствительной. Я поймала себя на том, что буквально искала подтекст, ведь тот, кто ищет, тот и находит.

Вместе с Маргрете и Пьером я почтительно вступила в комнату Эдит Петерсен на первом этаже, как в ризницу, хотя помещение скорее выглядело убогим. Мебель была уже довольно прогнившая. Двухспальная кровать, которая служила таковой еще с доисторических времен, скрипела и стонала. Она была обтянута белым, и от ног до бедер пациентку дополнительно согревало красное вязаное покрывало. Оно выглядело так, будто Эдит сама делала его в долгие часы, которые лежала тут без какого-либо занятия. Сколько часов в день она разглядывала картину с подсолнухами Ван Гога из календаря, которая висела на обоях с тысячами фиалок? Также тут стоял телевизор, который выглядел, будто был доставлен еще во времена Вальтера Ульбрихта.

Все это художественное оформление принадлежало другой эпохе, и не было рядом с кроватью Эдит скопившихся пестрых журналов с современными принцессами в элегантных вечерних платьях на обложке, это были декорации для фильма пятидесятых годов.

Маленькая и худая голова Эдит торчала из-под одеяла, так же как ее тонкие руки и ноги. Она как раз была занята тем, что вырезала из разноцветных журналов картинки и приклеивала их в альбом. Бернадотт, Виндзор, испанские Бурбоны, датские счастливые граждане – они все выстроились, чтобы наполнить комнату небольшим блеском. Только небо было, правда, в квадрате окна и солнце не более, чем изредка появляющееся прямоугольное пятно на полу.

— Лея, — сказала Эдит тонким, хрупким голосом и, улыбаясь, протянула мне руку, затем она кивнула врачу. — Маленькая Лея.

— Здравствуйте, госпожа Петерсен. Вы прекрасно выглядите.

Ее рука ощущалась как суконная салфетка, мягкой и безжизненной, без какого-либо противодействия. Когда я вспоминала мать Маргрете раньше, то видела перед собой подвижную вдову. Женщину, которая вырастила своих двоих детей, работающую только в сельскохозяйственном производственном кооперативе, заботящуюся о доме, собирающую и варящую фрукты, помогающую с домашними заданиями, работающую в огороде... Она всегда что-то делала. Я никогда не слышала, чтобы женщина жаловалась. Для нас, деревенских детей, Эдит всегда имела доброе слово и кусок пирога, но я также знала, что она сварливая и не закрывала рот, если это того стоило. Со старым Бальтусом, членом СЕПГ⁶ низшего уровня, она регулярно так делала.

Пьер начал с обычных обследований, которые Эдит безоговорочно позволяла выполнять.

— Я должна поругаться с тобой, — сказала старая дама, обращаясь ко мне, пока измеряли ее давление. — Ты не попрощалась, когда скрылась. Куда ты, собственно убежала?

— В Аргентину.

— Ах... Ты хочешь посмеяться надо мной? И почему ты не посетила меня, когда несколько месяцев назад была в деревне?

Я стояла с открытым ртом. Если вы ничего не помните, то нельзя даже самому придумать оговорки. Почему я не посетила Эдит Петерсен в мае? В детстве я очень любила женщину и любовалась ее смесью грубой сердечности неугомонной энергии. Иногда я хотела, чтобы она была моей тетей.

Маргрете открыла закрытое окно, чтобы впустить свежий воздух.

— Лея потеряла память после аварии. Она больше не знает, что у нее было времени нанести тебе визит. Не предъявляй к ней чрезмерные требования своими вопросами.

Эдит выглядела так, будто Маргрете объяснила ей теорию относительности.

— Ах... — сказала она, помедлила и добавила: — Об аргентинцах я знаю только то, что они выращивают рогатый скот, и у них нет короля. Лея, ты должна была попрощаться.

— Вы правы, госпожа Петерсен. Но для меня это было трудное время.

— Да? Вздор. Почему это плохое время?

Маргрете взбила подушку Эдит как тесто для пиццы.

— Ты разве больше не знаешь, мама? Летом девяностого родители Леи пострадали в результате несчастного случая в Западной Германии.

Эдит закусилась своей нижней губой. Она изо всех сил пыталась вспомнить — и неудачно.

— С этим большим количеством аварий я совсем запуталась.

Маргрете бросила на мать и затем на меня взгляд, который как бы говорил: «Так происходит всегда».

— Во всяком случае, — энергично вскрикнула Эдит. — Аргентина нуждается в короле или лучше в королеве. От них толку больше.

— Я им передам, — сказала я, что рассмешило нас с Пьером.

Как взаимосвязана я была с этой дряхлой дамой, память которой была также отрывочной, как и моя. Я сразу почувствовала себя очень комфортно, по-настоящему приподнято в этой старомодной, болезненной комнате.

Защищенность — это чувство, которое может встречаться в самых разных местах, если эти места напоминают нам о чем-то хорошем. В этом помещении со мной вдруг снова были пироги из детства, вкус безвкусного какао, которое приносила нам Эдит Петерсен, и довольно скучный Пьер, который сегодня явно не скучал. Даже решительная, хваткая Маргрете, от которой мне пришлось несколько раз уклоняться, пока она убирала газетные вырезки и обрезки Эдит, вызывали во мне воспоминания о своем детстве, тусовке и самом беззаботном времени моей жизни.

Вдруг я что-то почувствовала в своей спине, не соприкосновение, а что-то вроде проходящей тени, вероятно, предчувствие, может быть, голос откуда-то издалека или глубоко изнутри. Во всяком случае, я развернулась, и мой взгляд упал на фотографию, которая одиноко висела на стене.

Я сразу узнала ее и поняла, что это десятое ноября тысяча девятьсот восемьдесят девятого года, снятое полароидом. Днем раньше рухнула Берлинская стена, и Майк, Пьер, Харри, Маргрете, Жаклин, Юлиан и я встретились в нашем дворце, в руинах монастыря. Было далеко после полудня, шел небольшой дождь. Мы были пьяны от радости и дешевого шампанского, и хотели запечатлеть этот момент. Так как у камеры не было автоспуска, я подняла ее на вытянутых руках вверх, и мы плотно столпились. Семь смеющихся лиц, щека к щеке. Одна из первых и самых прекрасных фотографий моей жизни, воплощение радостей.

Я знала почти все об этом дне. Вскоре после съемки Юлиан предложил, чтобы мы кричали в небо свои многообещающие желания, один за другим.

Маргрете осмелилась первой, она всегда была первой. Пока мы собрались толпой под выступом стены, она вышла в дождь, который падал большими, тяжелыми каплями. Короткие, мокрые волосы на лбу Маргрете, придавали ей что-то бескомпромиссное и опасное. Как столп, она стояла и орала в ливень. Все думали, что Маргрете пожелает себе усадьбу, где она сколько угодно могла бы браниться и управлять или быть капитаном

авианосца. Вместо этого она кричала:

— Я желаю себе свободу. Я влезу на пирамиды Гизы. Поднимусь на вершину Улуру, буду мчаться на джипе сквозь огромное стадо буйволов, путешествовать через Гранд-Каньон, поплыву на лодке по Роне до Средиземного моря, и высажусь на лодке из листьев со свечами на берегу Ганга. Я увижу Мачу-Пикчу, собор Святого Петра, триумфальную арку из апельсинов и акрополь в Афинах. И я буду рисовать Давида Микеланджело на членах.

В этом месте мы все смеялись, только не Маргрете. Ее желания звучали, скорее, как вызовы на бой. Это был ее характер. Это была девочка, которая ехала на велосипеде по Кирхдорфу так, как будто бы управляла танком. Девочка, которая осмеливалась залазить на ель, чтобы спасти кошку, которых, в сущности, не любила. Девочка, которая в возрасте девяти лет набросилась на сорняки, полностью покрывавшие руины, когда мы боялись, что это может быть слишком много работы.

Маленький спор между матерью и дочерью снова обратил мое внимание на здесь и сейчас.

— Маргрете, я бы хотела поесть.

— Ты поела час назад.

— Твой так называемый картофельный суп нельзя есть вообще. Я бы хотела яичницу с беконом.

Круглое лицо Маргрете пылало после работы по уборке, которую она выполнила в комнате в течение нескольких минут. Она уперла руки в бока:

— Нет, не может быть и речи. От яичницы тебя только тошнит.

— Ну и что? От твоего вечного картофеля тоже тошнит, и если меня так или иначе тошнит, то безразлично от чего. Я хочу сочную золотистую яичницу болтунью. Доктор Пьер, скажи ей.

Я усмехнулась. Обращение показывало то, что Пьер, в принципе, для нее был маленьким мальчиком еще с тех пор, даже, если она его также оценивала как домашнего врача. Вероятно, старая дама даже гордилась, что мальчик, которого она раньше баловала своими домашними пирогами, получил ученую степень и признавался в этом контексте.

— Мне безразлично, что говорит Пьер, — пояснила Маргрете. — У меня все равно нет времени. Я должна идти, и Харри еще не появился.

— Не называй его постоянно Харри, его зовут Харольд, как норвежского короля, и...

— И всегда не пунктуален, мама. У меня нет времени сейчас готовить для тебя. Я должна работать.

Не только судьба старой Эдит каждый день снова решалась в этой комнате. Мать и дочь были связаны друг с другом, причем случалось так, что они менялись ролями, потому что Эдит почти ничего больше не могла делать одна, и чтобы получить желаемое, просила обо всем, в чем ей отказывали раньше. Маргрете, в свою очередь, занимала командную позицию, потому что зала ее и при случае использовала. Тем не менее, Эдит была тюремщицей своей дочери. Маргрете не могла сделать из дома ни шагу, без того, чтобы мать не одобрила. Это был триумф абсолютной слабости над стремлением к свободе других.

— Я могу оставить тебя одну на два часа? — спросила Маргрете. — Ты справишься?

Я быстро решительно предложила:

— Если никто ничего не имеет против, я могу остаться здесь до Харри... Прихода Харальда.

Пьер тоже сказал, что мог бы ненадолго остаться. Маргрете поблагодарила нас

взглядом.

Несколькими секундами позже она исчезла. Когда следом Эдит попросила меня принести ей новую ночную рубашку, и помочь переодеться, Пьер спустился вниз на кухню, и я осталась одна только со старой дамой.

— Вам подойдет в цветочек, госпожа Петерсен? — спросила я. — Хорошо, тогда поднимите руку, и я помогу вам быстро выбраться из старой ночной рубашки.

Вместо этого она схватила мою руку, и я поразилась силе, которую женщина могла развить, если хотела, и посмотрела на нее в замешательстве.

— Подойди, Лея, — сказала она подавленным, напористым голосом. — Покинь Пёль, пока еще есть время.

— Что? Но...

Она притянула меня ближе к себе, обняла руками и крепко отчаянно держала.

— Я хорошо понимаю тебя, маленькая Лея. Поверь мне, лучше тебе уехать, еще сегодня, прямо сейчас. Ты не поняла, но получила второй шанс. Речь идет о твоей жизни, Лея. Твоей жизни!

Я была так напугана, что вырвалась от нее, и женщина больно оцарапала своими пальцами мою кожу. Цветочная ночная рубашка упала на пол.

— Что вы имеете в виду? Кто угрожает моей жизни?

— Уезжай далеко, как только можешь. Возвращайся в Аргентину. И никогда не возвращайся сюда снова. Никогда, никогда снова. Иди уже. Чтобы духу твоего здесь не было. Сейчас же это сделай! Прощай, маленькая Лея. Прощай!

Я еще раз спросила старую госпожу Петерсен, что она под этим подразумевала, но та только сильно качала головой, начала плакать и дико жестикулировать руками.

— Иди, — было все, что она снова и снова говорила, и так как я не знала, что мне еще иначе делать, я покинула помещение.

Растерянно и немного ошеломленно я спускалась по лестнице. Пьер пользовался кухней, как будто это был его второй дом. Он грыз соленое печенье и налил себе чай.

— Хочешь одно? — спросил он. — Ты любишь чай больше, чем кофе, правильно?

— Я бы сейчас выпила чашку хорошего, черного. Если аргентинцы пьют чай, он состоит из листьев мате.

— Звучит здорово. Восточно-фризская смесь специально храниться у Петерсенов для моих визитов. С тобой все в порядке? Ты какая-то задумчивая.

Я посмотрела на него. Должна ли я говорить о предупреждении Эдит? Все-таки она задержала меня под предлогом и дождалась когда уйдет Пьер.

— Скажи, госпожа Петерсен умственно вообще-то... может, она в некотором смысле..?

— Все ли она еще на высоте, ты хочешь знать? Ну, да, — он вздохнул, — по словам Жан-Поля⁷, воспоминания — это единственный рай, из которого мы не можем быть изгнаны. О слабоумии он никогда не слышал. Перерывы Эдит становятся все чаще и длятся еще дольше. А почему ты спрашиваешь?

То, что Пьер не смог ничего процитировать из классического писателя, мне импонировало и понравилось.

— Ну, так, — лгала я. — То, что она забыла, что я живу в Аргентине. И то, что мои родители пострадали в результате несчастного случая.

— Это был один из пропусков. У нее есть фазы, когда она полностью там, и потом, от одного момента к другому, она пустословит запутанный вздор. Она родила Харри и

Маргрете очень поздно и легко это забыла. Она теперь восьмидесятипятилетняя. Моим родителям лишь семьдесят. С тех пор, как они живут на Гран Канария, их прежний дом стал моим домом. Бери себе чашку из шкафа.

Я отгоняла от себя инцидент в комнате Эдит, потому что мне было не ясно, что об этом думаю и насколько серьезно должна была это воспринимать. Конечно, это внутренне меня взволновало, и я больше не чувствовала свою потерю памяти как бремя, но и как опасность. Что, если авария вовсе и не происходила? Все же, у кого была причина..?

— Лея, — сказал Пьер.

— Что? — испугалась я.

— Одну чашку, пожалуйста. Ты пристально смотришь в шкаф, будто там сидит домовый.

— Извини.

Я схватила один из коллекционных бокалов. Это были такие же, какие привозит с собой человек из мест, которые объехал. Первая чашка показывала рыночную площадь Визмара, вторая старую Ростокскую ратушу, третья Бранденбургские ворота в Берлине. Никаких других коллекционных кружек не было.

— Куда, собственно, ушла Маргрете? — спросила я.

— К Майку.

— Я думала на работу.

— Она его уборщица.

Пока я с Пьером ждала Харри, уговаривала себя, что состояние Эдит Петерсен так угнетает меня, как таинственно-жуткое предупреждение. Также банальный вид Маргрете настраивал меня на печаль. Я любила свое детство, и если у меня плохо шли дела, то были мои воспоминания, куда убегала в мечты прошлого. Теперь прошлое столкнулось с настоящим, и все было другим.

Я не решалась обращаться к Пьеру про остальных из компании. Я до сих пор не поставила ни один из вопросов, которые лежали у меня на сердце, и из-за которых я вернулась в Кальтенхусен. В клинике они были еще далеки и абстрактны. Теперь они пугали меня. Кто позвонил мне тогда в Нормандию и почему? Что побудило меня оставить свою работу и мчаться на Пёль? Как происходила моя встреча с Сабиной?

Я стояла совершенно рядом с собой – и это почти буквально. Мне казалось, будто меня было две. Одна Лея искала правду, встречалась с прошлым и хотела понять. Другая Лея хватала потной рукой ключи от автомобиля в своем кармане брюк и говорила себе: «Тебе нужно только встать и уйти. Через двадцать секунд ты можешь покинуть дом, а через двадцать минут Пёль, и в пределах двадцати часов Германию».

Как тем утром в клинике, я бы лучше утомленно упала на кровать и целый час смотрела в потолок. Вместо этого я слушала Пьера, который вел себя так, будто не замечал моих проблем. Он рассказывал мне о своей практике, своих родителях и существующих проблемах сельского врача. Мужчина умело избегал того, что отдаленно должно было происходить со мной, компанией, Сабиной или в те два дня в мае. На самом деле, за полчаса он успел успокоить меня и даже развеселить немного. С одной стороны, у меня было впечатление, что судьба была, по меньшей мере, к нему добра. С другой стороны, Пьер просто приятно выглядел со своими чертовски красивыми глазами. Я не могла избежать его черных зрачков. И могла бы слушать Пьера до следующего утра, не уставая.

В какой-то момент щелкнул замок на двери. Наконец-то, появился Харри, чтобы присматривать за своей матерью. Он нашел Пьера и меня на кухне. Я встала. Харри, немного

хиппи, немного бомж, рассматривал меня несколько секунд и затем, без слов, пошел на верхний этаж.

— Не относи это к себе, с тобой это не имеет ничего общего, — сказал Пьер.

— Я поссорилась с ним, когда была здесь в мае?

— Нет, нет. Он просто сложный парень, замкнутый и упертый. И с тех пор, как руины находятся под угрозой сноса...

— Об этом я слышала. Что старый Бальтус вообразил на самом деле?

— Он все еще грубиян, ты же его знаешь. О его мотивах я ничего не знаю. Лучше всего поговори об этом с Жаклин. Она плохо относится к отцу, но если ты не хочешь говорить с самим стариком, то лучше встретиться с ней.

— Да, хорошо. Где мне ее найти?

— В доме Майка. Он во втором браке с Жаклин.

Четыре месяца назад

Налистник с сиропом ясменника⁸ — так называла остров Пель Сабина во время своей молодости. Большая, плоская клякса зелени, окаймленная песком. Казалось, что вам никогда не преуспеть на этой зеленой долине. Во время прогулки, через километр, вы удивленно терли глаза и спрашивали себя, сходили ли вы с места. Сабине хватило одного взгляда, чтобы понять, что ничего существенно не изменилось. Был ли это просто приговор, ее не интересовало. Девушка хотела как можно быстрее умчаться с этого острова, почему она так долго должна была жить мыслями о чем-то, под которыми через полчаса она бы навсегда протянула заключительную черту?

Вместо морского бриза и шума ветра, она выбрала «Deep Purple» как музыкальное сопровождение на протяжении дамбы до Кальтенхусена. Великолепное майское солнце все еще стояло высоко в небе, но море уже было серо-металлического цвета из-за тяжелого тумана, который покрывал побережье. Когда вскоре Сабина остановилась перед своим родным домом, то низко висящие шлейфы уже покрыли шесть домов в деревне.

Она прибыла на четверть часа раньше. Сначала девушка хотела остаться сидеть в машине так долго, пока не прибудет маклер, но затем все же вышла. Ее спина, измученная трехчасовой автомобильной поездкой требовала отдыха, и вообще все онемело.

Она прикурила сигарету и глубоко вдохнула никотин. Ее взгляд блуждал по брошенному гнезду и задержался на слегка обрисованном туманом родном доме. Только тогда она выдохнула дым.

— Дерьмо, — пробормотала Сабина.

Проклятие не считалось домом, хотя вполне могло им быть. Это были скорее мелочи: силуэт крыши, гнездо аиста на трубе, запах морского тумана, порыв ветра позади, крик чайки и все это в течение одной секунды. Ее чувства мгновенно на это среагировали и вызвали тысячу давно забытых картин, слишком много, чтобы можно было их снова отодвинуть в сторону.

В течение двадцати трех лет Сабина умудрилась поверить в то, что освободилась навсегда от воспоминаний о захолустье и доме. Были времена, в которые ее собственное детство было таким далеким, как история, которую она выдумала. Если кто-то спрашивал ее, где она выросла, Сабина ненадолго морщила лоб, будто бы должна была подумать и затем отвечала: «На Балтийском море». Поразительно, как мало потребовалось для того, чтобы в один миг разрушить успешный в течение многих лет механизм отеснения. Мало того, что на каждой картине висел небольшой, одинаковый для всех, ярлык с указанием цены: тонкий голос, приговор, улыбка, перенесенная или розданная подлость, немного любви, немного злости, короткое, приятное соприкосновение, которое позволяет надеяться, и покачивание головой, которое разрушает каждую надежду.

— Дерьмо.

С сигаретой в уголке рта, Сабина закрепила укрепленный на заборе обветшалый почтовый ящик. Вывеску с именем еще хорошо можно было прочитать: «Шарлотта Малер, Йоханнес Малер, Сабина Малер, Лея Малер». Нужен был только толчок, чтобы отодрат окислившуюся штуковину. Сабина размашисто бросила его в сад, где тот исчез между

кустами терновника и разным сорняком.

Сабина развернулась и прошла несколько шагов по растрескавшемуся асфальту. Быстрым движением она вытерла слезу из глаза, будто выплаканные слезы не шли в счет. Эта была первая после того, как прострелили колено четыре года назад.

Песни птиц умолкли, вероятно, из-за ставшего плотным тумана. Сабина занервничала, как всегда было, когда вокруг нее становилось так тихо, как будто из состояния покоя в любое время мог подняться голос, из глубины собственной души, которая будила бы нежелательные чувства.

Она снова села в машину и включила проигрыватель компакт-дисков. Случайно заиграл «Alan Parsons Project», музыка из тех лет, когда она уже давно оставила Пёль и не желала себе ничего более страстно, чем духовно и физически, наконец, оттуда уйти. «Alan Parsons Project» также хорошо подходил к Пёль, как готы курсам по вязанию.

В течение пяти минут Сабина пять раз смотрела на часы. Маклер⁹ опаздывал.

Она неохотно согласилась на эту встречу. С ее точки зрения, было абсолютно ненужно лично знакомиться с людьми, заинтересованными в покупке дома на протяжении уже восьми лет. Но мужчина на этом настаивал, видимо, потому что хотел что-то узнать об истории дома. Предложение Сабины предоставить желаемую информацию по телефону, натолкнулось на сопротивление брокера, который отказался от прямого контакта между продавцом и клиентом. Перспектива освободиться от последнего пережитка ее детства, наконец, заставил Сабину уступить стремлению маклера. Так как кроме всего прочего ей пришлось ликвидировать целую гору сверхурочной работы, она поневоле собралась в дорогу из Берлина в Пёль.

Когда маклер, наконец, прибыл, Сабина не очень удивилась потенциальному покупателю, которого он привез. Молодому человеку было не более двадцати, двадцати одного года, не просто обычный клиент, который приобретет себе в сельской глуши обветшалую недвижимость за шестьдесят тысяч евро. Даже через двадцать четыре года после падения Берлинской стены, большинство молодежи Мекленбурга все еще переселялись в другие регионы, и средний возраст населения возрастал с каждым годом. Вероятно, здесь был замешан новаторский дух. В принципе, Сабине было безразлично, кто купит у нее балласт.

— Я могу представить Вам господина Шлейхера? – сказал несколько грубо коренастый брокер, после того, как коротко представился сам.

— Торбена, — исправил потенциальный покупатель и смущенно протянул потную руку.

Он производил на Сабину впечатление молокососа, который хотел сделать предложение руки и сердца своей возлюбленной, но не уверен, услышат ли его.

— Господин Шлейхер хочет создать семью, а где это будет лучше, чем на этом прекрасном острове? — торжествовал маклер с широкой улыбкой, и решительно подтверждал свои слова преувеличенными жестами. — Здесь великолепно. И в доме нужно сделать совсем не много. Имущество, несомненно, есть, я прав, госпожа Малер?

«Даже у человека, у которого наступила смерть головного мозга, имеется какое-то имущество», — подумала Сабина. Она ничего не сказала, потому что спрашивать слишком много о собственном объекте продаж было плохо, но она также не была воодушевлена восторгами маклера.

— Вы хотите узнать что-то об истории дома? – вместо этого спросила Сабина молодого человека.

— Ну, собственно... на самом деле... — Он заикался. — Пожалуйста, мы можем поговорить с глазу на глаз?

Маклер запротестовал.

— Ничего подобного. Я все знаю. Вы хотите сэкономить на комиссионных и ударить по рукам с госпожой Малер.

— Нет, в действительности, нет, — заверил Торбен. — Я вообще не хочу покупать дом. Это был только предлог.

Терпение брокера почти лопнуло, и на мгновение Сабина была на его стороне. Многочасовая автомобильная поездка, потраченный зря день, встреча с нелюбимой родиной, и все коту под хвост. Какого черта?

Но затем агент напал на своего молодого клиента, который обладал большим арсеналом самых бранных слов, пока Сабина не остановила его решительным жестом и твердым взглядом. Для женщины она была необычно высокой, и то, что охотно и много занималась спортом, позволяло увидеть ее мускулистое тело. В ее среде девушке дали прозвище «Бриджит Нильсен», также из-за коротких обесцвеченных волос. Брокера в любом случае, запугали, и он с проклятьями понесся к своей машине и умчался прочь.

— А теперь Вы, — сказала она, поворачиваясь к Торбену, — объясните мне, пожалуйста, что все это значит.

Движением головы Сабина попросила его пройти с ней несколько шагов. Они остановились посреди Кальтенхусена, окруженные туманом.

— Начинайте.

— Спасибо, — вежливо сказал он. — Спасибо, что Вы предоставили мне случай...

— Я сказала — начинайте.

— Окей, итак... Я работаю санитаром в доме престарелых в Визмаре. Там я забочусь среди других прочих о господине Моргенроте, Хансе Монгенроте. Это имя вам говорит о чем-нибудь?

Сабина вытаскивала из памяти имя так же, как вытаскивают старые ролики из-за гор барахла в подвале. Возникший перед ней высокий, долговязый мужчина выглядел немного нерасторопным и довольно медлительным, но очень предупредительным и вежливым. В течение двадцати четырех лет, которые Сабина провела на Пёль, она едва ли обмолвилась с ним хоть словом. Привет, добрый день, спасибо, пожалуйста, до свидания, больше ничего. Ей никогда ничего не было нужно от него и ему от нее. Трудно представить, почему он спрашивал о ней.

— Мы почти незнакомы, — сказала она.

— Господин Моргенрот часто говорит о прошлом. Два имени, которые он повторяет снова и снова — Юлиан и Лея.

— Его сын и моя сестра. Много лет назад они недолго были вместе.

— Господин Моргенрот довольно часто спрашивает о Лее. «Я должен поговорить с ней», — снова и снова говорит он. — «Пожалуйста, мой мальчик, я должен поговорить с Леей». Вы знаете, это действительно тронуло меня. Это желание разбитого горем вдовца. Вот почему я недавно спонтанно приехал в Кальтенхусен. Я нашел у вашего дома почтовый ящик и там объявление брокера...

— ... и таким образом напали на след.

— Маклеры принципиально не дают контактные данные своих заказчиков. Понятно, что я мог бы попробовать, но риск того, что тип откажется, был слишком велик.

Сабина должна была признать правоту Торбена, маклер действовал как помесь из Эбenezера Скруджа и Дагоберта Дака в теле Денни Девиго. Тем временем, ее досада полностью исчезла. Молодой санитар хорошо говорил и пожертвовал своим временем для одного из своих пациентов.

— Толково задумано, и действовали Вы по-доброму. Только, к сожалению. Я не Лея. Моя сестра живет в Аргентине, там вышла замуж много лет назад, и теперь ее фамилия Хернандес. Я не думаю, что она согласится на четырнадцатичасовой перелет, чтобы посетить дряхлого отца своей первой любви. Вероятно, если бы Юлиан просил ее об этом.

— Сын пропал уже много лет назад. Насколько я знаю, господин Моргенрот всегда отказывался объявлять его мертвым.

Услышав о загадочной судьбе Юлиана, Сабине стало немного грустно. Хоть она и не много была с другом Леи, но его было тяжело не любить. Он для всякого находил нужное слово, хорошо играл на гитаре и пел под нее.

Сабина вздохнула.

— Выглядит мрачно. Но я, конечно, могу позвонить своей сестре...

Торбен выглядел подавленным.

— Со старым господином Моргенротом сложно договориться. Могли бы... Не могли бы Вы все же..? Я думаю, Вы и Лея – сестры. Если бы вы были немного похожи...

Сабина засмеялась.

— Вы не имеете никакого понятия. Но мы не похожи. Только не мы. Поверьте мне, Торбен, ваш пациент заметит обман быстрее, чем Вы выдадите овцу за Ляю.

Молодой человек не отставал.

— Я не имею представления, о чем он хочет поговорить с Леей. Вероятно, Вы могли бы что-то передать сестре от него. Думаю, что мы теряем?

Торбен пронзительно бил последним козырем. Ничего не теряем. На обратном пути в Берлин она, так или иначе, проедет мимо Визмара, что также не зависело, будет это на час больше или меньше. Кроме того, не было бессмыслицей, чтобы хотя бы попробовать исполнить последнюю волю старика.

Дом престарелых возле старой гавани Визмара неожиданно стал для Сабины настоящим сюрпризом и находкой. Он находился в большом замке, который был восстановлен после воссоединения, в тензейском барочном стиле. Трехэтажный квадрат, состоящий из сорока квартир, обрамленный спокойным озеленением, с высаженными внутри двора гиацинтами, который можно было обогнуть, как в крытой галерее. Казалось, что здесь нет нехватки в персонале, медсестры производили расслабляющее впечатление. По сравнению с его тесным домиком в Кальтенхусене, жилье в старом доме, включая круглосуточный постоянный уход в «Причале», было для Ханса Моргенрота комфортабельной квартирой.

Только, к сожалению, старый господин этого больше не имел. Усталый и немного жалко одетый, он сидел в инвалидной коляске, а Торбен толкал ее вперед. Сабина сразу узнала мужчину, его тонкие, почти аристократические черты лица почти не изменились. И хотя он был одет в пуловер и куртку, а на коленях лежал теплый плед, Сабина не пропустила того, что его части тела стали еще тоньше, чем раньше. Лысая голова была усеяна возрастными пятнами, а руки, хотя они и лежали на коленях, сильно дрожали.

— Извините, это продлилось немного дольше, — сказал Торбен и посмотрел на часы, обе стрелки которых стояли на двенадцати. — Господин Моргенрот всегда придает особое значение тому, чтобы выходить из дома хорошо побритым.

— Без проблем, — Сабина склонилась вниз к старику и вдохнула его туалетную воду. — Добрый день, господин Маргенрот. Вы знаете, кто я?

Он рассматривал ее, изучал и покачал головой.

— Сабина Малер, — сказала она и протянула руку, которую он схватил после некоторого промедления.

— Сабина, — приглушенно сказал мужчина.

Как странно! Она полностью забыла, что господин Моргенрот всегда произносил ее имя неправильно. Теперь он снова вспомнил о ней. Иначе это его ни в малейшей степени не побеспокоит. Наоборот, по причине, которую она сама точно не могла называть, девушка ужасно радовалась тому, что, вообще, старик узнал ее.

— Да, точно, которая Сабина. Скажите, Вы по-прежнему беспокоитесь о погоде?

Раньше он был метеорологом и заботился о метеостанции на побережье, где-то у города Рерик.

Вопрос заметно ему понравился.

— Подоконник, — сказал вдруг, очнувшись, и показал на Торбена.

— Мы занимаемся с небольшой метеостанцией на подоконнике в гостиной, — пояснил тот. — Я ассистент.

Несколькими словами господин Моргенрот дал понять, что он — помощник, а Торбен — шеф. Все трое рассмеялись, и лед отчуждения был сломлен.

Санитар неторопливо толкал инвалидную коляску. Сначала они придерживались направления к гавани, затем гуляли в центре, вдоль каналов тензейского города. Господин Моргенрот радовался водоплавающим птицам, и Сабина купила булочку, которую он справедливо разделил между чайками, утками, лебедями и воробьями. Небо все еще было пасмурным, и воздух был туманным и влажным, но они сели в саду в кафе и заказали себе лимонад, будто май был необычайно теплым.

Господин Моргенрот, который старался пить без соломинки, снова и снова рассматривал Сабину. Как невероятно устало он действовал секунда за секундой. Многие другие, в семьдесят с половиной, еще были полны жизни, в нем же, казалось, напротив, пропала вся сила и только изредка ненадолго загорались остатки.

— Где Лея? — спросил он через некоторое время.

Сабина объяснила ему, почему она, а не Лея посещает его.

— Если Вы хотели что-то выяснить у моей сестры, я с удовольствием ей передам. Я уверена, что она передаст ответ.

«Если нет», — подумала Сабина, — «я выдумаю какое-нибудь дружелюбное сообщение».

Он качал головой.

— Я надеялся, что увижу Лею еще раз. Я очень любил ее тогда, знаете ли Вы? И я ... хотел поговорить с ней о Юлиане, они оба так хорошо гармонировали вместе. Вероятно, она помогла бы мне, помогла... Я должен знать это, прежде чем...

Старик начинал плакать, и Сабина опустила свой взгляд, пока он снова не остановился.

Теперь Торбен стал говорить за своего пациента.

— У господина Моргенрота рак легких. Терапия будет мучительной и с большей вероятностью безуспешной. Через пять, шесть месяцев... — он прервал себя, но не требовалось объяснений, чтобы понять, что парень имел в виду.

— Вы меня понимаете? — умоляюще, спросил Ханс Моргенрот. — Прежде мне нужна

уверенность в том, что произошло с моим мальчиком...

Сабина думала недолго.

— Вы уже обращались в полицию?

Снова ответил Торбен.

— Они только отмахнулись от него и меня. И сказали, что это давний случай, что установлено следствием уже давно.

— Это мой долг, — сказал Ханс Моргенрот. — Я слишком долго ждал, не оказывал никакого давления. Лизбет, моя жена, всегда говорила, что чувствует, что Юлиан мертв. Утверждала, что он был убит. Из-за гитары. Вы знаете? И из-за его любимой еды...

Сабина совсем не могла следовать за старым господином, тем не менее, не прерывал его.

— Но я, — продолжал он говорить все быстрее, — отругал ее за это. Я не хотел думать об этом и твердо был убежден в том, что Юлиан жил своей мечтой, путешествовал по миру и однажды бы возвратился. Теперь слишком поздно. Полиция отказывает мне в помощи, и у меня нет денег для частного детектива. У меня нет сбережений, и ничего больше не остается, совсем ничего. О, Лизбет, ты по-настоящему была права, а я был болваном.

Сабина могла хорошо посочувствовать тому, что умирающий хотел узнать ответ на вопрос, мучавший его всю жизнь, чтобы найти спокойствие. До самого конца господин Моргенрот надеялся, что Юлиан вернется, и теперь цеплялся за мысль о том, что пропавший без вести умер. Вероятно, ему было легче поверить в мертвого сына, чем в бунтаря, который покинул родителей навсегда.

— Почему ваша жена полагала, что его убили? Она упоминала гитару...

— Юлиан оставил свою гитару здесь, — ответил он, с покрасневшими глазами. — Лизбет была убеждена, что наш сын никогда бы добровольно не расстался с гитарой.

С одной стороны, это звучало убедительно. Тысячу раз Сабина слышала, как Юлиан играл, если разучивал свои песни у открытого окна, и его пение разносилось, как дующий над Кальтенхусеном ветер. Скорее бы он оставил там руку, чем инструмент. И даже если хотел расстаться с этим. Он мог бы легко обменять гитару на деньги повсюду, в которых срочно нуждался как путешественник вокруг света. С другой стороны, это был только лишь маленький признак, который еще не оправдывал долгое расследование убийства. Имелись несколько заявлений того, из-за чего кто-то, кто хотел покинуть своих родителей в мероприятии-ночи-и-тумана, не взял с собой гитару.

Похожее было и для второго аргумента, который привел Ханс Моргенрот, а именно, что мать Юлиана сварила в вечер его исчезновения любимую еду Юлиана — лабскаус¹⁰ с картофелем. Он определенно ел это уже тысячу раз и от одного раза это не зависело. Тем не менее, все свидетельствовало об определенной бессердечности, оставить это как раз тем вечером, когда его мать проявила такую заботу, и такое не походило на Юлиана. Он всегда был прямолинейным и никогда наоборот.

— Поэтому, — сказал Ханс Моргенрот, — я думаю, что ты могла бы хоть раз поговорить с полицией, Сабина. Но ты же полицейский, не так ли? Когда ты тогда покинула Кальтенхусен, ты хотела идти в полицию, я еще вспоминаю об этом.

— И я, — добавил Торбен, — узнал от брокера, кем вы стали на самом деле.

— Секундочку, — сказала Сабина, — думала, что вы на самом деле искали Лею и я лишь ее замена.

Уличенный Торбин ухмыльнулся.

— Ну, да, не совсем. Я ничего не говорил в Кальтенхусене намеренно, потому что хотел, чтобы вы поговорили с господином Моргенротом прежде, чем вынесете приговор.

Сейчас это был уже второй трюк Торбена. Сначала он заманил ее на Пёль ошибочными предпосылками, а затем к Хансу Моргенроту. Но она все-таки не могла на него злиться.

— Окей, понятно, но теперь играем с открытыми картами, — напомнила она. — Я должна поговорить с моими коллегами в Визмаре. Хорошо, я это сделаю. Но почему вы хотите также поговорить с Леей, господин Моргенрот? Даже если бы моя сестра пришла, в чем я очень сомневаюсь, что она ничем не смогла бы помочь.

Ханс Моргенрот в благодарность подал ей дрожащую руку, что очень тронуло Сабину. Измученный, он закрыл глаза и медленно произнес:

— Кроме Лизбет и меня, Лея была ближе всех к моему мальчику. Он нравился многим, но любили его только три человека. Я бы с удовольствием обменялся с Леей воспоминаниями...

Сабина так и оставила эту просьбу. Но, тем не менее, как только они вернулись обратно в дом престарелых, она отвела в сторону Торбена.

— Я обещаю вам, что позвоню Лее, как только закончу здесь и покину Пёль. Но до тех пор...

— Вы не хотите встретиться с вашей сестрой? Вы не понимаете ее?

— Можно сказать и так. Мы не контактировали уже десятилетиями. И я с удовольствием хочу так и оставить.

— Почему? Вероятно, химия между вами снова...

— Вероятнее всего потому, что химическая связь между Леей и мной создает нитроглицерин.

— Мне кажется, вы должны рискнуть.

— А мне кажется, что в будущем вы должны сконцентрироваться на вашей настоящей профессии. Вы все сделали правильно, и без вас бы дело не сдвинулось с места. Но теперь сдерживайте себя, пожалуйста. Я позвоню вам, как только что-то разужу.

— Все ясно, мисс Марпл. Я храбро буду держать оборону и стану делать свою работу.

— Я не смогла бы сформулировать лучше.

По дороге к своей машине, Сабина ощутила покалывание, по которому давно скучала: потребность добраться до сути дела и решить загадку. Поэтому она и стала когда-то полицейским уголовного розыска, и в области борьбы против организованной преступности всегда чувствовала отличную приподнятость. Запутанные структуры, верные клятве группировки, мафиози, рок банды, неонацистские болота, это точно было ее делом. Затем ночная операция против вооруженной банды и выстрел, который изменил ее жизнь.

И каждый раз, когда она вспоминала об этом, то неосознанно ощупывала правое колено. Врачи месяцами оперировали вокруг него, меняли металлические диски, углы и зонды и снова меняли. Хотя Сабина каждый день делала лечебную гимнастику, походка осталась хромающей, которая нарушала в ее собственном воображении не только образ полицейского и знаменитого спортсмена, но и женщины. Хромота явно не была сексуальной. И она присутствовала каждый день. Если непродолжительные отношения разбивались, если доходило после ухаживания до отношений, если старая дружба медленно разрушалась или случайная встреча с более ранними друзьями не оживляла отношений — каждый раз догонку возникал вопрос, могло ли это быть связано с легкими затруднениями. Даже если Сабина всегда это отрицала, она никогда не могла быть в этом уверена. Как

непосредственное и недвусмысленное последствие ее нарушения, дорога была в отдел нравов. Для молниеносных захватов она больше не годилась окончательно. Пять лет Сабина провела за горами актов, формулярами и портативными компьютерами, если не полностью была занят тем, что собирала русских или албанских переводчиков. Без сомнения, это пошло на пользу. Но от этой пользы не было никакого напряжения, наоборот, ее клонило в сон. Сабина никогда не понимала до травмы или трансплантации, что стала полицейским не на благо общества. Она хотела стоять в личной борьбе, в чем-то вроде дуэли против мошенников. Раньше, в ее начальном периоде полицейского, она всегда говорила:

— Я не глаз закона, я его нос.

Так как чувствовала преступление прежде, чем его видела. Но в отделе, в котором Сабина теперь работала, и в совершенно особенной новой для себя должности, это слишком слабо ощущалось. Преступление нравственности двадцать первого столетия обнажило ее грудь. Принудительная проституция и торговля людьми открыто выступала ежедневно, имелись даже свои стукачи и сутенеры, которыми, между прочим, стали автобусные компании, которые устраивали маршруты от черноморского побережья в Германию. Здесь, в стороне от этого бесплотного пути, что-то неожиданно пронеслось в воздухе Балтийского моря, хотя еще очень слабо, как смутная идея одного старика, но все-таки. Двадцать три года прошло после убийства совсем молодого мужчины, которого Сабина знала лично.

Сентябрь 2013

За долгие годы отсутствия я полностью забыла, что небо над Пёль занимало девяносто процентов горизонта. По нижнему краю располагались пастбища, пруды с древними камнями, камыш, а за ними тонкая полоска моря. На всей остальной части острова преобладали серые или синие цвета в зависимости от погоды. В такие дни, казалось, что ландшафт и жизнь застыли неподвижно, словно нарисованный пейзаж. Только когда обрывки облаков кружили над островом или собирались в жутких газообразных чудовищ, смягчая застывшее спокойствие, Пёль начинал «беспокоиться», даже зарождались какие-то опасения и люди чувствовали себя зависимыми от враждебных стихий.

Тем не менее, день моего повторного возвращения был безветренным, даже несколько сумрачным. Во второй половине дня, на ту часть острова, которую я знала или точнее открывала для себя заново, опустилась зеленовато-синяя дымка.

С террасы Майка и Жаклин открывался вид, захватывающий дух, если вам нравились просторы и размытые, ненавязчивые цвета. Я любовалась гротескными узорами облаков в голубом сентябрьском небе. Впервые после смерти родителей, у меня появилось ощущение, что Пёль — мой дом. Я вздрогнула. Неподалеку от меня снова заработала циркулярная пила, звук которой заставил занервничать. Визгливый звук сильно резал уши, хотя Жаклин вполне спокойно подала мне чашку чая.

— Это всего лишь мой отец, — объяснила Жаклин и налила чай. — Несмотря на свой возраст, он постоянно работает. Люди его поколения просто не могут сидеть спокойно. Мы абсолютно другие, не правда ли, дорогая Лея?

Она протянула руку в поисках понимания. Девочками мы часто ходили, держась за руки. То, к чему Маргрете относилась пренебрежительно, для нас служило знаком тесной связи, равенства и даже любви. Бывало, мы даже невинно целовались. Но чем старше мы становились, тем сильнее наша дружба основывалась на привычке, нежели на одинаковых интересах. Книги, которые я читала, слишком утомляли Жаклин так же, как и мои пристрастия к долгим прогулкам по острову и верховой езде. У нее самой хобби не было. Ну, хорошо, она отлично плавала, но только лишь для того, чтобы покрасоваться в купальнике, как сама мне призналась. Все больше и больше подруга становилась простой наблюдательницей за моими действиями, и когда у меня начались отношения с Юлианом, она окончательно стала «безбилетным зрителем». То, что я тогда рассказывала Жаклин, было настолько ей чуждо, будто я сообщала о полете к звездам.

Теперь мне хотелось снова вернуться к ней. По счастливой случайности, Жаклин, казалось, тоже стремилась к этому. Непрерывно болтая, она давала мне пространные объяснения, будто удовлетворяла заинтересованного покупателя. Я часто убеждалась в жизни на собственном опыте, что беспрерывно болтают либо те люди, которым едва ли есть что сказать, либо одинокие по своей профессии, например, писатели. Последнее никоим образом не относилось к Жаклин. У нее была прекрасная профессия — жена благополучного мужа без детей.

Пока она рассказывала, я изучала ее и внезапно меня озарило. Перед глазами пронеслась яркая вспышка, и я увидела застывшее воспоминание, как на черно-белой

фотографии, вызвавшее во мне чувство тревоги. Тусклый лучик света пробился из самой темной части моего сознания, но спустя пару секунд погас. В этом странном воспоминании, Жаклин смотрела на меня широко распахнутыми отчаявшимися глазами, по ее щекам катились слезы, а я обнимала девушку за плечи, видимо, пытаюсь успокоить.

— Тебе холодно? — Жаклин заметила, что я покрылась гусиной кожей. — Дни в сентябре уже довольно прохладные. Может, лучше пересядем в гостиную? Пошли, я налью тебе горячего чая.

Все еще немного ошеломленная, я последовала за ней через дверь в огромной стеклянной стене. Гостиная Жаклин выглядела так, будто обстановкой занимался очень современный дизайнер, и очень контрастировала с сумрачной теснотой дома Маргрете. Прямоугольная черная мебель перемежалась пестрыми современными картинами, некоторые из которых были величиной с гандбольные ворота. Повсюду на потолке было вмонтировано точечное освещение, пол был выложен мрамором. Даже не встроенный в стену камин излучал уют. Майк и его вторая жена жили в доме, который раньше принадлежал рыбаку Хайнцу Никелю и его жене. Они увеличили его в три раза и полностью изменили.

— Цуон Цзен, — только и сказала Жаклин, и я предположила, что речь шла об имени самого модного дизайнера десятилетия по интерьерам.

Я вообще не могла ничего сказать о стиле, но все же пыталась найти какие-то слова, которые звучали бы как похвала и в то же время не были бы ложью, и, наконец, выдала:

— Никогда еще не видела ничего подобного.

Улыбка Жаклин растаяла.

— Я имела в виду зеленый чай. Он называется «Цуон Цзен». Он тебе нравится?

— О, он превосходен...

Теперь я все же лгала. Это барахло на вкус напоминало свежескошенную траву.

Жаклин жестом предложила мне сесть на кожаный диван пепельного цвета. Другой рукой она расправила свою юбку лавандового цвета, затем тоже села.

Ее едва ли можно было узнать. Раньше это была красивая сельская девушка с косой, теперь передо мной сидела чересчур худощавая женщина сорока лет со слабостью к черному жемчугу и популярным дневным кремам. От тяжелого запаха ее духов я немного устала.

— Приятно видеть, что ты в порядке, — сказала она. — Повезло, что ты... Ну, счастье — это, вероятно, ошибочное слово. Если я вообще могу говорить о том, что имею в виду...

— Конечно.

— Твой мозг все еще... Я имею в виду твою память... Пьер уже нам... Я в курсе.

— Да, амнезия все еще есть.

Она нервно засмеялась.

— Знаю. То же самое я объясняла тебе в мае.

— Ох.

— Для меня немного странно рассказывать тебе все дважды. Но не важно, главное, что ты снова здорова. И вернулась.

— Я сама не могу в это поверить, — честно ответила я. — Так странно снова видеть наш старый родной дом, остров, деревню и всех вас. То, что ты и Майк теперь женаты... От дружбы в песочнице к большой любви — напоминает романы Розамунды Пилчер. Я очень рада за всех вас.

Жаклин сделала движение головой, будто хотела отбросить со лба прядь волос, но ее

обесцвеченные светлые волосы до плеч, казалось, были зафиксированы целым флаконом лака для волос. Даже ураган не смог бы нанести ее волосам никакого вреда, скорее, у нее просто отвалилась бы голова.

— Это не было так уж романтично, — возразила она, и, словно желая это подчеркнуть, придала лицу серьезное выражение. — Мы поженились только десять лет назад. Первый брак Майка закончился крахом. Ах, ну, да... И я раньше гналась за своей актерской карьерой. Актерство было моей детской мечтой, если ты помнишь.

— Еще бы. Ты всегда хотела в Бабельсберг.

Жаклин снова надела маску «Цуон Цзен».

— Бабельсберг. Боже, нет, американское кино.

Я могла бы поклясться, что она хотела быть второй Ангеликой Домрезе, когда мы кричали в небо свои желания во дворце. Имею в виду, я совершенно точно слышала, как в моих ушах звучали имена Катрины Засс и Кати Парвля.

— Ну, в то время я исполнила свою мечту. Кстати, в отличие от многих здесь, в деревне. Я все же поехала в Голливуд.

Я воздержалась от комментариев. То, что Жаклин стремилась сделать карьеру в кино, мне казалось отличным. Но мне не понравилось то, что она рассказывала об этом, задрав нос. Я думала про себя: «Возможно, она даже была одержима Роландом Эммерихом, создавшим «Стоунволл» или Вуди Алленом, который мелькал в кадре на протяжении всего фильма «Сцены в магазине». Возможно, однажды Жаклин взяли даже на роль нацистского секретаря из-за ее замечательного немецкого акцента». Когда в тридцать с небольшим в ней по-прежнему не увидели новую Джулию Робертс, она, как и многие другие до нее, села в самолет и отправилась домой.

Очевидно, Жаклин мягко приземлилась.

— Майк — фабрикант и самый крупный работодатель здесь, на острове, — объяснила она мне. — Его рыбоперерабатывающее предприятие постоянно расширяется. Без него здесь были бы только ныряльщики, ищущие спокойствия туристы и рыболовы. Все здесь работает только благодаря ему, однако, этого все равно мало. Харри по-настоящему его одолевает. Его грызет зависть, и он тащит Майка в суд по всяким пустякам...

— Харри и Майк? Но они же были лучшими друзьями.

— Были! Теперь они страстно ненавидят друг друга. Причем, по моему самому скромному мнению, Майк ни в чем не виноват.

Плохим новостям не было конца.

— Бедная Маргрете, — преувеличенно громко вздыхала Жаклин. — С таким братом она идет по жизни, словно в кандалах. При этом ей итак уже достаточно трудно. Естественно, мы делаем для нее, что можем. Майк дал ей работу уборщицы на фабрике. У нее гибкий рабочий график, чтобы она могла заботиться о своей больной матери. Она также убирает здесь, у нас в доме.

— Наслышана.

Вероятно, Жаклин заметила мое удивленное выражение лица.

— Понятно, странно драить туалет у кого-то, с кем ты в детстве прыгал через веревочку.

— Мне тоже так кажется, — согласилась я с ней.

— С другой стороны, — настойчиво дополнила Жаклин. — Каждый лишний заработанный евро очень помогает Маргрете, и так легко она нигде бы не нашла никакой другой подработки. Если учесть, что ее родной брат делает нашу жизнь настолько тяжелой...

Когда ему ничего не приходит в голову, он даже умудряется натравить на нас службу охраны природы Макленбурга.

Своим тонким указательным пальцем, украшенным кольцом с жемчугом, она ткнула в сторону монументального окна в сад, где на ветру Балтийского моря шелестели ярко-красные листья японского клена на английском газоне. В поле зрения попал пудель, а затем позади него появился мальчик, примерно двенадцати — тринадцати лет, который бросал собаке теннисный мячик.

— Это твой? — спросила я и обрадовалась, что, наконец, увижу ребенка.

— Разве она не прелестна? Истинное сокровище. Шанель уже выиграла несколько призов, а именно в категориях «Прическа», «Элегантность»...

Я прикрыла глаза и вздохнула.

— Я спрашивала о мальчике.

— Ради Бога, нет. Это сын Майка от первого брака с дурацким именем Джереми. К счастью, он живет у своей матери в Ростоке и редко приходит в гости. Мальчик целый день ест чипсы и разбрасывает крошки по всему дому. Они хрустят, когда идешь или стоишь.

Жаклин вскочила и распахнула двери на террасу.

— Сколько еще раз мне тебе повторить, чтобы ты оставил в покое Шанель? Ты портишь ее характер.

Воспользовавшись временем, потребовавшимся Жаклин, чтобы спасти характер пуделя, я несколько раз глубоко вздохнула. Все это действительно было тяжело перенести: манерность Жаклин, ее показушность, гостиную, пуделя по имени Шанель с прической как у Джима Хендрикса... У меня не осталось никаких сомнений в том, что Жаклин никогда больше не сможет быть мне настоящей подругой.

Когда Жаклин вернулась, я сказала:

— Что касается земельного участка...

Она прервала меня резким жестом, и я уже предположила, что сказала что-то не то. Но Жаклин, оказывается, просто заметила соломинку и несколько кусочков земли на полу, которые я, очевидно, притащила в дом. Носовым платком она собрала соломинку и крошки и унесла их в протянутой руке так, будто нашла истлевшего кролика в своей гостиной.

Когда Жаклин, наконец, вернулась — она сбегала помыть руки — то снова обратилась к начатой мной теме.

— Собственно, дело ясное. Земельный участок, на котором расположены руины, до тысяча девятьсот сорок девятого года принадлежали моей семье. Потом это было народным достоянием. Следовательно, после распада это снова стало собственностью семьи Малер.

— Не совсем. Земельный участок с руинами принадлежал согласно документам с тысяча девятьсот шестого года первоначально первым поселенцам Кальтенхусена, а именно семье Бальтус.

— Да, но мои бабушка и дедушка купили его у твоих еще перед войной, — возразила я. — Так, во всяком случае, рассказывали мне наши родители. Мои бабушка и дедушка хотели заниматься там овцеводством, но из-за войны этого так не произошло.

— Такой договор купли-продажи нигде не зарегистрирован, как утверждает мой отец, и, если ты не сможешь предъявить документ, который доказывает противоположное... Для земельного ведомства этот случай неясен, так как все документы сгорели во время Второй мировой войны, поэтому учреждение в случае тяжбы не встанет ни на твою сторону, ни на мою.

— Тяжбы? — вскрикнула я. — Но ты же это не серьезно.

Жаклин подняла в защитном жесте руки.

— Я ничего общего с этим не имею. У нас с отцом плохие отношения с тех пор, как я тогда уехала в Америку. Будь моя воля, я бы признала его недееспособным. К сожалению, барьеры нашего так называемого правового государства слишком высоки. Старый глупец хочет поместить все деньги в строительство летнего дома, окончания которого он, вероятно, не застанет. Я ничего не могу поделать и однажды унаследую незавершенные деревянные дома и кучу долгов.

Перед моими глазами возник образ Руперта Бальтуса. Мужчины, словно сошедшего со страниц Ветхого Завета — седого, бородатого, угловатого, патриархального, бескомпромиссного. Когда стена еще стояла, он был единственным убежденным социалистом во всем Кальтенхусене. Жаклин так сильно гордилась своим отцом, что до осени тысяча девятьсот восемьдесят девятого, когда ей исполнилось восемнадцать, по его желанию, носила нелепую сельскую косу, так же как девушки в русских пропагандистских фильмах, которые прославляли сельскую жизнь. Только косынки не хватало. Поклонение Жаклин своему отцу разрушилось в течении тысяча девятьсот девяностого года вместе с социалистической единой партией, и вскоре после этого она сложила чемоданы, чтобы убежать из восточной Германии в иллюзорный калифорнийский мир. Четверть века спустя Жаклин уже была женой фабриканта, ее собаку звали Шанель, а отец женщины, когда-то верный своим убеждениям, скупал земельные участки на капиталистический манер.

Жизнь порой проявляет свое чувство юмора, правда довольно черное.

Пляж Кальтенхусена был усеян трупами. Харри бросилось в глаза то, что почти все гуляющие небрежно проходили мимо высушенных солнцем лоскутов морских водорослей, вскрытых раковин, до неузнаваемости разложившихся медуз, лежащих на спине, жуков, покоящихся на скелетах маленьких рыб, морских звезд с пустыми спинными панцирями, разбойничьего батальона муравьев на мертвом грызуне. Харри учился видеть смерть, повсюду находить ее, даже в идиллических декорациях захода солнца на Пёль. Жизнь означала смерть. Каждый день. Это правило применимо для каждого, но не каждый замечал ее. Только Харри. Иногда ему казалось, что он родился с осознанием бренности жизни или таким его сделала очень ранняя смерть отца. Его первые воспоминания были связаны с этим пляжем: правой рукой мать держала Маргрете, а левой его. Он смотрел вверх на ее доброе, застывшее лицо, замечая на нем жизненные заботы и упрямое, энергичное сопротивление ударам судьбы. Ее черные волосы, уложенные в строгий узел, скрепленный шпильками, казались ему благородным вызовом на бой, не позволяющим опускать руки. Еще он видел бывших друзей: Майка, Лею, Юлиана, Жаклин и Пьера. Под присмотром его матери они строили замки, снова разрушали их, хихикая, носились в волнах прилива, брызгали водой друг на друга, сорились и мирились.

Харри часто приходил сюда, чтобы вспомнить прошлое и хотя бы что-то найти. Хотя, находил ли? Нет. Воспоминания преследовали его. Просто не отпускали, заставляя идти на пляж, посещать дворец. Прошлое по-прежнему дарило ему счастливые мгновения и, окончательно выбивало почву из-под ног.

Дружба. Слово, которое постепенно превратилось в ложь. Он ненавидел его за это. Майк оказался королем лжецов, наихудшим предателем из всех. Но не только он. Все из их компании предали дружбу, либо потому что оставили ее в прошлом, потому что не хотели признавать, либо потому что просто покинули остров.

Каждый раз, когда его навещали подобные мысли, им овладевала ненависть, укутывая все в синий, ледяной туман, от которого замерзало его сердце. Он много лет страдал от приступов, когда в нем поднималась ненависть, но всегда мог ею управлять. С некоторых пор это стало получаться у него не так хорошо. Харри до сих пор никому не рассказывал об этом, даже Пьеру, которому доверял даже свои самые жуткие фантазии. Прежде всего он скрывал от врача, что эти его фантазии были о всей их компании. Всех их, даже свою сестру Маргрете, Харри бы с удовольствием повесил, убил бы...

Наступающий рассвет обеспечил ему достаточное прикрытие, чтобы приблизиться к дому Майка незаметно. На редкость уродливый земельный участок, с наполовину домом, наполовину бунгалом, выражающий манию величия хозяина в виде бассейна, зимнего сада, каминного зала и дополнительного сада на крыше. Харри никогда официально не был в новостройке, хотя Маргрете все подробно ему описала, конечно, только для того, чтобы утереть нос тем, чего добился Майк. Когда-то у них были одинаковые начальные условия, а сейчас один стал миллионером, а другой подсобным рабочим.

Сигнализация была, как обычно, выключена, значит, в доме кто-то был. Каждый вечер, по пятницам, Майк и Жаклин уезжали куда-нибудь поужинать, и дома оставался только сын Майка — Джереми.

Харри наблюдал за мальчиком через окно гостиной. Тот сидел перед телевизором, грыз

чипсы и хлопья, запивая их колой и резко отвратительно смеялся, если кто-то пошло шутил в сериале. Харри искал сходство между Джереми и его отцом, когда тот был подростком. Как будто это было только вчера. Мужчина помнил о каждом этапе дружбы с Майком, помнил каждую черту его лица, помнил все прически, которые тот носил тогда, все кости, которые он сломал или вывихнул. Вероятно, он помнил детство Майка лучше, чем сам Майк.

Джереми был совсем другим, он был более худощавый и более подвижный. Если бы на спортивной тренировке набирали футбольную команду, наверное, он был бы одним из первых, кого бы взяли в команду. Волосы у него были светлее и длиннее чем у Майка. Как и многие, рожденные в новом тысячелетии мальчики, он носил украшения: несколько браслетов из ткани и кожи, а также ожерелье из разноцветных шнуров.

Харри открыл заднюю дверь дома Майка. Уже некоторое время назад он снял копию с ключа Маргрете. С тех пор мужчина проводил массу времени в доме своего врага. Для чего? На самом деле он не делал ничего особенного. Харри все осматривал, брал в руки некоторые вещи и даже однажды кое-что забрал с собой. Некоторые мелочи, несколько носков, например, элегантную шариковую ручку или очки для чтения Майка. Роясь в вещах Майка и отнимая у него то одно, то другое, Харри испытывал кратковременное чувство триумфа. Он хранил украденные вещи в своей комнате и иногда доставал их, чтобы потрогать и понюхать.

Он охотно задерживался в спальне Майка. Супруги спали отдельно. Иногда Харри садился на край кровати и читал журнал, который Майк оставлял накануне на ночном столике. От этого мужчина чувствовал себя лучше, потому что у него складывалось впечатление, что он получал обратно крохотную часть своего детства.

Тем не менее, этим вечером, Харри держал путь на кухню. Помещение было гораздо светлее, чем раньше и ультрасовременно оборудовано, хотя суть проектировки не изменилась.

Он осторожно открыл дверь холодильника и искал продукты, которые предназначались исключительно для Майка. Наконец, Харри обнаружил упаковку колбасы к пиву. До чего-то подобного Жаклин дотрагивалась только кончиками пальцев, но Майк с детства любил эту колбасу и постоянно делал себе с ней бутерброды. Харри сунул кусочек себе в рот, а остальное спрятал в карман куртки. Маргрете время от времени тоже утаскивала что-нибудь из подвала Майка, бутылку вина или несколько банок консервов, но в отличие от краж Харри, делала это из чисто практических соображений и позже хвасталась дома этим так, как будто бы убила оленя.

Внезапно Харри услышал, как приближался Джереми. Покидать кухню было поздно, поэтому он спрятался за дверью подвала. Через щель мужчина наблюдал, как мальчик вывалил упаковку хлопьев в миску. Неожиданно сын Майка замер и Харри затаил дыхание. Заметил ли Джереми что-то, что показалось ему странным? Может быть, сквозняк? Или запах?

Мальчик вел себя в высшей степени странно. Он так напряженно рассматривал пакетик с арахисовыми орешками, как будто речь шла об увлекательном объекте для исследования. Джереми повертел его в руках, затем положил несколько орешков на столешницу и размельчил кулаком. Он подобрал крошки и положил их в ступку, где превратил в порошок. Харри не понимал, что тот делает, пока Джереми не достал банку чая из кухонного шкафа. Тайный наблюдатель затаил дыхание, на этот раз от удивления. Невероятно, что планировал сделать мальчик!

Чтобы убить Жаклин потребовался бы всего один орех. Харри почти забыл об этом за

долгие годы, но у женщины была сильная аллергия, особенно на арахис. Ребенком у нее даже было несколько тяжелых приступов, анафилактические шоки, которые вполне могли закончиться летальным исходом.

Насколько же Джереми должен был ненавидеть свою мачеху, чтобы сделать нечто подобное.

Однако, тринадцатилетний подросток, кажется, боялся последнего шага. Когда дело дошло до того, чтобы высыпать крошки в чай, он помедлил и, наконец, убрал все на место. Со своей миской Джереми покинул кухню, чтобы продолжить смотреть телевизор дальше. До сих пор Харри едва замечал сына Майка. Теперь он почувствовал себя странным образом связанным с ним своей ненавистью — и своей неспособностью последовательно воплотить эту ненависть в жизнь. Может быть однажды...

Едва Харри вошел в свой родной дом, к нему бросилась Маргрете.

— Где ты был? Ты должен был присматривать за мамой! Ты вообще знаешь, что она мне уже все уши прожужжала? А ты даже не можешь побыть с ней один час. Это потому, что с тебя требуют слишком много? Тебе ведь не нужно ничего делать.

Харри прикрыл уши руками и побежал на верхний этаж в комнату, где в итоге не провел много времени. Он тихо подкрался к кровати матери, которая уже спала. Ее дыхание было странно тихим, как будто было вопросом времени, сколько потребуется минут прежде, чем она развалится на куски и скончается. На самом деле, дела уже давно обстояли так.

Когда-нибудь, никто точно не знал когда, ее дыхание остановится, но до тех пор она останется могущественной скалой на его жизненном пути, монолитом, мимо которого Харри просто не пройдет. Собственно говоря, смешно. Она лежала тут, худая и почти невесомая, с искусственным анусом, от которого немного пованивало, и хотя выглядела старой-престарой и немощной — картина беззащитности и страданий — но, по-прежнему, управляла его жизнью. С первого дня он мечтал завоевать ее уважение, но это никогда ему не удавалось. Она была образцом для подражания и в то же время призраком.

Родившись в тысяча девятьсот двадцать восьмом году, она пережила войну, две диктатуры и капитализм, похоронила мужа и всех последующих претендентов на эту роль, вырастила двоих детей, в исправности содержала дом и безропотно выносила все заботы. Ее цепкий характер вместе с жизненной способностью вызывал у него некоторый страх. Харри же нечего было предъявить, кроме поражений, отступлений, разводов, постоянных потерь, которые, к счастью, заканчивались без последствий.

Не раз он сам себе задавал вопрос, как бы сложилась его жизнь без матери, без стремления завоевать ее признание, но еще никогда Харри не задумывался об этом так глубоко, как сегодня вечером. Несомненно, это было связано с дневными переживаниями, под действием которых мужчина все еще находился. Смерть сопровождала его путь с утра до вечера, сначала на работе, где он хоронил женщину одного возраста с его матерью. В полдень Харри переехал Майка, даже если это и случилось в его фантазиях. Пьера, этого жалкого труса, который ежедневно прогибался перед Майком, он бы еще сегодня придушил, когда тот хотел его госпитализировать. На пляже мужчина видел бесчисленное множество трупов животных, и, в конце концов, увидел, как подросток некоторое время размышлял о том, как убить человека.

Харри гневался на всех тех, кто его презирал или жалел, но и к себе он испытывал отвращение, потому что ему ничего не удавалось. Вот и сегодня мужчина снова потерпел неизбежную неудачу, как убийца или как кто-то, пытающийся им не быть.

Именно мать и никто другой изначально сделала его таким, каким он являлся сейчас. В детстве мать никогда ничего не требовала от него, и все делала сама: рубила дрова, полола сорняки, мыла полы, даже убирала в его комнате... Она всегда сама залезала на лестницу и велела Маргрете ее держать. Она никогда не просила его ни о чем, во всяком случае, ничего не требовала.

— Принеси нам из булочной пять булочек, но не позволяй себя обмануть.

Позже, после падения стены, она ему посоветовала:

— Держись Майка, он потащит тебя за собой.

Мать Харри была демоном его жизни. Глупо было только то, что он любил ее. Все было бы гораздо проще, если бы он мог ее ненавидеть или забыть.

Подушка, которая неожиданно оказалась у него в руках, была белой, чистой и пахла свежестью. Будет ли это последним запахом, который его мать почувствует перед смертью? Не будет ли такая душистая смерть слишком милосердной?

Сантиметр за сантиметром он приближал подушку к ее лицу, до тех пор пока не почувствовал на своих ладонях мягкость и теплоту ее кожи. Когда он прижал подушку к лицу Эдит, на его глазах выступили слезы, и чем отчаяннее она сопротивлялась своими тонкими руками, тем сильнее он плакал. Но к его отчаянию, она не уворачивалась.

Он надавил сильнее. И держал, держал, держал...

Мысленно он видел женщину с побережья, любящую печь пироги, труженицу, домохозяйку, которая засучивала рукава перед горой грязной посуды. Мать, которая всегда любила его, но никогда не обращала на него внимание; мать, которая уделяла все свое внимание его сестре Маргрете, но при этом никогда не любила ее. Даже когда сопротивление Эдит было уже давно сломлено, и ее дыхание остановилось, он продолжал прижимать подушку к ее лицу. В лунном свете его поведение не казалось страшным, скорее его можно было назвать милосердным.

Когда он, наконец, снова приподнял подушку, то нашел там этому подтверждение — его мать выглядела абсолютно умиротворенной. Следовательно, смерть хорошее место и огромное утешение. В конце концов, может быть, христианские церкви, утверждающие, что те, кто страдает на земле, попадут на небо, правы?

Он закрыл глаза и с минуту вслушивался в чудесную тишину, которую не нарушало ни слова.

— Харри?

Мужчина вздрогнул и посмотрел вниз, на кровать. Эдит смотрела на него уставшими глазами.

— Харри, что ты здесь стоишь? Где ты так долго бродил? — пробормотала она, как будто он снова был мальчиком. — А, не важно. Иди спать. Дай мне поспать, ладно?

Подушка, которую он намеревался прижать к лицу матери, исчезла. Смерть Эдит снова откладывалась.

Харри вышел из комнаты и выбежал из дома, чтобы бежать сквозь ночь, во дворец, во дворец желаний. Возможно, он найдет там силу, и все его идеи воплотятся в жизнь.

Глава 10

В среду, через день после моего приезда, утреннее небо над Пёль было размыто персиковыми и зелеными оттенками, смешанными с синим цветом, который я не знала в Аргентине. Из комнаты для гостей Пьера на первом этаже, я смотрела сквозь туманные луга, пашни и море, которые казались тесно связанными между собой. Изменения цветов в буквальном смысле были размытыми, потакая ласковому ровному свету восходящего солнца. Легкий ветер дул мне навстречу, и чем дальше я внимательно слушала тишину, тем более отчетливо слышала, как шумит Балтийское море. Тонкий аромат древесины проникал из внутренней части помещения. Дачный шкаф и кровать, на которой я отлично выпалась, были импозантными единичными вещами, которые прекрасно гармонировали с современными нежно — зелеными креслами. Фотообои с мотивом из камыша на всех четырех стенах предавали комнате в наивысшей степени успокоительную атмосферу. Мне понадобилось несколько минут для того, чтобы я заметила, что находилась в прежней детской комнате Пьера.

Всей нашей компанией мы были здесь не более четыре, пяти раз. Напротив, у меня мы встречались, по меньшей мере, раз в неделю, к неудовольствию Сабины, которая всегда жаловалась на наш смех, который она называла шумом. Также у Майка, Моргенротов и Петерсенов мы провели много вечеров. Только отец Жаклин не хотел видеть нас в своем доме. Старый Бальтус хотя и признавал детей необходимыми для дальнейшего существования социализма и человечества (в этой последовательности), но нас все же не любил, и поэтому мы были высланы из его рабоче-крестьянского домовладения. Напротив, родители Пьера были приветливыми людьми, и его комната была не хуже нашей, но тем не менее, Майк всегда по какой-то причине определял, чтобы мы встречались в другом месте. И Майк был главным.

Мой взгляд упал на небольшую полку на стене, на которой стоял несколько потрепанный путеводитель по балтийскому берегу. Одна глава была посвящена Пёль. Я читала о вещах, которые больше не знала или вообще никогда не догадывалась. С тридцатью шестью квадратными километрами Пёль был седьмым по величине немецким островом, населенным примерно двумя тысячами пятьюстами людьми, что в итоге давало шестьдесят девять жителей на один квадратный километр. Где еще в Германии заселение было таким редким? В наибольших пятнадцати деревнях было менее ста жителей. Говорилось о маленьких гаванях, пляжах, туристских тропах, музеях, рыболовных реях, яхт-клубах, и конюшнях, и почти ничего из этого ни о чем мне не говорило.

Во мне господствовало чувство потерянности. Жила ли я вообще когда-нибудь здесь? Ландшафт был знаком. Свет, шум моря и ветра тоже. Тем не менее, я чувствовала себя чужим человеком, оставленным в неизвестной местности.

Я снова думала о своей амнезии. Как холерик в считанные секунды впадает в гнев, так страх напал на меня, и именно неожиданно. Где-то глубоко во мне была скрыта правда, без которой я не могу продвигаться вперед. Часть меня была отрезана, как ампутированная нога, и фантомная боль позволяла мне разочаровываться, так как я понимала, что средства против не было.

Меня охватило желание стучать головой об стену, только чтобы почувствовать настоящую боль и таким образом перекрыть другую, как бы несуществующую боль. Как раз,

когда я обеими руками вцепилась в череп, услышала бубенчик велосипеда и вскоре после этого чавкающий шум шин на лугу перед домом.

Воспоминания о моем детстве ожили в тысячах утренних часов, когда почтальон, невысокий господин Мельхиор приносил мимоходом на своем велике почту.

Я подошла к окну, но ничего не смогла увидеть. Мгновением позже в дверь моей комнаты постучали.

— Минутку.

Я была одета только в трусики и растянутую футболку. Быстро проскользнула под одеяло, прижавшись затылком к пуховой подушке, и при этом мои волосы образовали на ней большой черный венок.

— Да, пожалуйста?

Вошел Пьер, балансируя с подносом и из-за края которого он мне улыбался.

— Буенос Диос, сеньора Малер, для вас настоящий макленбургский завтрак, вместе с салатом из сельди, крабами под майонезом, огурцом и укропом... — Он остановился. — Ух ты!

— Что такое?

— Я думал, что что-то подобное бывает только в кино, но кто—то выглядит прекрасно после пробуждения.

Либо он был замечательным лжецом, либо носил розовые контактные линзы. Но за какие-то секунды он умудрился сделать так, чтобы я почувствовала себя лучше. Так же, как быстро появилось паническое беспокойство, так же быстро оно исчезло.

— Как раз это мне еще не совсем удалось еще, — призналась я. — Но теперь... Прошла вечность с тех пор, как я последний раз слышала звонок велосипеда почтальона.

— Ты его и не слышала сегодня. Это звонил я, когда возвращался от пекаря. Я подумал, что тебе понравится. Часто одного шума бывает достаточно, чтобы оживить тысячное утро.

Я улыбнулась.

— Ты милый.

— Ты тоже, — сказал он и сел вплотную рядом со мной на край кровати, примерно на уровне моей груди.

Он был одет в шорты и намеренно, очень высоко закатал рукава своей рубашки, чтобы каждый мог любоваться его загорелыми, покрытыми темными волосами ногами и широкими плечами.

— Что с ним случилось? — спросила я.

На мгновение показалось, что веселость Пьера пропала, затем он снова улыбнулся.

— О, ты говоришь о господине Мельхиоре? После воссоединения немецкая почта дала ему служебный автомобиль, потому что якобы его работа не была эффективной, и он в будущем должен был развозить почту на большей территории. Но он твердо отказался использовать машину. И охотно работал на три часа дольше. Когда однажды под ним сломался велосипед, он получил травму и был отправлен в досрочную отставку. Он тайком похоронил велосипед рядом с кладбищем, о чем рассказал мне как своему врачу спустя годы на смертном одре. Я позаботился о том, чтобы он и его любимец находились на расстоянии метра друг от друга, разделенные только низкой стеной.

В некотором смысле, я нашла историю красивой, хотя и немного печальной.

— Мне он нравился.

— Он нравился нам всем. Всегда раздавал всем сладости с запада. Бог знает, откуда они

у него были. Но он был совсем один на свете.

— Спасибо, — сказала я.

— За рассказанную историю?

— В том числе. Но на самом деле я имела ввиду, что ты вернул господину Мельхиору что-то от нас всех.

— До сих пор никто еще меня за это не благодарил.

Наши взгляды встретились. За несколько секунд во мне поднялись слезы, слезы счастья от того, что впервые за многие месяцы я проснулась не в больничной кровати, потому что кто-то сидел возле меня, потому что снаружи кричали чайки, потому что мне в нос ударял аромат кофе и булочек. Намек на рай в комнате, парящий, тяжело осязаемый, летящий... Но и слезы горя, потому что я не знала, достоверно ли была в этом месте вообще и не должна ли быть еще лучше в другом месте, даже если ничего другого мне не приходило в голову.

— Эй, что случилось? — спросил Пьер, который сразу заметил мое состояние.

— Пьер, я... я не чувствую себя, — всхлипывала я, — как пробка, которая в одиночестве дрейфует по морю. Я плыву и качаюсь не зная куда, и не зная когда закончится ночь...

Под сердитым взглядом Пьера мне казалось, что я звучала как стихотворение Рильке. Поэтому я быстро вытащила из сумочки свою жизненную диаграмму (графические временные представления по методике космобиолога Рейнхольда Эбертина) и сунула ему в руку.

— Вот, это моя жизнь, по крайней мере, большая часть. Если это прочитать, то можно прийти к спокойным мыслям, и я знаю что-то об этом. Но я не знаю самых важных вещей.

Он подождал мгновение и затем спросил:

— И что будет?

Я подыскивала слова, которые пояснили бы ему мое положение, но это было далеко не просто. Со мной это происходило как с большинством, кто эмоционально волновался: чем лучше я хотела.

— Лакрица, — сказала я.

— Что, прости?

— Лакрица. Бадминтон. Пампасы.

— Я не понимаю, что...

— Я знаю, что раньше ела лакрицу, но не могу вспомнить ее вкус. Бадминтон — я могу начать играть, но находила это скучным? Почему я сделала фотосерию Аргентинских пампас? Почему я ношу свои волосы так, а не иначе? На прошлогодних фотографиях у меня другая прическа, но сейчас она мне больше не нравится.

— Хорошо, я думаю, что у тебя...

— Губная помада в моей сумочке,

— Что об этом?

— То же самое касается одежды в моем чемодане. Честно говоря, мне она не особенно нравится, она выглядит немного... экстравагантно. Моя табличка с именем рядом со звонком посеребренная в Буэнос-Айресе, это довольно претенциозно, ты не находишь?

— Ну, мне нужно сначала это увидеть, прежде чем...

— Что заставляло меня ездить верхом? Ничего не знаю об этой странной Лее Малер, практически ничего.

Я начала дико жестикулировать, и на всякий случай Пьер поставил поднос для завтрака. Если он снова повернется ко мне, я брошусь ему на шею.

— Пожалуйста, помоги мне, Пьер, — закричала я и отчаянно вцепилась за него, так же, как за день до этого за меня цеплялась Эдит Петерсен. — Скажи мне, почему я приехала в мае на Пёль. Кто мне позвонил? Это был ты? И потом машина, авария, Сабина... Как это... Почему?

Он крепко держал меня, как раньше лишь немногие мужчины в моей жизни. Правой рукой он обнимал меня за спину, пока левой гладил по волосам.

— Спокойно, спокойно, — шептал он мне в ухо, и на некоторое время замер своей щекой на моей, прежде чем пообещал: — Я расскажу тебе все, что знаю. Вероятно, я тебя разочарую, потому что это немного.

Тем не менее, слова Пьера были для меня откровением. Как заблудшая, я жаждала каждую малую толику информации, которая привела бы меня на обратный путь. Какую-нибудь дорогу.

— Начинай, — попросила я.

Помолчав несколько секунд, он сказал:

— Это была идея твоей сестры, чтобы ты приехала на Пёль.

Я высвободилась из объятий Пьера. Казалось, ему был неприятен мой вопросительный взгляд, но у меня было столько всего в голове, что я не придавала этому значения.

Конечно, я предполагала, что причиной моей поездки была Сабина. То, что мы обе в одно и то же время находились в Кальтенхузене, не могло быть просто случайностью. И все-таки мне показалось странным, что я по первому же зову своей нелюбимой сестры все бросила в Нормандии и поспешила на эту встречу.

— Дело касалось руин, — опередил мой вопрос Пьер. — Речь шла о документе, старом договоре купли-продажи, который должен был доказать, что Бальтус не имеет прав на земельный участок.

Объяснение Пьера звучало логично. Меня связывали приятные воспоминания с дворцом, и, если бы я могла предотвратить его снос, сделала бы это.

— Почему ты мне вчера об этом не сказал, когда мы говорили о строительном проекте старого Бальтуса? — спросила я.

— Не обижайся, но вчера ты была немного не в себе, поэтому я посчитал, что будет лучше не начинать разговор о Сабине и обо всем, что связано с ее приездом.

С ее приездом было связано, прежде всего, одно: ее смерть. Пьер поступил правильно, когда повел себя осмотрительно и не стал все сваливать в одну кучу.

— Хорошо, я понимаю. Но больше не надо меня щадить, ладно? — попросила я в порыве смелости. — Значит, Сабина позвонила мне, чтобы узнать, есть ли у меня в бумагах договор купли-продажи. У меня его нет. Что дальше?

Он пожал плечами.

— Ты приехала на Пёль, чтобы поддержать ее.

— Аха. И как выглядела моя поддержка?

— Вы были у вас на складе, больше мне ничего не известно. Я был так взволнован из-за твоего приезда, что не интересовался такими деталями, — сказал Пьер, и я легко в это поверила.

Если он и во время моего первого приезда с таким энтузиазмом смотрел на меня, то я уже тогда должна была заметить его интерес. Как я отреагировала? Спросить его напрямую я не решилась.

— Как долго я пробыла здесь?

— Всего пару часов, может быть восемь. Вечером мы грилили со старой компанией.

Некоторое время я молчала. Вопросы в моей голове приближались к утесам, к пропасти, к концу света, двигались в сторону смерти моей сестры и к концу моей прежней жизни. Я избегала взгляда Пьера. Слышала рев циркулярной пилы. Закрывает глаза и увидела зеленый цвет.

— В тот самый вечер... — начала я, но не смогла закончить предложение.

Пьер налил чаю и протянул мне кружку.

— В тот самый вечер,— мягко сказал он,— у Жаклин был сильный приступ. Может, ты помнишь ее аллергию на орехи, которой она страдала с детства?

— Да, теперь, когда ты упомянул об этом.

— У Жаклин случился анафилактический шок, ей нужно было в больницу. Посадив ее на заднее сиденье, мы с Майком поехали вперед, а ты и Сабина последовали за нами.

Пьер резко замолкает — напрасно. Волна шока от несчастного случая и без того накрывает меня как шумный прибой в темноте, как постоянно повторяющийся, глухой удар, таинственный и пугающий. Прямо в этот глухой удар тем утром вонзился звук острого лезвия пилы, которую Бальтус включил в этот ранний час.

По моей просьбе Пьер закрыл окно, и наступившая тишина сделала обстановку еще более интимной. Еще двадцать четыре часа назад он был далеким, даже можно сказать пустым воспоминанием. Теперь он стоял возле моей кровати... в его доме.

Пьер продолжил прерванный рассказ.

— Мы отъехали от вас слишком далеко и не видели аварии и лишь на следующее утро узнали, что случилось.

— То, что я поехала за вами, удивляет меня.

— У тебя и Жаклин были особенно хорошие отношения, когда вы были подростками.

Я знала, на что намекал Пьер. Жаклин и я были единственными девушками в нашей компании наряду с Маргрете, но она была не в счет, так как не считала себя девушкой. В отличие от Пьера, я бы не стала называть мои отношения с Жаклин «особенно хорошими», скорее они были просто особенными. Мы делились друг с другом безобидными секретами, кроме того она лучше всех, чем кто-либо другой в компании была осведомлена о моих отношениях с Юлианом, которые длились год. Жаклин прямо-таки с азартом отслеживала любую новую информацию о Юлиане и мне.

— Почему Сабина тоже поехала?

— Думаю, потому что, будучи полицейским, она всегда на службе так же, как и врач.

— Как врач, — повторила я и улыбнулась.

Пьер подкинул мне пару кусочков мозаики, каждый из которых восстанавливал картину и чуть-чуть облегчал мне сердце. Я сделала большой глоток чаю и немного расслабилась.

— Ну а как у тебя? — весело спросила я, видимо на волне маленького успеха, которого я добилась.

— Что ты имеешь в виду?

— У тебя есть подруга?

— Нет.

— Еще раз: как такое может быть? Привлекательный, приятный, холостой врач... Прошу тебя, Пьер, мы взрослые люди, и оба знаем, что в таком случае есть всего два варианта. Либо ты голубой, либо Дон Жуан.

Он подал мне поднос с завтраком и при этом так смущенно улыбался, что я тут же

влюбилась в эту улыбку.

— Я не голубой, — только и сказал он.

— Так я и думала.

— Тебе еще что-нибудь нужно? В ванной лежат свежие полотенца. Мне надо сделать несколько звонков. Когда будешь готова, спускайся вниз.

— Все хорошо.

Я принимаю его увилывание от ответа, к тому же в этом случае отсутствие ответа тоже ответ.

— Да, еще кое что Пьер...

— Да?

— Ты чудесный человек, — сказала я, снова смутив его.

Он не знал куда смотреть, и что сказать, видимо не привык к комплиментам.

— До скорого.

При прощании в его черных глазах было столько нежности, что в этот момент я почувствовала, что нахожусь в хороших руках, и была неопишимо счастлива. Пьер принял меня с распростертыми объятиями, уделял мне много времени, так что я даже немного продвинулась в том, что касалось воспоминаний. Теперь я знала многое, хотя и не все о моем путешествии на Пель. Очевидно, что повод и сам ход событий был намного прозаичнее, чем я опасалась. Дело с участком земли, аллергический шок, неудачное стечение обстоятельств. Травма, которую я подавляла, скорее всего, заключалась в моем не очень приятном столкновении с Сабиной, сорок лет вражды, обрушившейся на нас в один день. Все это звучало вполне убедительно. Это значило, что довольно-таки жутковатое предостережение Эдит Петерсен было ничем иным как фантазией психически не совсем здоровой женщины.

Я спонтанно решила посетить ее еще раз, и остаться с ней хотя бы на минуту наедине. Уверена, что она бы не стала повторять свое предупреждение.

Мне очень хотелось позвонить Ине Бартольди в Шверин и сообщить ей, что я приняла правильное решение. Однако я не стала этого делать, так как боялась, что больничный психолог может сказать или не сказать что-то, что разрушило бы мои надежды.

Позавтракав и приняв душ, я сразу же привела в действие свое намерение посетить Петерсен. Пьер обрадовался этому, потому что по его словам, кроме своих детей, пастора и подруги из Кирхдорфа, она больше ни с кем не общалась.

Маргрете открыла мне дверь, пробормотала «доброе утро» и вернулась за кухонный стол, откуда я ее согнала. Углубившись в газету и не поднимая головы, она спросила:

— Все в порядке?

— В общем, да. Вчера я была в доме родителей...

— В твоём доме, — поправила она. — Теперь он твой. Хочешь чего-нибудь перекусить?

Она махнула рукой над столом, где лежали нарезанный хлеб, маргарин, упаковка вареной ветчины, уголки плавленого сыра и растворимый кофе.

— Спасибо, я уже позавтракала у Пьера. Вообще-то я хотела повидаться с твоей матерью.

Маргрете надкусила булочку с колбасой.

— Она, наверное, еще спит.

Полминуты было слышно лишь тиканье настенных часов, затем я сказала:

— Вчера я еще была у Майка и Жаклин. Майка не было. Мне как-то трудно свыкнуться

с мыслью, что они женаты. Они... были... совершенно разными людьми. В молодости и когда только дружишь, эти различия не играют никакой роли. Главное добиться своего.

— Это также дело случая,— добавила Маргрете.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я и села за стол.

Она перевернула страницу журнала.

— Ах, просто так.

— Давай, рассказывай.

Маргрете немного подумала говорить ли со мной об этом, и решила сказать.

— Когда семеро детей одного возраста живут в богом забытом месте, они собираются в банду. Такова жизнь.

Ее слова прозвучали так, будто Маргрете терпела нашу дружбу, а не наслаждалась ею.

— По крайней мере, вы до сих пор поддерживаете контакт друг с другом,— напомнила я ей.

— Мы до сих пор и живем в одной дыре.

— Значит, вы больше не друзья?

Маргрете так резко закрыла газету, что я даже испугалась, что сейчас получу нагоняй. Однако такая реакция Маргреты предназначалась кое-кому другому.

— Как я могла дружить с Жаклин? Эта женщина вообще не знает, что такое работа. У нее нет профессии, да и никогда не было. Если бы у нее были дети, и я бы не убиралась у нее дома, тогда бы она была хотя бы домохозяйкой и матерью. Но она же и пальцем не шевелит. Только немного готовит, если это можно так назвать. На нечищенный лук она смотрит так, как будто должна зарезать свинью.

Я смеюсь, тем самым подбадривая Маргрете продолжить свою тираду.

— У нее есть подруга, жена нотариуса, — подчеркнула Маргрете тоном жены нотариуса, которая говорит об антисоциальной женщине. — Она приходит раз в неделю после обеда, чтобы поболтать с Жаклин и выпить две кружки этого поганого чая-пингпонг, который они обе так любят. Иногда они вместе ходят куда-нибудь поесть. И это все, на что она тратит время. А как она со мной разговаривает! «Маргрете, ты должна что-нибудь делать для своей фигуры»,— постоянно твердит она мне. «Ты должна есть больше здоровой пищи. Тебе нужен более дорогой крем для лица. Тебе нужен чай-пингпонг, он стоит всего 25,50 за сто грамм». Жаклин хорошо говорить, каждые полгода она ездит на четыре недели на курорт в Баден-Баден, а каждые два года к пластическому хирургу в Австрию. У нее уже срок годности больше, чем у полиэстера.

Я снова засмеялась, но, наверное, зря, потому что Маргрете строго посмотрела на меня и перешла к менее веселой части своего обвинения.

— Я ухаживаю за мамой. Ее надо мыть и кормить. А еще на мне все хозяйство и брат, от которого никакого толку. Полчаса за завтраком это мое единственное свободное время за весь день. Я работаю на двух работах, а денег все равно не хватает. Если что-то ломается, мне нужно месяцами копить, чтобы купить что-то новое. Думаешь, мадам Жаклин хоть раз поинтересовалась, как у меня дела? Или хоть как-то помогла? Или, по крайней мере, навестила маму? Ничего подобного.

Итак, мне стало ясно, что Жаклин не пользовалась большим авторитетом у Маргрете. О Майке, который обеспечил своей жене такую жизнь, она напротив не проронила ни слово.

Чтобы еще больше не раздражать мою собеседницу, я спросила:

— Ну а что с Пьером?

— Пьер? Он нормальный, — ответила она мимоходом, будто говорила об утренней программе по телевизору или о новом супе из пачки. — В общем и целом, — добавила она и снова углубилась в журнал.

Она читала журнал «Гео», речь в котором шла о Малайзии. Золотые пагоды, яркие райские птицы и обернутые в красивые платки женщины были яркими пятнами на фоне тускло освещенной кухни.

На лице Маргрете не осталось и следа от маленькой вспышки гнева, тучи рассеялись, и она снова вернулась в вечно недовольное состояние, как будто ничего не произошло. На стене монотонно тикали часы, где-то шумела вода, Маргрете перелистнула страницу.

Маргрете и Жаклин не были такими уж разными, подумала я. Конечно, они обе наотрез отказались бы от этой мысли, что, впрочем, еще больше подтверждало ее правильность. На первый взгляд между ними не было ничего общего, не считая проведенного вместе детства. Маргрете проводила все дни в работе, не имея времени подумать о завтрашнем дне, не говоря уже о послезавтрашнем или о следующем месяце. Сегодняшний день, 24 часа, это была ее единица измерения. У Жаклин наоборот было полно времени, наверное, поэтому она и думала о следующем празднике, о встрече с подругой в понедельник, о сауне во вторник, о доставке дизайнерской лампы в четверг, об отпуске в июне, о пластической операции в августе.

И все-таки обе эти женщины казались мне какими-то пустыми. Слово «шанс», так же как и слово «возможность» они когда-то положили на дальнюю полку, где уже пылилось множество других слов: «любовь», «экстаз», «изменение», «план», «фантазия», «надежда»... Работа и деньги, как и гляцевые журналы и пудель служили лишь одной цели: заполнить эту пустоту.

Конечно, можно возразить, что я слишком поспешно сделала такое заключение. С Жаклин я поговорила совсем коротко и да с Маргрете не намного больше. Но моя профессия научила меня заглядывать в души некоторых людей. Я фотографировала преимущественно пейзажи, но также делала и ряд фотографий городов и регионов. Чтобы поймать настроение какого-то места, нужно познакомиться с живущими там людьми и попытаться понять, как они ощущают жизнь. Если это произошло, то нужно подождать того момента, который выразит все, чем живут эти люди, их надежды и страхи, радость и разочарование. Но для этого не существует никаких правил или сигналов. То, как женщина средних лет, живущая в ветхом домике, склонилась над картинкой золотого малайзийского храма, может рассказать целую историю.

Войдя и увидев меня, Харри остановился на пороге. Я уже даже подумала, что он развернется и уйдет, как днем ранее. От него этого вполне можно было ожидать. Он выглядел немного не нормальным.

Однако мы действительно обменялись коротким приветствием, и он даже пожал мою протянутую руку. Но зато не посчитал нужным взглянуть на меня.

Харри сел за кухонный стол и склонился над пустой тарелкой, болтая над ней своими длинными, рыжеватыми, соломенными волосами. Он выглядел как человек, который вчера слишком долго праздновал, и даже не поднял головы, чтобы сделать себе бутерброд или выпить растворимого кофе, не говоря уже о том чтобы поговорить.

Интересно, он всегда был в такой апатии или ему не нравились гости за столом, и ее причиной была я. Я понимала, что четыре месяца назад я уже должно быть общалась с ним и Маргрете, и им обоим было не просто делать вид, что они не видели меня почти четверть

века. Тем не менее, мне хотелось, чтобы они сделали хотя бы небольшой шаг мне навстречу.

Между двумя глотками кофе Маргрете спросила брата:

— Ты видел маму?

— Нет,— пробурчал он.

— Почему нет?

— Забыл.

Маргрете бросила надкушенную булочку на тарелку.

— Как можно об этом забыть? Ты проходишь прямо мимо ее двери.

Из ее рта выскочила крошка, и мне даже показалось, что она вот-вот заплачет. Абсурдная мысль. Я никогда не видела Маргрете плачущей, также как и Сабину. Они обе были людьми одного склада.

Маргрете встала, опершись обоими кулаками об стол.

— Я посмотрю как она.

— Да оставь ты ее в покое,— проворчал Харри.

— Ах да? А что если ей что-то нужно?

— Что ей может понадобиться? Туалет у нее прямо на теле, а тумбочку ты превратила в кладовую.

— У тебя всегда все просто. Единственное, о чем ты беспокоишься, это твоя дурацкая груда камней.

— Это не груда камней,— он так резко возразил, будто встал на защиту любимой женщины.

Мне было неприятно быть свидетельницей семейной ссоры. Маргрете и Харри по существу были чужими мне людьми, по крайней мере, я не принадлежала к кругу их близких друзей и хотела исчезнуть куда подальше.

— У тебя теплые отношения с «дворцом»? — спросила я Харри, не столько из настоящего интереса, сколько для того, чтобы направить дискуссию в другое русло.

Маргрете презрительно рассмеялась.

— Теплые отношения? Если бы они могли переспать друг с другом, они бы это сделали. Это в духе моего брата, выбрать в качестве объекта обожания руину. Хотя, если вспомнить двух его бывших жен... Они выглядели не лучше и в конце концов стоили столько же.

Харри промолчал, поэтому мой вопрос тоже остался без ответа — по крайней мере, с его стороны.

— Я считаю, что это здорово, когда человек выступает в защиту чего-то,— похвалила я его, чтобы хоть как-то вступить с ним в разговор.

Мне не давало покоя, что он со мной не разговаривает. Я хотела иметь хорошие отношения со всеми из нашей старой компании, не только с Пьером, но и с Харри и Маргрете. Я искала точки соприкосновения, гармонию, да и дружбу тоже. В общем все, за что можно было зацепиться. Мне очень не хватало человеческого тепла.

Однако с Харри я не продвинулась ни на сантиметр. Сестра снова взяла слово как в его защиту, так и против него.

— Выступать в защиту! Если бы он вступился за то, чтобы нам сделали новую крышу, с которой уже кирпичи валяются. Но нет, он лучше будет полоть сорняки вокруг стен, которым уже восемьсот лет.

— Пятьсот,— поправил он.

— Меня это вообще не интересует. В одиннадцать часов кто-то должен будет открыть

дверь физиотерапевту, вот это меня интересует. И этим кто-то будешь ты, потому что в пол одиннадцатого мне нужно на фабрику. Так, а теперь посмотрю как там мама.

Я и Харри остались наедине за кухонным столом. Воцарившаяся тишина была такой же, как ранее с Маргрете, или даже еще более удручающей. Наряду со своеобразной манерой поведения Харри, которая все усложняла, я ощущала и его личную неприязнь ко мне.

— Тебе наверняка известно, что я ничего не помню из того, что произошло в мае,— возобновила я свои попытки. — Если между нами произошло что-то плохое, ты должен сказать мне, и мы поговорим об этом.

Он как ни в чем не бывало продолжал отхлебывать кофе, игнорируя меня. Я не знала, что еще сделать или сказать, упорное молчание Харри начинало действовать мне на нервы. Почему он просто не вывалил на стол проблемы, которые у него были со мной? Мое недовольство его поведением смешалось с беспомощностью и даже с каким-то непонятным чувством вины. Та женщина, которой я была когда-то и которая стала для меня самой неуловимой, возможно сделала что-то, чего не должна была делать. И теперь я должна была ответить за это, что было абсолютно правильно. Я была готова к этому. Однако Харри брал меня на измор.

— Ну, хорошо, я не могу заставить тебя говорить со мной. Я протянула тебе руку, больше не могу ничего сделать.

«Надо бежать отсюда»,— подумала я. Было несправедливо по отношению к Маргрете, но я больше не могла выносить атмосферу этого дома, также как и подавленное состояние его обитателей, тусклое, подвальное освещение и подсознательную агрессию, которой здесь было пропитано буквально все.

Уже на выходе из кухни, я услышала, как Харри сказал:

— Почему ты просто не оставишь нас в покое? Ты больше не здешняя. Если уж ты не подохла, то возвращайся туда, откуда пришла.

Я обернулась и встретила с его провоцирующим взглядом. Я стояла как громом пораженная. Насколько я знала, мне еще никто не желал смерти, и вот теперь появился человек, который сделал это. Почему он хотел от меня избавиться и даже желал моей смерти?

Не говоря ни слова, я вышла из их дома. Открыв калитку Петерсенов, меня передернуло второй раз. Как будто темноту на мгновение осветила вспышка фотоаппарата, и перед моим мысленным взором появился Харри, сидящий на газоне, рядом с тем местом, где я сейчас стояла. Он подогнул ноги и склонил голову к коленям, как обиженный ребенок, которого отругали. Несколько секунд спустя воспоминание исчезло навсегда. Было ли оно связано с моим приездом в мае или с моей юностью? Я не знала точно, так как видела Харри лишь смутно.

Медленно повернувшись, я заметила в одном из окон Харри. Отодвинув в сторону занавеску, он подозрительно наблюдал за мной.

Четырьмя месяцами ранее

В приемной начальника криминальной полиции Визмара у Сабины было достаточно времени, чтобы подумать о молодом человеке, из-за которого она была здесь. Вообще-то ей было не свойственно предаваться воспоминаниям, но Юлиан однажды сделал ей подарок, о котором она никогда не забывала.

На двадцать четвертый день рождения Сабины восемнадцатилетний парень написал для нее песню и спел ее в присутствии ее родителей и Леи. Это была песня не о любви, боже упаси, просто что-то безобидное, поэтическое. Однако для нее имел большое значение этот его жест, учитывая, что родители всегда дарили Сабине практические подарки: пуловеры и зимние куртки, рюкзаки и зонтики, и однажды даже шерстяное одеяло, словно она была потерпевшей кораблекрушение и искала приюта в доме Малеров.

Ее младшей сестре они напротив исполняли любые желания: сначала уроки игры на фортепиано в Визмаре, хотя каждый раз возить и забирать ее оттуда было не так-то просто, а через несколько месяцев у нее вообще пропало желание заниматься. Затем последовал отпуск в Болгарии, потому что Лея обязательно хотела побывать там. Родители кое-как наскребли все свои сбережения на эту поездку, чтобы принцесса потом сказала, что Болгария показалась ей просто ужасной. И, в конце концов, апельсиновое деревце в качестве комнатного растения, которое с таким трудом удалось достать и которое через полгода завяло без должного ухода Леи.

Как-то раз Сабина выяснила, что Лея находила вдохновение в романах и стихах. Занятия на фортепиано, Болгария и апельсиновое деревце встречались в каких-то книгах, которые читала ее сестра. Родители, которым она все рассказала, назвали ее причуды просто милыми. А если Сабина в драке с вредным одноклассником случайно порвала куртку, они давали ей меньше карманных денег.

Никому из них не приходила в голову мысль, что она тоже иногда хотела подарок для души, никому, кроме Юлиана. Он действительно был единственным человеком в ее юности, который хотя бы на мгновение заглянул к ней в душу и понял, что у нее тоже есть чувства и желания, и что она тоже была ранима. В его песне речь шла о цветке, который раскрывается, только когда никто не видит. Она уже забыла и название и сам текст, но этот жест был незабываем.

Сабина четко помнила, что сказала Лея в конце выступления Юлиана: «Воспевать мою сестру, все равно, что боготворить кактус».

— Ведьма, — четко и ясно сказала Сабина.

Секретарь приемной удивленно взглянула на нее.

— Осталось недолго, — сказала она. — Господин Амманн сейчас освободится.

Мирослав Амманн из Фэрдорфа был год помолвлен с Сабинной, когда ей было пять лет и должно было исполниться шесть. Они познакомились в детском саду, и оба проявили одинаково сильный интерес к экскаваторам из пластика, что и стало основой их отношений. Будучи подростком, он стал нравиться ей все меньше. Долгое время Сабина не могла объяснить себе все увеличивающуюся антипатию к Мирославу, пока не увидела, как он вел себя на спортивном празднике. В том, как он прислуживал начальникам, было нечто

раболепное, прямо-таки заискивающее. Он делал больше, чем просто соответствовать, рассыпался в комплиментах, пел громче всех. Немного погодя Мирослав смог подняться в иерархии FDJ на ступень выше.

Однажды она высказала ему прямо в лицо все, что о нем думает. Для покорных людей, которые любят притворяться, нет ничего непростительнее, чем услышать правду о себе. Таким образом, симпатия Мирослава к Сабине переросла во вражду. Позже он пошел в народную полицию, где до 1990 года и заведовал вместе с двумя старшими по возрасту коллегами мрачным полицейским участком на Пёль.

В настоящий момент он занимал довольно высокую должность в криминальной полиции Визмара. Зайдя в его бюро и представившись, она увидела на его лице двойкие чувства. С одной стороны удивление, что она выбрала ту же профессию, что и он, а с другой стороны удовлетворение от того, что он был главным комиссаром, а она "лишь" комиссаром, как будто они вот уже четверть века соревновались друг с другом и он теперь издевательски махал ей рукой с финиша.

— Садись, — сказал он, широко улыбнувшись. — Хочешь кофе?

Он сразу перешел на «ты», что должно упростить разговор, вынуждена была признать Сабина. Она терпеть не могла, когда нужно было строить сложные предложения, только потому что не знаешь как обращаться к собеседнику. Но это была, пожалуй, единственная заслуга Мирослава.

— С удовольствием. Черный, пожалуйста.

— Без проблем. Сейчас будет.

Его тон был не просто дружелюбным, а чересчур дружелюбным. Он даже сам встал, чтобы принести ей кофе и подал ей чашку с почтительностью слуги.

— Могу я еще что-нибудь сделать для твоего хорошего самочувствия? Мы всегда стараемся быть приветливыми с коллегами из других земель.

— Это заметно.

Он остановился рядом со своим стулом и посмотрел на Сабину узкими глазками. Мирослав сильно изменился внешне, носил пуловер 52-ого размера при 58-ом размере фигуры под пиджаком 62-ого размера. Из рта у него пахло картошкой-фри и освежающим спреем для рта, вперемешку с нотками спирта.

— Судя по фамилии, ты не замужем, — сказал он. — Или ты убедила мужа взять твою фамилию?

— Твое первое предположение верно.

— Дети?

— Нет.

— У меня четверо, — сказал он. — И все девочки, представляешь. Старшая в том возрасте, в каком были мы, когда ты дала мне отворот поворот.

Сабина готова была воспротивиться. Дать отставку можно было только тому, с кем до этого были интимные отношения. Но так же как не следует говорить сотруднику банка, в котором хочешь получить кредит, что у него ужасный галстук, так же и здесь Сабина не решилась осадить Мирослава Амманна. Если ему нужны были маленькие победы, ну что же, пусть он их получит. По крайней мере, в данный момент.

— Чего не сделаешь по молодости, — ответила она.

Он казался удовлетворен такой банальностью, наверное, решил, что Сабина признала свою ошибку.

Убедившись в своей значимости, он устало опустил на стул и сказал:

— Ну, хорошо. Чем я заслужил после стольких лет удовольствие, пардон, честь твоего визита?

— Дело Юлиана Моргенрота.

— Моргенрот, Моргенрот... Ни о чем мне не говорит.

Вообще Мирослав Амманн не производил впечатления человека, до которого часто что-то доходит. Указательным пальцем тяжелой, правой руки он медленно набрал фамилию в компьютере.

— Это старый процесс. Даже очень старый. Удивляюсь, что мы его вообще оцифровали. И что дальше?

— Мне бы хотелось узнать о нем побольше. При каких обстоятельствах пропал Юлиан? По каким направлениям велось расследование? Проходили ли допросы?

Указательный палец Амманна парил над клавиатурой как Дамоклов меч.

— Сначала скажи мне, почему криминальная полиция Берлина интересуется этим делом. И вообще, существует служебный порядок.

Сабина могла себе представить, что служебный порядок в жизни Мирослава Амманна имел примерно такое же значение как Книжке для главного портье «Вальдорф Астории».

— Честно говоря, я здесь не как комиссар, а как частное лицо.

Дамоклов меч метнулся вниз, указательный палец завис над клавишей «Escape».

— Прости, но мы так не делаем,— сказал Амманн. — Так может любой войти и потребовать доступ к делу. До чего бы мы тогда докатились?

— Как ты уже сказал, это очень старое дело, официально даже нет преступления. Я же не вмешиваюсь в текущее расследование.

Собеседник Сабины еще раз открыл страницу, чтобы проверить ее слова. И конечно же, он увидел, что дело Юлиана Моргенрота вообще-то и не было делом как таковым. Было принято заявление о пропаже, и таких было много в те дни и недели после падения стены. Как будто ночью открыли огромный вольер, множество птенцов ринулись на следующее утро за безграничной свободой. А большинство старых птиц напротив лишь на короткое время покидали родные места.

— Думаешь, с ним что-то случилось? — вздохнув, спросил Амманн со скучающим видом. — Здесь написано, что на это ничто не указывает.

Сабина не стала указывать главному комиссару на то обстоятельство, что правда и то, что написано в бумагах не всегда совпадают. Она часто сталкивалась с тем, что доклады имели субъективную окраску, как специально, так и случайно. Хотя криминальная полиция в общем и целом работала профессионально, следователи никогда не были освобождены от личного мнения, в каждом отделе процессы/прецеденты/события имели важное значение. Нехватка времени и сотрудников, а также хроническая усталость довершали общую картину.

В независимости от этого, ситуация на востоке Германии летом тысяча девятьсот девяностого года была очень специфичной. Это было «время между временами». ГДР должно было прекратить свое существование, а вместе с ним и множество учреждений. Они еще продолжали работать, в том числе и народная полиция. Но мысли сотрудников уже были устремлены в будущее. Многие спрашивали себя, что с ними будет дальше, переведут ли их насильно на новую должность, понизят в звании или уволят. В некоторых местах царил настоящий хаос, связь между ведомствами была прервана, процессы не проводились, попадали в архив или терялись при перемещении из пункта А в пункт Б. Политические

изменения любого рода всегда были лучшим временем для того, чтобы совершить преступление.

— Я бы хотела, чтобы это оказалось не так,— дипломатически ответила Сабина. — Если бы я знала некоторые подробности...

Амманн вздохнул. Отказаться от служебного порядка, видимо, стоило ему невероятных усилий, так же как страстному любителю горячего душа зайти в холодную воду.

— Ну что же, как по мне, то я не против. Видимо пропавший просто мечтал посмотреть мир. Незадолго до исчезновения закончились его отношения с одной молодой девушкой. Вместе с ним исчезли паспорт, одежда и рюкзак. В общем и целом типичная картина, классический дезертир. В этом ты со мной согласна?

Сабина кивнула. Что-то другое, кроме как согласиться с ним, было бы для нее сродни предательству. На первый взгляд обстоятельства исчезновения действительно подходили под типичную картинку любящего свободу подростка, странствующего по свету.

— Странно только, что Юлиан не оставил прощального письма.

— Бессердечно, да. Но и такое уже случалось.

— Может быть не столько важно, что Юлиан взял с собой, сколько то, что он оставил. Что насчет гитары? Она была у него, когда он пропал?

Амманн прокрутил страницу вверх вниз.

— Об этом здесь ничего не написано.

— Его отец говорит, что гитара была его сокровищем, что я могу подтвердить.

Ее возражение не произвело особого впечатления на главного комиссара Амманна. Чтобы изложить насколько тщательно работала народная полиция Пёля, он начал приводить другие доказательства. Тогда рассматривались две основные версии, несчастный случай или самоубийство.

В тот вечер, когда пропал Юлиан, от причала вблизи Кальтенхузена отвязалась пришвартованная там небольшая весельная лодка. Два дня спустя ее прибило к противоположному берегу бухты. Так как стояла хорошая погода, это происшествие показалось загадочным, но никто не связал его с исчезновением Юлиана. Это было поздним летом тысяча девятьсот девяностого года, молодой человек вполне мог доехать на автобусе до Визмара, оттуда добраться до западной Германии и дальше куда угодно в мире. Против несчастного случая говорил тот факт, что согласно сообщениям, море в тот день было очень спокойным. Самоубийство было еще более неправдоподобной версией. Кто будет брать с собой паспорт и одежду, если собирается броситься в море?

Если предположить, что исчезновение Юлиана было как-то связано с лодкой, то напрашивался только один вывод. Если несчастный случай можно было исключить, и Юлиан не покончил жизнь самоубийством, то вполне возможно, что его, живого или мертвого, сопровождал убийца.

— Криминальная полиция большого города сразу во всем видит преступление,— с издевкой сказал Амманн. — Ты так же, как и я знаешь, что большинство утопленников где-нибудь да прибывает к берегу.

— Во-первых, не всех прибывает к берегу,— ответила Сабина. — И во-вторых: даже если между исчезновением Юлиана и лодкой нет никакой связи, это не значит, что его не убили.

— В этом ты абсолютно права. Во время своих странствований его мог зарезать ревнивый турецкий дервиш, у которого он увел девушку, или из него сделали закуску на

островах Фиджи.

Сабина проигнорировала издевку собеседника и вместо этого спросила:

— Правда, что версия преступления даже не рассматривалась? Например, обыскивали ли окрестности?

— Окрестностями в этом случае можно считать весь остров. Кем обыскивались-то? Мной и моими коллегами, которые вот-вот должны были уйти на пенсию? Мы что, должны были втроем прочесывать луга?

— Если ты задаешь такие провокационные вопросы, то получишь провокационный ответ: Да!

Дамоклов палец Амманна окончательно нажал на клавишу «Escape», но Сабине было все равно. Судя по всему она получила максимум информации по этому так называемому делу, больше там ничего не было написано. Нечто подобное бывало и в Берлине. Дело получило какую-то печать и на двадцать три года положено на дальнюю полку, как Спящая Красавица, погружившаяся в сон, прерванный лишь цифровой революцией, которая переместила его из коробки в компьютерный файл.

Три минуты спустя, после того как бывший жених из детского сада выпроводил ее на улицу, Сабина стояла перед зданием полиции, обдумывая следующие шаги.

Во второй раз за день Сабина пересекла дамбу в сторону Пёля, ведущую через залив Брайтлинг, расположенный между материком и островом. Разговор с Мирославом Амманном только укрепил ее в намерении не сдаваться. К проснувшемуся в ней желанию разобраться в этом деле, добавился стимул показать самоуверенному Мирославу, что и она знает толк в своей работе. Сабина могла понять нехватку персонала и особую ситуацию в тысяча девятьсот девяностом году, но вот самоуверенность и несознательность были выше ее понимания.

Ошибки и промахи всегда были, есть и будут. Она тоже сделала много ошибок, не в последнюю очередь полученное ею ранение случилось из-за нетерпения и легкомыслия, и винить в этом было некого, кроме себя самой. Она делала выводы о характере человека не по количеству сделанных им ошибок, а по тому, как он с ними справлялся. В то время ответственные органы провели поверхностное и безучастное расследование, но ведь до сих пор не найденный молодой человек заслужил нечто лучшее, чем то, что его судьба тихо и незаметно перекочевала в картонную коробку или файл.

Мысли Сабины то и дело возвращались к Юлиану и написанной им песне. Как она хотела ошибиться, но если с Юлианом действительно что-то случилось, то самое меньшее, что она могла для него сделать, это наверстать то упущенное лето, которое они с Леей провели, словно в трансе. Даже если ничего не получится, то, по крайней мере, она сможет подойти к пожилому господину Моргенроту и сказать: «Я сделала все, что могла».

Она оставила машину недалеко от Кальтенхузена, на краю сочно-зеленого луга, где не было видно ни начала, ни конца. Пока Сабина была в Визмаре, прошел легкий дождь, и теперь на землю опустился туман. Сабина в сапогах прошлась по мокрой траве. Не было видно ничего, кроме очертаний далеких домов, аллеи и лесочка, а также белого, холодного солнца на небе. По ощущениям было начало марта, хотя в календаре стояло нечто другое.

Таинственную тишину нарушила сирена откуда-то с моря. Был ли это сигнал мощного судна-контейнера, прогулочного парохода, шведского парома или рыбака из Пёля, могли различить только уши местных жителей. Такие как у Сабины. Хоть она и неохотно сознавалась в этом, но до сих пор, после многих лет, проведенных ею вдали от Пёля, она

сразу поняла, что это была сирена рыбака.

Будучи ребенком, она часто смотрела с берега, как ее отец передвигался на лодке по бухте в сторону открытого моря. Сабина махала ему так же, как и другим рыбакам кооператива, отцам Майка, Харри и Маргрете. Эти выносливые мужики называли ее Сабиночка и даже сделали ее своим талисманом, потому что в те дни, когда маленькая девочка махала им с берега, у них был особенно хороший улов. Слова «Сабиночкина удача» и «Сабиночкина погода» на несколько лет прочно вошли в их лексикон, пока ее отец не решил, что его старшая дочь стала слишком взрослой, чтобы быть талисманом, и придумал слова «Леалитина удача» и «Леалитина погода». С тех пор, Сабина перестала стоять на берегу бухты.

Снова послышалась сирена, и ей ответила вторая, одинаковая по звуку.

На Пёле осталось не так уж много рыбаков. Уже на протяжении ста лет их количество сокращалось по самым разным причинам. Две войны и две политических системы, рухнувшие монархии, диктатуры и открытые рынки постепенно уничтожили их, каждого по-своему. Сегодня они считались экзотами, о которых на телевидении снимали документальные фильмы. Некоторые из них, включая старого Петерсена, умерли прямо в море. Это были героические смерти, по сравнению с жалким концом жизни большинства других, которым банки отказали в необходимых кредитах на модернизацию кораблей.

Сабину обдало холодным ветром. Она застегнула куртку и направила все мысли на причину ее появления здесь. Как ей поступить? Она еще никогда не занималась таким старым делом. В отделе, занимающимся организованным криминалитетом, дела, которые не раскрывались в течение нескольких недель, уже считались старыми. Тогда почти всегда занимались тем, что еще только должно было случиться, например, как узнать и предотвратить очередную контрабанду наркотиков или махинации торговцев оружием, лиц, занимающихся отмыванием денег или угонщиков автомобилей. С тех пор, как она попала в полицию нравов, Сабина никак не была связана с прямым расследованием, а оказывала исключительно услуги поставщика и другую помощь.

Если речь шла об убийстве, то возникал простой вопрос, состоящий из пяти частей: Когда, кто, где, как и почему был убит Юлиан. «Когда» уже было известно. Родители Юлиана заявили о его пропаже первого сентября тысяча девятьсот девяностого года, а видели его в последний раз в послеобеденное время тридцать первого августа. Значит вечером либо ночью того дня произошло что-то ужасное. «Где» и «как» это произошло было трудно выяснить по прошествии стольких лет. Поэтому этими двумя пунктами нужно было заняться в конце расследования. Поиски мотива наоборот обещали быть более успешными, потому что за мотивами скрывались истории, а у историй не было срока годности, их рассказывали и годы спустя. Мотивы и стоящие за ними истории были как фары, отбрасывающие свет на людей. С этого Сабина и должна была начинать.

Теоретически вечером тридцать первого августа тысяча девятьсот девяностого года Юлиан мог убить совершенно посторонний человек. Но как тогда объяснить отсутствие паспорта и рюкзака с одеждой? Может он договорился с кем-то о месте встречи и там был убит? В этом не было на данный момент никакого смысла. Или он даже знал своего убийцу?

Сабина вспомнила фразу, которую много лет назад обронил ее коллега по отделу убийств, когда они сидели в столовой:

— Если ищешь убийцу, начинай с друзей жертвы.

Удивительный, интересный и заставляющий задуматься тезис.

Раньше Сабина никогда особо не интересовалась кем-то из компании Леи, но так как они все бывали у них дома, она автоматически составила портрет каждого из них.

Друзья сестры предстали перед ее мысленным взором. Майк, самый старший, но смог бы быть главарем, даже если бы был самым младшим. В восемь лет отец впервые взял его с собой на рыбалку, после чего он повсюду с гордостью рассказывал всем, что уже работает. Был о себе высокого мнения, а что думали о нем другие, его не интересовало, до тех пор, пока они его уважали.

О сыне рыбака Харри Сабина думала тогда, что он пойдет по стопам отца. Он был скорее интровертом, немногословным и нетребовательным, но его дружба с Майком затмевала все это. В какой-то степени Харри добавил ему силы и уверенности в себе. В присутствии Майка Харри становился разговорчивым, уверенным и иногда даже надменным. Однако Сабина видела, как он ведет себя дома, где жил за счет своей сестры, младше его на год.

Сила Маргрете с самого начала нравилась Сабине. Девочка не позволяла парням обижать себя. Из всех девочек кальтенхузенской компании Сабине нравилась только Маргрете. Жаклин слишком походила на куклу, своего рода стюардесса внутренних авиалиний или Штеффи — Барби из восточной Германии. А Леа — это вообще была другая история. Из парней ей больше всех нравились Юлиан и Пьер, хотя она не могла объяснить себе, почему ей нравился именно Пьер. Он был абсолютной противоположностью Маргрете, изворотливый и покорный как дурачок, все прощал и подчинялся всему и всем. Она ни разу не видела, чтобы он чему-то воспротивился. Несмотря на это Сабина не могла избавиться от ощущения, что он был себе на уме и мог проявить грубость, хотя ей так никогда и не удалось подкрепить это ощущение конкретными доказательствами.

Насколько Сабине было известно, никто из шестерых не был в ссоре с Юлианом. Он был человеком, нуждающимся в гармонии, всегда избегал каких либо ссор. Но в отличие от Пьера в Юлиане было что-то, что трудно было описать словами... внутренняя прочность и искренность. У него были свои принципы. Однажды Леа с гордостью рассказывала об этом за завтраком. Майк потребовал, чтобы Юлиан написал гимн для их компании, но то, что получилось, показалось Майку слишком мягким и чувственным. И, тем не менее, Юлиан наотрез отказался написать другую музыку. Итак, с ним вполне возможно было вступить в конфликт, если его убеждения сталкивались с мнениями других.

Целью Сабины являлся небольшой причал, где стояли весельные лодки, куда могли положить тело Юлиана в ночь его исчезновения. Какие тропинки вели туда и обратно?

Море было недалеко. Но сначала Сабине нужно было пересечь буковый лесок, который она не помнила, хотя он был виден с Кальтенхузена. Он возвышался среди полей, лугов и зарослей камыша вокруг побережья. Войдя в лес, Сабина ощутила, что температура упала на несколько градусов, а туман между деревьями осложнял видимость. Как убывающая волна, резкий порыв ветра сдул шуршащую листву, после чего наступила тишина. Как раз в этот момент из тумана появилось высокое строение.

Теперь она поняла, где находилась. Тогда руины монастыря были окружены лишь несколькими молодыми деревцами, доходившими до плеча, а сейчас они достигли впечатляющих размеров и полностью скрывали стены. За те двадцать пять лет, что Сабина прожила в Кальтенхузене, она всего раз шесть была на месте руин и то лишь для того, чтобы забраться на стены и балансировать на них. Но самое большое впечатление оставили не руины, а крапива и ссадины. Одно то, что Лея и компания играли там каждый день,

удерживало Сабину от частых посещений этого места.

Она мельком оглядела территорию. От крапивы не осталось и следа, а вместо нее простирался ковер из скошенной травы и клевера с вкраплениями одуванчиков, то здесь, то там виднелся ухоженный розовый куст, флоксы, рододендрон. Все выглядело так, будто за этим местом ухаживало садово-парковое хозяйство.

— Четыре так называемых д-двора, которые когда-то были к-комнатами,— услышала она голос, прежде чем из-за стены вышел какой-то мужчина. — Самая высокая, сохранившаяся стена достигает пять метров двадцать два сантиметра в высоту. Девять стрельчатых окон полностью сохранили свою ф-форму, два ч-частично. Это т-трапезная, там спальня, а вот т-там капитул, зал собрания. Построен в начале шестнадцатого века цистерцианцами, но так и не з-закончен. По ним прокатилась волна р-реформации.

Незнакомец, невзначай ставший гидом Сабины, был худым, неряшливо одетым человеком с длинными, растрепанными волосами. Создалось даже впечатление, что он живет в развалинах. Он стоял перед Сабиной, втянув и опустив плечи, и переминался с ноги на ногу, нервно затягиваясь сигаретой. Жалкое зрелище. Однако в его колючем взгляде читалось беспокойство, азарт и страсть. Именно глаза делали этого человека живым и интересным.

— Сабина Малер, верно? — спросил он.

Она помедлила.

— Да. Откуда...?

— Я случайно у-увидел тебя возле дома родителей и сразу узнал. П-продажа удалась?

— К сожалению, нет.

— А что с участком, на котором мы стоим? Х-хочешь его тоже п-продать? Или ты з-забыла, что он п-принадлежит твоей семье?

Сабина и вправду забыла. Для нее это был просто луг с парочкой деревьев и заросшими мхом стенами.

— Харри? — спросила она.

Сабина быстро перечислила в уме все возможности. Судя по свету волос и росту, это не Майк и не Пьер. Станным образом этот приблизительно сорокалетний мужчина больше всего был похож на Юлиана, у которого тоже были светлые, довольно длинные волосы и высокий рост. В памяти Сабины Харри выглядел по-другому, намного крепче и плотнее. Значит он определенно похудел. Его выдали лишь обгрызанные ногти и то, как он затягивался сигаретой. Только сейчас она вспомнила, что он и раньше заикался, но не так сильно как сейчас.

Он сосредоточился и продолжил экскурсию, чуть ли не ударившись в философию.

— Монастырь издавна превратился в руины, покинутый создателями, он начал приходить в упадок уже в момент создания. Он никогда не исполнил свое религиозное предназначение. Ну, может быть в более глубоком смысле, как никак, а пятьсот лет спустя он стал для нас местом собраний.

Харри взглядом обвел стены и цветущие кустарники.

— Здесь никто никогда не жил. Но тогда мы были д-детьми и не знали об этом. Я помню, как мы боялись, что здесь могут водиться п-призраки умерших монахов. Маргрете тоже было не по себе. Приходя сюда, мы всегда д-держались вместе как овцы. В принципе мы знали, что нет н-никаких призраков, но туман, т-темнота и ш-шелестение часто заставляли нас сомневаться. Майк и я даже ходили в туалет вместе, потому что боялись...

Харри блаженно улыбался. На минуту он окунулся куда-то в другой мир, и не зная его жизни, Сабина почувствовала, что он страстно и ожесточенно держался за эти стены, возможно, потому что проведенное здесь детство было самым счастливым временем в его жизни.

Харри вдруг резко обернулся и поднял указательный палец.

— Ты слышишь?

Она услышала глухой стук, не далеко, но и не близко, повторяющийся каждые несколько секунд. Пять раз, шесть раз, будто кто-то рубит дерево.

— Это он,— прошептал Харри.

— Кто?

Согнувшись, он прокрался из руин наружу, как делала Сабина во время опасных полицейских операциях. Она последовала за ним, навстречу звуку.

Туман был как тонкая паутина, качающаяся на легком морском ветру. На расстоянии десяти шагов уже ничего не было видно, взгляд цеплялся за отдыхающих чаек, дрозда, скачущего по лужайке, за собственную обувь, оставляющую следы в мягкой, «чавкающей» почве.

Сначала из тумана появился деревянный колышек, затем мужчина, ударявший по нему большой кувалдой. Сабина сразу узнала бывшего соседа. Руперт Бальтус почти не изменился. Он уже тогда был помятым, седовласым и сероглазым стариком впечатляющего роста.

Харри бросился вперед и попытался вытащить колышек из земли, однако старик оказался быстрее и так сильно оттолкнул Харри, что тот упал на землю. Но лежал он не долго, встав на ноги Харри принял позицию для атаки, а старик стоял, крепко держа обеими руками кувалду с длинной рукояткой.

Среди клубов тумана, эти длинноволосые мужчины выглядели как воинственно настроенные викинги. Во время короткой потасовки они не произнесли ни слова, вот и теперь продолжали молчать. Зачем говорить, если и так было ясно, чего каждый из них хотел добиться.

— Вот что, господа, так дело не пойдет,— решительным и глубоким голосом сказала Сабина, встав между спорщиками.

— Уйдите с дороги,— приказал Руперт Бальтус. — Против Вас я ничего не имею.

А вот Сабина не могла этого утверждать.

— Положите кувалду. Я Сабина Малер и хочу знать, что здесь происходит.

Руперт и вправду опустил тяжелый молоток.

— Ах, эта, — сказал он, и Сабина живо представила себе, какой фильм шел сейчас перед его мысленным взором. Речь в нем шла об одной дерзкой девчонке, которая показала ему средний палец, потому что он отругал ее за одежду, о девчонке, которая напевала про себя провоцирующие песни Нены, проходя мимо него.

Эта самая девушка сегодня пыталась успокоить его.

— Мы цивилизованные люди и можем обо всем поговорить спокойно, господин Бальтус.

— А не о чем говорить. Это моя земля.

В доказательство он указал на колышек с табличкой, на которой было написано «Частная территория Руперта Бальтуса! Проход воспрещен!»

Постепенно Сабина начала понимать, что здесь происходило.

— Мы не на Диком Западе, где достаточно поставить забор, чтобы объявить какой-

нибудь участок своей собственностью. На чем основывается Ваше...

— Хватит мне тут болтать,— прервал ее Бальтус. — Докажите, что земля принадлежит Вам или проваливайте.

Сабина вдруг оказалась в ситуации, когда ей приходилось отстаивать участок земли, который имел для нее примерно такое же значение, как садовые гномы, которых родители ставили тогда в цветочные клумбы вокруг дома. Если бы Бальтус не был таким неприятным человеком, и Сабина бы не посмотрела несколько минут назад в горящие глаза Харри, переживавшего за руины, то кто знает. Возможно, она бы, пожав плечами, отдала этот кусок земли.

— Он хочет с-снести «Д-дворец»,— крикнул Харри. — Мы должны п-помешать этому. «Мы»,— подумала Сабина. Как у него все было быстро.

— Самое время сравнить с землей эти жалкие руины,— ругался Бальтус. — То, что здесь произошло, лишило меня единственного ребенка. Этот полудурок вместе с другими дегенератами испортили мою Жаклин. Они настроили ее против меня, отдалили. В этих стенах они курили травку, пили, трахались и строили планы на будущее. Именно, строили, скажу я вам. И что в итоге? Достаточно взглянуть на этого бездельника, тут даже слов не надо. Его сестра глупое, жирное, копытное животное, господин доктор — ловелас, а мой зять, спившийся хвостун. Вашу сестру, дама, я к счастью потерял из виду, но наверняка она осталась той же шлюшкой, что и раньше. Ну и компания! Стены этого проклятого места я с превеликим удовольствием...

— Подождите-ка, что вы имеете в виду? — прервала его Сабина.

Ее вопрос касался сразу нескольких вещей, начиная отчуждением Жаклин к отцу и заканчивая курением травки, занятий сексом и шлюшкой Леей. Сабина даже не сразу смогла решить какой аспект интересует ее больше всего.

Прямо в этот момент из тумана выскочил Харри и одним рывком сорвал табличку с колышка. Сабина уже даже успела забыть, что Харри был здесь. Бальтус видимо тоже. Какое-то время он даже не понимал, что только что произошло, а когда понял, Харри уж давно скрылся в безопасное место.

— Ты жалкий кусок дерьма! — прорычал Бальтус. Он замахнулся кувалдой как секирой и попал слишком поздно отреагировавшей Сабине прямо в висок, отчего она упала на землю.

Сабине была знакома боль. Всяческие ушибы, сломанная рука, порезы и вывихнутое плечо — все это уже было в ее жизни, и поэтому она знала, что такое тянущая, колющая, жгучая боль. Ее сознание помутилось, но она уже догадывалась, какого рода ранение получила. Сабина оцупала висок: рваная рана.

Девять из десяти человек в такой ситуации либо ужасно разволновались бы, либо в состоянии шока удалились с места происшествия. Однако Сабина рассмеялась, по крайней мере, мысленно. Она оказалась прямо в центре местечковых разборок и почувствовала себя как в сериале «Королевский баварский участковый/административный суд». Двадцать первый век был где-то далеко. Берлин, Росток, Дрезден и Гамбург находились на другой планете. Никто из ее берлинских друзей и коллег не поверит ей.

Без всякой тени сочувствия старик посмотрел на нее и сказал:

— Ну, вы что, осторожнее надо!

Сабина больше не могла сдерживаться. Она опустилась в холодную, мокрую траву и громко рассмеялась.

Через какое-то время старик ушел, что бурча себе под нос, а Харри подошел ближе, держа добычу в руках. Немного растерянный, он стоял рядом с Сабиной и ждал, пока у нее закончится приступ смеха.

— Выглядит п-плохо,— сказал он, осмотрев ее рану.

— Не так страшно, как кажется,— сказала она глубоким голосом.

— У тебя голос как у Б-брюса Уиллиса. Или ты и есть Брюс Уиллис... после операции?

— Эй, да ты оказывается шутник. Обычно ты пытаешься подавить эту плохую черту характера?

На его лице появилось довольное выражение, и Сабина догадывалась почему. Он только что выиграл битву и табличку, да еще и боевую соратницу, только что пережившую боевое крещение кровью.

— Мне п-понравилось, что ты смеялась, когда лежала на з-земле,— сказал он.

— Тебе это понравилось потому, что так делают только такие сумасшедшие как ты,— грубо ответила она, но тут же улыбнулась.

Харри протянул ей руку и помог встать на ноги.

— Пойдем со мной, х-хромоножка. Отведу тебя к сельскому в-врачу. А по дороге немного расскажу о с-себе.

Сентябрь 2013 года

Два раза в неделю Жаклин ползала на коленях по кухне, отмывая шкафы: едва заметные пятнышки от томатного соуса, капелька розового вина, пятна воды на плите, несколько заплесневелых листочков салата в сточном отверстии. Через пятнадцать минут придет убираться Маргрете, и Жаклин хотела, чтобы до ее прихода все было идеально чисто. Ну, или, по крайней мере, близко к идеальному. Чтобы вымыть все помещения у нее каждый раз уходило несколько часов. Если ей не удавалось это сделать, например, по причине болезни, она ужасно волновалась о том, что подумает Маргрете о ее ведении домашнего хозяйства.

Особое внимание она всегда уделяла кухне и двум ванным комнатам. Она беспрестанно и с довольно большой скоростью полировала различные поверхности, доводя до блеска белый лак и арматуры. А само помещение наполнялось запахом лаванды, исходящего от чистящего средства. В завершение Жаклин еще раз обходила весь дом, чтобы решить, где ей целенаправленно расположить недостатки: например отпечаток бутылки в холодильнике, чистая посуда в посудомойке или несколько крошек цветочного удобрения на подоконнике в спальне. У Маргрете не должно создаться впечатления, что она лишняя, но в тоже время не нужно ее переутомлять. Потому что Маргрете, к сожалению, не была для Жаклин тем, что принято было называть «жемчужина», напротив, она убиралась очень поверхностно, слегка проводя тряпкой по всему дому. Но Жаклин любила, чтобы все блестело чистотой, и, чтобы квартира ей нравилась, она должна была быть идеально чистой.

Так Жаклин и балансировала между уважением к душевному состоянию старой подруги и требованиям к самой себе и собственному дому, при этом обе должны были по возможности сохранять лицо. Вдобавок ко всему Жаклин просто не знала, о чем говорить с Маргрете, но ведь надо было вести какой-то разговор, тем более, когда так давно знаешь друг друга. Без учета стилистических различий, многие темы были под запретом, среди них Харри, красный платок, или плохое здоровье Эдит, которое очень тяготило Маргрете. А также все, что касалось денег и то, на что они тратились: отпуск, кино, продукты питания, уход за собой, поездки, компьютер, мебель, рестораны, предметы домашнего обихода... Разговаривать с Маргрете для Жаклин было все равно, что бежать в темноте по минному полю.

Это балансирование так напрягало Жаклин, что часто перед приходом Маргрете она предпочитала уезжать в Визмар. Она посещала несколько курсов в народном университете, которые выбрала не только по интересу, но в первую очередь из-за того, что они проходили в определенный день и час. Всегда, когда Маргрете приходила убираться, в расписании Жаклин стояли техника росписи по шелковой ткани, испанский, аутотренинг, пилатес или психология. От гончарного ремесла она отказалась, потому что каждый раз ей приходилось целый час стоять перед умывальником и вымывать глину из-под ногтей. Жаклин уже неплохо разбиралась в истории искусств и могла без труда проанализировать полотно Вато или Модильяни. Во время каникул, она действовала на нервы какой-нибудь продавщице бутика, примеряла двадцать пар обуви, чтобы купить одну, пила лимонад и ехала назад в Кальтенхузен, каждый раз взволнованно надеясь не застать Маргрете.

В этот день Жаклин должна была остаться дома, что уже само по себе противоречило ее

планам. Причина тому начала трепать ей нервы, появившись в кухне с чипсами в руках, едва она закончила уборку.

— Джереми, ты уронил несколько крошек.

— Ну и что, сейчас все равно придет уборщица.

— Во-первых, уборщица наша с твоим отцом старая подруга, у которой трудная судьба.

Поэтому, пожалуйста, побольше уважения и сочувствия.

— Сочу... Чего?

— Во-вторых, нельзя вести себя в принципе как свинья.

— Вести себя!

Он засмеялся, так что из его рта выскочило несколько мокрых крошек от чипсов.

— Ты бы себя послушала.

— А ты бы на себя посмотрел. Наполовину деревенщина как твоя мать, наполовину воображала как...

В последний момент она спохватилась, чтобы не сказать лишнего.

Джереми ухмыльнулся.

— Не надо было выходить за него замуж. Тогда много чего бы не было, например этой ужасной обстановки. Эй, здесь все как на мебельной выставке, а пахнет как в прачечной.

Сердце Жаклин бешено колотилось. Парень ужасно действовал ей на нервы. Справляться с ним становилось все труднее. Дошло до того, что стоило ему только взглянуть на нее, Жаклин уже переполняла ярость. Тем не менее, она попыталась взять себя в руки и говорить примирительным тоном.

Она достала тарелку из холодильника.

— Хоть ты и не заслужил, но я все равно приготовила твое любимое блюдо.

— Супер! Подгоревшие вафли.

Жаклин закрыла глаза.

— Они совсем чуть-чуть подгорели. Подгоревший слой можно соскрести, видишь?

— Не бывает сгоревшего чуть-чуть. Так же, как не бывает совсем чуть-чуть лишнего. Либо это лишнее, либо нет. Ты лишняя.

— Какой же ты все-таки ужасный мальчишка,— выругалась она.

— Спасибо.

Он взял с тарелки вафлю, соскреб подгоревшее тесто и сдул его с руки, отчего черные крошки разлетелись по всей рабочей поверхности стола.

— Хватит!— крикнула она. — С меня хватит. Ты все вытрешь. Сейчас же!

Жаклин намочила тряпку и положила ее рядом с крошками.

— Забудь об этом,— надулся Джереми. — Уборщица уберет.

— Ну-ка взял тряпку!

Он взял ее прижал к лицу Жаклин.

Она вскрикнула. Моющее средство обожгло глаза, и пока она смыла все водой и вытерла лицо, Джереми уже давно ушел с кухни. Жаклин неподвижно стояла три секунды. Затем, словно взорвалась снятая с предохранителя граната, она выкрикнула его имя.

Жаклин в ярости оббежала нижний этаж и обнаружила мальчика в гостиной, где он издевательски улыбаясь, стоял рядом с картонной коробкой среднего размера, которая слегка двигалась.

— Что там внутри? — спросила она, но он лишь захихикал.

Ее взгляд упал на открытую дверь террасы.

— Где Шанель? Что ты сделал с моей любимицей?

Джереми пожал плечами.

Как будто кто-то внутри нее задействовал переключатель, ее гнев куда-то исчез, и она совсем забыла отчитать мальчика за его наглое поведение на кухне. Все внимание Жаклин переключилось на коробку, откуда доносились скребущиеся звуки. Она медленно подошла поближе.

Только сейчас она заметила, что из нее вытекала тонкая красная струйка.

— Отойди в сторону,— приказала Жаклин Джереми, и он послушался.

Она боязливо протянула руку к коробке.

— Что... что ты сделал с Шанель? — спросила она дрожащим голосом. Дотронувшись до картона, она ощутила легкие толчки, отдававшиеся болью в душе. — О, боже, мой маленький любимец, что этот изверг сотворил с тобой?

Жаклин прижалась мокрой от слез щекой к коробке, обхватив ее обеими руками. Она была готова к худшему, когда взялась за крышку, наклонилась над импровизированной тюрмой и открыла ее. Когда оттуда выскочило что-то белое, Жаклин потеряла равновесие и упала. Раздался резкий крик, смешавшийся с ее криком. В следующий момент по комнате начало что-то порхать.

Джереми громко рассмеялся.

— Чайка. Ха-ха. И кетчуп. Ха-ха-ха. С твоей шавкой все в порядке. Ха-ха-ха. Ха-ха-ха.

Чайка! Все еще кричащая Жаклин, попыталась встать, но поскользнулась на мраморной плитке и ударила локоть. Когда она лежала на спине, птица пролетела прямо над ней.

Она ощущала ее запах. Чувствовала поток воздуха. Жаклин затаила дыхание, не отваживаясь открыть глаза.

Она проползла на четвереньках несколько метров, натолкнулась на дверь, и, держась за нее, встала, наконец, на ноги. Лишь захлопнув за собой дверь, она глубоко вздохнула и открыла глаза.

Смех Джереми преследовал ее до самого коридора.

Жаклин ненавидела чаек! Она ничего так не боялась, как этих подлых хищников, воздушных гиен, которые группами нападали на беззащитных маленьких зверей и рассекали клювами птенцов других птиц. Эти каркающие, питающиеся падалью птицы, регулярно являлись ей в кошмарах.

Несколько секунд Жаклин думала, что отошла от шока.

Но вдруг чайка ударилась о дверь с другой стороны. Жаклин отпрянула назад, побежала в кухню и закрыла за собой дверь. В круглом как тарелка зеркале на стене, на нее смотрело бледное лицо с мокрыми от пота прядями волос.

— Успокойся,— прошептала она себе. Но дело было не только в чайке и связанным с ней испугом, но и с этим ужасным мальчишкой, этим чудовищем, в глазах которого читались ненависть и жестокость...

Дрожащими руками Жаклин достала из шкафа жестяную банку с зеленым Цуонг-Тсенг-чаем, открыла и заглянула внутрь. При попытке положить небольшое количество чая в ситечко, ложка в ее руках дрожала как сейсмограф, в результате чего половина высушенных листочков упали на пол. Жаклин раздраженно отбросила все в сторону.

Жаклин в отчаянии пыталась собраться с мыслями, но ощущала себя так, словно ее уносит огромной волной, в то время как она беспомощно пытается нащупать дно. Но вдруг, во всем этом хаосе, она действительно нащупала опору.

— Пьер,— пробормотала она. — Мне нужно к нему.

Не прошло и десяти секунд, как Жаклин покинула кухню через задний вход.

Во второй раз за последние два дня к Пьеру приходил кто-то из старой компании, у кого шалили нервы. С Харри и его жестокими фантазиями он сталкивался часто, Жаклин напротив была очень редким гостем. Она предпочитала врачей, которые предпочитали пациентов, лечащихся частным образом, врачи с частными врачебными кабинетами, похожими на номера-люкс в отелях, с паркетом, мягкими коврами, с фанерными деревянными панелями и фонтанами. Именами этих врачей она разбрасывалась повсюду, как священник именами святых. Малейший насморк она лечила лекарствами за несколько сотен евро, в то время как спрей для носа и упаковка носовых платков имели бы такой же эффект.

Когда в тот день у Пьера раздался звонок в дверь, и на пороге стояла совершенно расстроенная Жаклин, он сначала подумал, что дело в ее аллергии на орехи. Однако симптомы аллергии были куда сильнее. Даже при небольшом количестве съеденных орехов, Жаклин была не в состоянии ходить, а здесь она даже смогла пройти сто пятьдесят метров до его дома.

— Что случилось? — спросил он.

— Это все этот противный мальчишка,— вырвалось у Жаклин. — Когда-нибудь он сведет меня с ума. В буквальном смысле слова.

— Ах, вот оно что.

Пьер выдохнул. Значит ничего серьезного, не экстренный случай.

Нервная система Жаклин после ее возвращения из США была тонкой как шелк. Её могло вывести из себя буквально все, начиная от грязи на петрушке и заканчивая птичьим пометом на ветровом стекле. Стоило ей услышать о том, что повысился процент безработных, как она сразу начинала переживать за защищенность своего дома от кражи со взломом. Если где-нибудь в Билефельде обнаруживали легионеллез в водопроводной воде, она на целый час открывала все краны, сливая горячую воду. Пойманная в клетку своих же страхов, Жаклин совсем разучилась наслаждаться жизнью. Увидев красивую радугу, она боялась промокнуть.

— Что это значит? — напала она на него. — Меня систематически терроризируют, а все, что ты можешь сказать, это «Ах, вот оно что».

— Мальчику тринадцать лет и ему не нравится мачеха. Вполне нормально, что зная твои слабые места, он пытается вывести тебя из равновесия. Ты сама можешь решать, как реагировать на его провокации.

С каждым словом Жаклин все больше повышала голос.

— Я что выгляжу так, будто хочу подискутировать с тобой о воспитании детей?

Пьер чувствовал, что она готова была расплакаться. Жаклин просто не была загружена работой. С ее безрассудной любовью к собаке, курсами от аэробики до ухода за декоративными растениями и всеми этими ощущениями, что ей угрожает опасность, она производила на него впечатление богатой, разведенной, одинокой женщины.

— Хорошо, входи.

Он пошел вперед в гостиную.

— Сейчас немного рановато, но я дам тебе брэнди.

— Если бы я хотела выпить алкоголя, я бы воспользовалась баром Майка, у него там больше промилле, чем у тебя пациентов.

Пьер знал о привычке Майка выпить и вынужден был согласиться с Жаклин.

— Ну, хорошо, тогда успокоительное.

Жаклин схватилась обеими руками за волосы.

— Мне нужно что-нибудь покрепче, — взмолилась она.

Он посмотрел в ее сверкающие безумием глаза, которые подходили такому человеку как Жаклин примерно так же как боксерский нос члену дворянского сословия.

— Может чашечку какао? — провоцирующе спросил он.

— Не прикидывайся дураком, больше чем ты есть. Не надо меня обманывать, я знаю, что у тебя дома есть небольшой запас опиума.

— Да, для Эдит. Если ей срочно понадобится.

— Ну вот, а теперь мне срочно понадобилось, — крикнула она и начала ходить кругами.

— Кстати, Лея переодевается наверху. Мы собираемся на кладбище.

Пьер знал, что присутствие Леи успокоит его взволнованную посетительницу. Странно, сколько усилий прикладывали некоторые люди, чтобы сохранить лицо. Жаклин работала над своим фасадом дольше и труднее, чем строители пирамиды Хеопса, а то, что она показывала ему свое истинное лицо, было связано исключительно с профессией Пьера. Так уж повелось, что все грехи и слабости мира рано или поздно оказывались либо в исповедальне, либо в суде или у врача.

— Правда, Пьер, — прошептала она, схватила его руки своими ледяными руками и, казалось, примерзла к ним. — Я должна что-то принять. Должна, должна, должна, иначе я просто не вынесу всего этого.

Она говорила как тогда, в две тысячи третьем году, после возвращения из Голливуда. Почти четырнадцать лет она провела там среди иллюзий о вечной молодости, красоте и стройности, вынуждена была справляться с сильным психологическим давлением, направленным на достижение успеха и носила с собой таблетки для похудения и пакетики с белым порошком. Короче говоря, жила жизнью метеора, падающей звезды. Уже тогда Жаклин была «развалиной», и после долгих уговоров, Пьеру наконец удалось убедить ее обратиться за помощью в наркологическую клинику.

— Четыре месяца назад ты обещала мне окончательно завязать с этим, — заклинал ее Пьер. — И теперь ты хочешь сдать, только из-за издевательств подростка?

Она в отчаянии покачала головой.

— Пожалуйста, Пьер, ради старой дружбы.

— По старой дружбе, и не только по этому, я не дам тебе морфий.

— Хочешь, чтобы я вернулась к нелегальным веществам? Хочешь, чтобы я снова достала себе пакетики? Ты же знаешь, что произойдет, если я ничего не приму. Вспомни, что было четыре месяца назад. Если не дашь мне морфий, будешь сам виноват, если это снова произойдет. Ну а раз уж мы заговорили о вине...

Жаклин сделала несколько шагов назад с коварным выражением лица, заставившим его догадаться, какую подлость она собиралась сделать.

— А кто вообще познакомил меня с этими вещами? Кто, тогда, после смены политического строя, уговаривал меня попробовать чудесный, чистый белый порошок? Я все помню в деталях. Мы были во «дворце», цвели первые подснежники, это было в феврале, на улице было холодно, и ты сказал: «Порошок делает мир теплым и красочным, подснежники начнут звенеть». Тогда я еще подумала: «Ну, если это говорит тихий, спокойный, милый и безобидный Пьер, то тогда...»

— Хватит,— прервал он ее. — Это была ошибка. Именно потому, что для всех я был просто тихим и милым Пьером, я хотел сделать что-нибудь запрещенное.

— И втянул меня в это дело.

Как и все наркозависимые люди, Жаклин прекрасно играла на слабостях окружающих ее людей. Позитивные чувства, такие как сочувствие, любовь и дружба, люди используют так же беззастенчиво, как угрызения совести или страх. Пьер должен опасаться Жаклин.

— Ну что ж, твоя взяла,— пробормотал он.

Ее победная улыбка была для него как удар в лицо. Но Пьер прекрасно знал, что это была улыбка женщины, стоявшей на краю пропасти.

Девятнадцать могил, обнесенных низкой стеной, позволявшей беспрепятственно любоваться зеленым ландшафтом вдаль. На небольшом кальтехузеновском кладбище я чувствовала себя какой-то беспомощной, незащищенной. Как будто в далеком, размытом горизонте, в тишине и соленом ветре меня подстерегала опасность.

В последующие недели здесь добавятся еще пять могил, но я еще, конечно же, ничего об этом не знала. Однако на кладбище у меня возникло какое-то жуткое ощущение, будто где-то глубоко внутри у меня было зашифрованное подозрение, своего рода иероглиф интуиции, предупреждавший меня о грядущей катастрофе.

Но в тот день и час, который я провела на могиле Сабины, я списывала свое тревожное чувство на ближайшую причину. Несколько лет назад, Сабина с моего согласия ликвидировала могилу наших родителей, а теперь она сама лежала на их месте. Мне понадобилось много времени, чтобы понять и осознать эту трагическую символику.

Я посмотрела через плечо. Пьер терпеливо ждал у кладбищенских ворот на почтительном расстоянии, а когда заметил, что я покачнулась, хотел поспешить мне на помощь. Однако я дала ему знак, что хотела бы побыть одна.

Впервые в жизни я ощутила потребность поговорить с сестрой по душам, помириться. Наверняка неслучайно это чувство возникло именно сейчас, когда это желание уже невозможно было выполнить. Оно должно было возникнуть у меня намного раньше.

Дома мне всегда жилось легко. У меня была страсть к поэзии, что радовало мою маму, и я любила Пёль, чем гордился мой отец. Сабина и я были настоящими дочерьми рыбака, хорошо переносили ветер и любую погоду, моя сестра энергично и ожесточенно, а я всегда смеялась, что производило лучшее впечатление. Так как я одевалась женственнее, то считалась привлекательнее сестры и обладала более хорошим вкусом.

Это не было справедливым. Однако симпатия почти никогда не имеет ничего общего со справедливостью, люди не нравятся только потому, что так было бы честно. Разве это была моя вина, что наши родители исполняли почти все мои желания, а ее желания почти никогда? Разве она сама не способствовала тому, что ее желания оставались невыполненными? В двенадцать лет она стала единственной девочкой в футбольной команде Пёля, на что тренер в присутствии родителей покрутил пальцем у виска. В шестнадцать лет она вдруг спохватилась, что хотела купить мопед, и это при том, что такие вещи в те времена нужно было заказывать заранее, за четыре года. К своему четырнадцатому дню рождения она хотела получить в подарок билет на Олимпийские игры в Москве, вкупе с недельным пребыванием там, что было просто напросто слишком дорого. Но с другой стороны я часто относилась к ней с неприязнью и даже ненавистью, например, когда подарила ей на тот самый день рождения клипсы из пластика в форме олимпийских колец.

Не нужно было мне постоянно провоцировать ее, когда мы были детьми. Я должна была время от времени слушать и ставить себя на ее место. Позже, намного позже, я не должна была игнорировать ее протянутую руку. Лишь после смерти Сабина снова стала присутствовать в моей жизни.

Почему меня смягчила смерть человека, с которым я всегда, сколько себя помнила, имела плохие отношения? Была ли это просто сентиментальность? Потому что того требовали правила приличия? Может я хотела поговорить с ней начистоту только потому,

что она уже ничего не могла мне возразить? Звучит жутко, но лучшие слушатели это собаки и покойники, они ничего не отрицают и всегда подчиняются. Если захотеть, у них можно выиграть любую словесную дуэль. Абсолютная незащитность человека, которого я избегала или пыталась побороть при жизни, сделала меня благосклонной.

У ее могилы мне стало понятно кое-что, что я до сих пор отгоняла от себя. Я больше не была ребенком и сестрой, не была матерью и женой. Я была одна, без семьи. С Сабиной этот мир покинула моя последняя родственница. В Аргентине меня никто не ждал. В этот момент это снова повторилось. Как несколько дней назад на кухне у Маргрете, я увидела вспышку, после чего перед моим мысленным взором появилось неподвижное, черно-белое изображение, исчезнувшее через несколько мгновений. Была ночь, Сабина сидела за рулем своей машины. Она бросила на меня взгляд. В ее лице читался ужас, и хотя я не могла видеть себя, но почувствовала тот же самый ужасный испуг. Мы обе чего-то боялись.

Было ли это за секунду до несчастного случая? Чего мы боялись? Или этой сцены на самом деле не было?

Но я чувствовала, что на самом деле пережила эту секунду, что картинка перед моим мысленным взором является отражением чего-то реального, посланием моего подсознания, также как эмоции и ощущение угрозы.

— Привет, Лея,— сказал кто-то позади меня.

Через секунду, которая понадобилась мне, чтобы сориентироваться, я узнала голос. Заметный, чистый, твердый, немного громкий — тембр человека, не знающего ненужной скромности и не заботящегося о том, попадает ли он в тон.

Я повернулась к нему.

— Привет, Майк.

Крепкий парень с крупным, угловатым лицом моряка и короткими волосами в молодости и сейчас был плотным мужчиной с крупным, угловатым лицом моряка и короткими волосами. Не нужно было быть хорошим психологом, чтобы понять, что его дорогой костюм был всего лишь маскировкой. На самом деле, он так и остался сыном рыбака и не скрывал этого, стоя передо мной, широко расставив ноги.

Он обнял меня, долго и, учитывая его телосложение, на удивление нежно. Он был рад меня видеть и я, конечно же, обрадовалась такому сердечному приему. Удивительно, но прежде всего я чувствовала к нему огромное уважение. Даже больше того, в момент нашей встречи, во мне проснулась спящая десятилетиями готовность добровольно подчиниться.

Раньше Майк нравился мне в первую очередь за его решимость и только потом за физическую силу. Он всегда знал, чего хотел, и ему удавалось излучать эту волю всем своим видом, походкой, жестами, глазами. Он наслаждался ролью шефа, но при этом никогда не был "Bully"¹¹, как говорили в Англии, школьным тираном или детским диктатором. В компании никогда не доходило до конфликтов, даже когда мальчики стали засматриваться на девочек, а в школе Майк дрался не чаще других мальчишек. Я не помнила, чтобы он когда-либо угрожал слабым, мы также никогда не развлекались за счет других. А делали мы это тогда действительно много. Майк был не только главарем нашей банды, но еще и главным заводилой, настоящим шутником.

Все это было очень давно. Но так как человек до самой старости не забывает, кого он любил или ненавидел будучи ребенком, он также не забывает, к кому он добровольно примыкал и подчинялся.

— Спасибо,— сказала я.

— За что?

— За приветствие.

Он просто кивнул, словно хотел сказать, что не стоит об этом.

— Пьер рассказал мне, что ты ничего не помнишь о своем коротком визите в мае.

— У меня ощущение, будто передо мной натянут черный занавес, а моей вытянутой руки не хватает, чтобы сорвать его.

Он ухмыльнулся.

— Узнаю подругу Лею. Всегда какая-нибудь картинка наготове. Метафорами, которые ты использовала, когда была подростком, можно было заполнить целую книгу.

— Энциклопедию,— поправила его я с самоиронией.

Он был права. Я всю жизнь думала картинками и, наверное, это тоже повлияло на мое решение стать фотографом.

Майк сделал однозначный кивок головой.

— Тринадцатилетний мальчик вон там, у ворот рядом с Пьером, это мой сын от первого брака. Его зовут Джереми.

— Я его уже встречала,— сказала я.

Так как Майк и Жаклин были женаты около десяти лет, значит Джереми было три года, когда Майк развелся с первой женой. Видимо, он сильно увлекся Жаклин, раз ради нее оставил молодую семью.

— Где Жаклин? — спросила я.

— Она опять лежит в постели с головной болью.

Судя по формулировке и ноткам в голосе, такое ее поведение нервировало его.

Когда два партнера были такими разными, особенно по характеру, как эти двое, то по общепринятому мнению было лишь три причины, почему они были вместе: большая любовь, очень большие деньги или самый лучший в мире секс. Две из трех этих причин я просто не могла себе представить.

— Джереми и я хотели потренироваться на лужайке ловить мяч, и случайно увидели вас здесь. Он играет в команде Ростока по американскому футболу и скоро пойдет на тренировку. Я специально для него взял выходной.

Свободная, позитивная манера, с которой Майк общался со мной, ни в чем не уступала манере общения Пьера и я была счастлива, что вновь обрела второго друга.

Мы гуляли, сначала по деревне, а затем узкими тропинками просто бродили по полям. Майк терпеливо разъяснял мне, что, когда и почему изменилось, что делали сегодня наши бывшие учителя, кто уехал из соседней деревни и кто умер. Перед моим мысленным взором всплывали расплывчатые лица, чтобы тут же снова исчезнуть. Пока мы разговаривали, Пьер играл с Джереми, с размаху бросая ему мяч. Мальчик почти всегда ловил кожаный мяч в форме огромного яйца, а если не удавалось поймать, то, по крайней мере, он показывал, что старается.

Дойдя до старой тропинки, ведущей во «дворец», мы некоторое время молчали, потому что, сделав первые шаги по этой дороге, в голове начали всплывать интимные воспоминания о нас троих, а также о Маргрете, Харри, Жаклин и Юлиане. Детская болтовня, «чавканье» велосипедных колес по мягкой почве, поделенный на троих лимонад в жаркие дни, общая боязнь ос, короче говоря, воспоминания о вселенной нашей детской дружбы.

— Расскажи о себе,— в конце концов, попросил Майк.

Он зажег сигарету.

— Пьер наверняка уже тебе все рассказал обо мне.

Пьер, все еще отстающий на несколько метров и занимавшийся Джереми, услышал нас и крикнул:

— Самое интересное, что можно о тебе рассказать, к сожалению, является врачебной тайной.

Мы засмеялись, а Майк бросил на Пьера взгляд, слегка мрачный, но в то же время не серьезный.

Я спонтанно спросила:

— Как ты стал фабрикантом?

— По молодости.

— И когда?

— За ночь.

— Ты не очень-то разговорчив.

— Ну, хорошо, если тебя правда интересует. В девяносто втором году у меня были некоторые сбережения, кроме того я взял кредит и купил заброшенный спортзал в Кирхдорфе и несколько старых машин. Я собирался скупать уловы мекленбургских рыбаков для дальнейшей их переработки. Что еще могу сказать? После первоначальных трудностей дело пошло очень хорошо и идет до сих пор. Я самый большой работодатель на острове.

Молниеносно я вспомнила десятое ноября тысяча девятьсот восемьдесят девятого года, тот дождливый день, когда мы, собравшись во «дворце», кричали наши желания в затянутое тучами небо.

Майк тогда посмотрел на каждого из нас, прежде чем в последний раз затянуться сигаретой и выпустить дым. Он стал курильщиком с согласия отца за годы до этого, с тех пор как он как взрослый мужчина начал работать на рыболовецком судне. Оттуда, с моря, были не только его мускулы, но и ругательства, упрямство и железная воля. А вот его желания были совсем другой направленности.

— Я хочу быть независимым, хочу построить что-то, что будет принадлежать только мне, основать что-то, что будет расти и процветать, что-то созданное моими руками. Я хочу стать богатым. Хочу дом с собственным пляжем, низкую красную машину из Италии, Харлей-Дэвидсон, яхту и не раньше, чем через десять лет, четырехэтажный свадебный торт, от которого всем станет дурно. Где-нибудь через четырнадцать лет я хочу детей и самое позднее к тридцатому дню рождения дюжину виноградных улиток в чесночном соусе.

Услышав его последнее желание, мы все, включая его, скривили рот, а потом громко рассмеялись.

— Похоже, что ты достиг большинство целей,— сказала я.

— Ты еще помнишь?

— Даже очень хорошо. И виноградных улиток тоже.

— Я по-прежнему считаю их противными. Моя яхта на данный момент маленькая парусная лодка, а красный скоростной автомобиль мутировал в темно-синий С-класс. Но зато свадебный торт был высшей пробы.

— А что с Харлеем?

— Он стоит в гараже и отзывается на имя «Гангстер». Летом я гоняю на нем по Мекленбургу.

Старая дорога из деревни терялась, уходя в болота лугов, затопленных морской водой. Я глубоко вдыхала свежий, наполненный минералами ветер Балтийского моря. Целую минуту

я была так счастлива, как будто Майк перечислил мне мои собственные успехи. Мне было приятно слышать, что, по крайней мере, его желания сбылись, если уж у Маргрете и Харри ничего не получилось в жизни.

Мы подошли к лесочку, который сами же и посадили тридцать лет назад, чтобы защитить наш дворец от взглядов посторонних людей, прогуливавшихся в этом месте.

Увидев летящий на него мяч, Майк на некоторое время занялся сыном, а я не торопясь пошла вперед и окунулась в лес.

В свете солнечных лучей, прорывавшихся сквозь раскидистую крону деревьев, стали заметны первые детали. Я обнаружила огромную стену, дыру в ней и груды камней. Ветер играл грустное адажио в покрытых мхом трещинах — узнаваемое лицо и дружественный голос руин. Но было и кое-что новое. В одном месте из стены, под углом девяносто градусов, проросла береза. Оставалось загадкой, откуда она брала жизненные силы и как держалась на шатающихся камнях.

Войдя во «дворец», я поняла, что все эти годы моего отсутствия я всегда носила его с собой. Специфический оттенок серого цвета этих стен, которого я пыталась добиться на своих черно-белых фотографиях, игра тени и света, ставшая фирменным знаком моего творчества и не в последнюю очередь одиночество этого строения посреди равнинной местности. Руины были для меня своего рода Большим взрывом в моем творчестве, только я не замечала этого двадцать лет.

Я бродила по дворам, которые когда-то были спальнями или трапезными, привлекаемая различными следами как, например, костер, разожженный казался еще в доисторические времена или дуб, чьи плоды служили боеприпасами для детских битв. Пахло свежескошенной травой.

С задним, самым большим двором у меня были связаны особые воспоминания. В марте девяностого года, на мой восемнадцатый день рождения Юлиан подарил мне там пикник, только я и он, плитка дешевого шоколада, безбожно дорогая бутылка розового шампанского и дряхлый кассетный магнитофон, игравший песни Жульетт Греко. Мы танцевали под «Parlez-moi d'amour», а потом занимались любовью в траве. Не в первый, но в последний раз.

За несколько секунд я еще раз пережила тот день. Невозможно было поверить, что все это было двадцать три года назад, я так четко помнила молодую, светлую кожу Юлиана, его белокурый чуб, щекотавший мое лицо, тепло его тела... В тот день я делала фотографии, в том числе наши в обнаженном виде. Это я помнила. Но вот куда они делись? Наверное, я сожгла их в раковине родительского дома.

— Лея, — сказал голос, который я не слышала целую вечность, и испуганно обернулась.

— Юлиан?

Я по-прежнему была одна, даже после того, как заглянула за угол. Но я могла поклясться, что слышала его голос. Видимо у меня разгулялась фантазия в этом месте, которое много значило для меня в молодости и было связано с моей первой любовью. Я поймала себя на том, что глазами искала следы нашей любовной игры, даже отпечатки в траве, что было просто смешно. Вообще этот двор был совсем другим в моих воспоминаниях. Четверть территории занимал увесистый куст ежевики, которого тогда здесь не было. Его плоды в большинстве своем уже засохли.

— Соберись, — призвала я саму себя, прожевала одну из последних еще съедобных ягод и вернулась к Пьеру и Майку.

После спонтанного приглашения Майка, мы поехали на его машине в Росток, где у

Джереми была футбольная тренировка. Как и полагается зрителям этого вида спорта, мы ели хот-доги. Конечно же, я измазала блузку, хлопала в неправильные моменты, подбодряла Джереми тогда, когда не нужно было, ничего не понимала и задавала глупые вопросы — в общем и целом это был веселый день.

В какой-то момент Пьер положил свою руку на мою, и я незаметно взяла ее. На этом жесте и нежном взгляде мы и остановились.

Когда появилась бывшая жена Майка, чтобы забрать Джереми после тренировки к себе, наш друг вдруг поспешил вернуться на Пёль. Не то чтобы они враждебно относились друг к другу. Напротив, они вели себя вполне дружелюбно, и я посчитала, что первая жена Майка подходила ему гораздо больше чем Жаклин. Бабс, как она сама себя называла, и как по-прежнему обращался к ней Майк, была женщиной деревенской, крупной, простой и прямолинейной, как он сам. Майку было так приятно в ее обществе, что он вдруг не выдержал.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

На обратном пути он поначалу был немногословен, кажется, даже загрустил, чего я раньше не замечала за ним. Но потом, он заметно оживился, будто рассказал сам себе смешную шутку и начал выдавать привычные веселые изречения.

— Проведем вечер вместе, или как? — спросил он, когда мы уже были недалеко от Кальтенхузена.

Я сразу согласилась, в общем-то не оставив Пьеру выбора. Мне очень хотелось весело провести несколько часов, ведь Майк всегда был гарантом веселья. В детстве он всегда отвечал за хорошее настроение, что-нибудь придумывал, чтобы не стало скучно. Десятилетия спустя создавалось впечатление, что ничего не изменилось. У себя дома он сразу направился к бару, деревянной стойке в старо-английском стиле, в которой было нечто особенное, чего нельзя было сказать об остальной мебели, однозначно выбранной Жаклин. В этом маленьком, трехметровом царстве Майк был однозначно в своей стихии.

— Хочешь тоже бурбон, Лея? Или лучше коктейль? Бабс всегда говорила, мое единственное отличие от мелкого жулика заключается в моей способности идеально смешивать Текила Санрайз.

— И, тем не менее, вы развелись? Я удивлена. Казалось бы, идеальная Текила Санрайз должна служить залогом крепкого брака.

Майк улыбнулся вымученной улыбкой, а я прикусила губу. Пытаясь пошутить, я нечаянно задела его за живое.

Смешивая для меня и Пьера коктейли, Майк выпил свой первый бурбон, и щедро налил следующий. По глазам Пьера я видела, что это было только начало и последует еще много напитков, и я даже стала сомневаться, было ли хорошей идеей согласиться провести вечер вместе. С другой стороны я не хотела оставлять Майка наедине с собой. Ни разу не видев его и Жаклин вместе, я была почти уверена, что это был несчастливый брак. Мне хотелось напрямую спросить Майка об этом, но не хватало смелости. Тем не менее, я хотела наконец понять кое какие обстоятельства и причинные связи.

— В чем причина ссоры между тобой и Харри? — спросила я, когда он подал мне бокал с коктейлем.

— Может, поговорим о чем-нибудь более приятном, чем спор двадцатилетней давности? Даже канаста¹² увлекательнее разговора о Харри.

Мы чокнулись бокалами, и я попробовала текилу санрайз. Видимо я выглядела так, что

Майк все-таки вернулся к теме разговора.

— Соглашусь. Ты приезжаешь в Кальтенхузен, и все кажется тебе чужим и перевернутым с ног на голову. Кроме того, рано или поздно ты все равно все узнаешь. — он бросил короткий взгляд на Пьера. — Но прежде чем ты услышишь другие версии, я расскажу тебе свою.

Майк в третий раз налил себе бурбон. Он так крепко держался за стакан и стойку, будто бар обеспечивал ему необходимую стабильность, чтобы вынести это жалкое состояние. Сделав глубокий вдох, он рассказал, как все начиналось.

Летом девяностого года они с Харри решили заняться продажей страховок для тогда еще граждан ГДР. Это были легко заработанные деньги, и они решили заниматься этим до тех пор, пока не заработают достаточно основного капитала, чтобы основать свою фирму. Однако у Харри дела шли хуже, он продавал намного меньше страховок, чем Майк. Зарплата была невысокой, больше всего денег можно было заработать на комиссионных сборах, но и их едва хватало. Страховой бум длился весь год вплоть до середины следующего года, когда началось перенасыщение рынка как на западе и заработки упали. У Майка с этим не было проблем, так как он на протяжении двух лет удачно продавал страховки и смог отложить достаточно много денег. У Харри напротив почти не было накоплений.

— Я не мог его ждать,— сказал Майк. — Вернее, не хотел. Понимаешь, у меня в голове была идея обзавестись собственной фирмой или фабрикой, а тогда для этого были все условия. Так как Пёль был экономически слабо развитым регионом, на него выделялись государственные субсидии. Рыбаки Мекленбурга уже были готовы заключить долгосрочные договоры с фабриками на западе. Если бы я прождал еще год, то мог бы попроситься со своей идеей. Поэтому я довел это дело до конца.

Это было нелегко, можешь мне поверить. Я предложил Харри работу на моей фирме, он стал бы на ней вторым человеком. Но до этого не дошло, так как ему нужно было проходить гражданскую службу в Тюрингии, от которой я был освобожден, потому что управлял предприятием. Когда Харри вернулся, он больше не хотел работать у меня, как бы я его не уговаривал, он становился все упрямее. Он начал настраивать людей против меня и фирмы. Постоянно подавал на меня в суд. Конечно, я защищался, причем достаточно успешно. Этот идиот сам испортил себе жизнь.

Майк опрокинул стакан бурбона, поставил его на стойку так резко, словно это была точка в мрачной странице жизни.

Под предлогом посмотреть, где Жаклин, он вышел, а я подумала: «тебе опять удалось Лея». Хотя теперь мне стали ясны кое-какие детали, но своими вопросами я превратила веселый вечер встречи, которому сама же так радовалась, в меланхоличный.

— Не волнуйся, он сейчас придет в себя,— сказал Пьер, угадав мои мысли.

Но дело было не только в этом. Я уже встретила со всеми друзьями юности, кроме Юлиана конечно, и вынуждена была с грустью подытожить, что наша бывшая компания была словно поражена циррозом. Майк и Харри враждовали, Маргрете недолюбливала Жаклин, в браке Майка и Жаклин тоже было не все гладко, Маргрете презирала собственного брата, и по моим ощущениям, Майк и Пьер тоже не особо нравились друг другу. Они почти не разговаривали друг с другом, особенно Пьер был заметно молчалив в присутствии Майка.

Что касалось Юлиана, то я по-прежнему была сбита с толку его отсутствием и обстоятельствами его исчезновения. Более того, я испытывала какое-то странное беспокойство. Сама не понимаю почему, но я постоянно думала о таких передачах как «Номер (уголовного) дела ХУ (икс игрик) — нераскрыто» или «Вскрытие», в которых регулярно находили давно пропавших людей, например, в саду у соседа или замурованными в подвале. Я постоянно говорила себе, что Юлиан не мог ни с того ни с сего куда-то исчезнуть. Особенно перед ним я должна была загладить свою вину, а теперь кажется, что я

его больше никогда не увижу. Это обстоятельство заставляло меня нервничать. Чтобы заполнить вакуум, вызванный его отсутствием, я хваталась за каждую соломинку.

— Пьер, ты сможешь выяснить для меня, в каком доме престарелых находится господин Моргенрот

Моя просьба его совсем не удивляет.

— Конечно.

— Спасибо,— вздохнула я. — А теперь скажи мне, пожалуйста, что-нибудь хорошее, я срочно в этом нуждаюсь.

Он забрал у меня коктейль, отставил его в сторону, медленно наклонился и нежно поцеловал меня в губы.

Так же, как Пьера не удивила моя просьба касаясь отца Юлиана, меня не удивил этот поцелуй, хотя я не думала, что это произойдет именно в данный момент. Честно говоря, я даже надеялась, что меня поцелует. Хотя не прошло и двух дней после нашей встречи, и Пьер был моим старым другом, я ни секунды не боялась вступить с ним в интимные отношения. Для меня, мужчина, обнимавший и целовавший меня, никак не был связан с тем мальчиком, которого я знала раньше, прежде всего потому, что тогда я испытывала к нему совсем другие чувства. Кроме того, двадцать три года разлуки сохранили во мне иллюзию того, что мы сегодняшние и подростки образца девяностого года — совершенно разные люди.

Пьер покрыл мое лицо и шею сотней сухих поцелуев, а я уже было собралась расстегнуть его рубашку.

— Не здесь,— смеясь, прошептала я.

— Хорошо, тогда давай исчезнем.

— Не получится. Мы обещали Майку провести с ним вечер.

Его ответом был еще более длинный поцелуй, чем первый, и я даже и не думала прерывать его. Пьер был не только привлекателен, он разными способами давал мне почувствовать себя в безопасности, например, когда снабжал меня информацией, держал меня за руку и приютил у себя дома. Но важнее всего для меня было осознание того, что я желанная женщина. Не только бесчисленные, мелкие шрамы по всему телу вызывали у меня неуверенность в себе, но и большой шрам, пересекавший мое представление о самой себе.

Амнезия отдалила меня от самой себя. В моих воспоминаниях я была уверенной в себе женщина, добивавшейся успеха в профессии, меняла любовников и жила жизнью, полной развлечений. От этого эго мало что осталось, хотя большинство фактов совсем не изменились. Я по-прежнему была фотографом, материально независимой, не замужней. То, что со мной случилось, можно было сравнить со страницей книги, которую разрезали посередине и снова склеили. Содержание осталось тем же, но у самой страницы была уже совершенно другая история.

Любовь Пьера попала в самую точку и излечила самую болезненную из моих ран.

Вдруг громко заиграла музыка, аргентинская песня. Майк стоял возле стереоустановки рядом с комнатной дверью. Не знаю, как долго он смотрел на нас с Пьером, но что-то он точно заметил, хотя не проронил об этом ни слова.

— Жаклин спит как младенец,— коротко сообщил он, чтобы сменить тему. — Лея, научишь меня танцевать танго? Мне кажется, ты отлично танцуешь. Я же напротив безнадежный, но амбициозный танцор.

— Надеюсь, у тебя найдется для меня новая пара ног.

— Ты не будешь против, если вместо этого я подарю тебе подарочный сертификат для дорогого обувного магазина?

— Ты шутишь? Некоторые женщины готовы убить за это.

Я бросила короткий взгляд на Пьера, чтобы заручиться его согласием на урок танца.

Майк держал меня крепко, его рука лежала на талии, но без всяких фривольностей, хотя до этого было недалеко.

— Лея, я хотел тебя спросить вот о чем,— начал он. — Ты бы не хотела устроить фотовыставку в Пёле, о нашем острове? Сначала в специальном помещении в Кирхдорфе, а позже в Визмаре. Если согласна, то я могу все организовать. Никаких проблем.

Непринужденное предложение Майка полностью восстановило мою самооценку. Пьер вернул мне уверенность в том, что я желанная женщина, Майк в тот же вечер вернул к жизни фотографа во мне. Наверное, покажется странным, что из-за фотовыставки на Пёле я чувствовала себя так, как будто мне оказали честь, ведь я уже устраивала выставки в Париже, Рио и Нью-Йорке. Но я списывала это на прежнюю Лею Хернандез, которая в какой-то степени погибла в результате аварии в мае тринадцатого года. Как Лея Малер я еще не имела успех, поэтому рассматривала предложение Майка как шанс и одновременно вызов, хотя и не знала, куда меня все это приведет. Кроме того, работа могла бы отвлечь меня от раздумий и боли, которые мучили меня в связи с потерей ребенка.

От переполнявших меня чувств, я бросилась Майку на шею.

— Спасибо, спасибо, спасибо! — кричала я ему в ухо, не отпуская его. Но потом я вспомнила, что на нас смотрел Пьер, и слегка расслабила объятия.

— Скажи, разве это так просто? — спросила я. — Разве бургомистр, муниципальные советы и другие не должны дать свое согласие?

— Можешь спокойно предоставить это мне. Если я говорю, что все получится, значит все получится. Предлагаю устроить вернисаж через две, три недели.

— Так скоро? Тогда придется поторопиться, мне понадобятся минимум три недели.

Как мне сблизиться с темой Пёля, моей прежней родины? Как фотограф пейзажей? В черно-белых тонах? С портретами?

То, что я с таким рвением взялась за это задание, было связано с тем, что произошло почти двадцать четыре года назад, с часом желаний во «дворце», с тем самым часом, в котором я взывала к своему будущему.

«Я желаю никогда не расставаться с любовью всей моей жизни. Хочу верности. И детей. Кроме того, я хочу стать фотографом и показывать вещи такими, какими я их вижу. Я хочу показать всему миру мой взгляд на вещи, независимо от чье-либо диктата, без цензуры и без стыда. Я хочу шокировать мир, восхищать, очаровывать, огорчать, сводить с ума, я хочу отражать его. Я хочу олицетворять Правдивое/Настоящее, ловить момент, всю мою жизнь. Я хочу провести фотовыставку на Пёле».

Последнее предложение вызвало громкий смех. Громкие речи про любовь, мир и жизнь и в конце фотовыставка на Пёле. Да, такой была семнадцатилетняя Лея, лирик в словах, но не столь успешна в их воплощении в жизнь. Я всегда была такой. Не было никакой большой любви, да и за работу я бралась без всяких высокопарных мыслей.

И только в сентябре тринадцатого года желания Леи Малер ожили.

Я снова сосредоточилась на уроке танца, который, впрочем, быстро превратился в дурачество. Виноваты в этом были как моя текила Санрайз, так и бурбон Майка, вместе с нашим общим желанием отречься в этот вечер от всего серьезного. Кто-то из нас постоянно

делал или говорил что-то, что вызывало у нас смех. Через некоторое время я привлекла и Пьера, расширив наш импровизированный курс на несколько танцев. Коллекция пластинок Майка охватывала семидесятилетнюю историю музыки, было много чего ужасного, но попадались и чарующие сентиментальные композиции.

Когда исполняя сиртаки, мы запнулись и втроем упали на пол, то все, мы окончательно пропали. Лежа рядом друг с другом на паркете, мы смеялись до коликов, понадобилась целая минута, чтобы мы успокоились, минута, во время которой я снова была ребенком. В это короткое мгновение мне показалось, что все возможно, что поссорившиеся помирились, больные выздоровели, а пропавшие вернулись, что Вчера было неважным, а Послезавтра таким далеким, и что мир был создан только для меня и моих близких. Одно прекрасное мгновение мы смеялись не втроем, а семером. Когда смех прекратился, и я вновь открыла глаза, то обнаружила себя лежащей между Пьером и Майком. Я с удивлением и некоторым замешательством заметила, как они обменялись долгим взглядом, прямо через меня.

Было уже за полночь, когда мы с Пьером направились к его дому. Он непринужденно взял меня под руку, будто это было в порядке вещей. У нас еще не было возможности поговорить о нашем эротическом интермеццо, потому что мы вместе с Майком на протяжении нескольких часов слушали старые пластинки, ели подогретую пиццу и обменивались анекдотами. Особенно Майк разошелся так, что даже не хотел нас отпускать. А мне наоборот, вторая текила Санрайз и Пинк Джин сильно ударили в голову, так как я очень редко пью алкоголь, а в первые месяцы после аварии и вовсе не брала в рот ни капли. Пьер же вел себя так, как и в годы нашей юности. Участвовал в общем веселье, но сам почти не проявлял инициативы, по крайней мере, после поцелуя.

— Тебе понравился вечер? — спросил он.

— Да, даже очень. Жаль только, что Жаклин не присоединилась к нам. Мы так громко орали, она должна была нас слышать.

Пьер не отреагировал на мои последние слова.

— Не думаю, что с ней было бы веселее. Она сильно изменилась по сравнению с тем какой она была раньше.

Я улыбаюсь ему.

— Ну, она не единственная.

Конечно, он понял, на что я намекала, однако снова прикинулся скромным, робко улыбающимся Казановой, та роль, которая мне больше всего нравилась у него.

— Как бы то ни было, — сказала я. — Сегодня я провела время с двумя людьми, которые больше всех обрадовались моему визиту. Харри это просто катастрофа, у Маргрете другие заботы в голове. Сначала мне показалось, что Майк с годами стал серьезнее, но этим вечером выяснилось, что он по-прежнему может быть настоящим весельчаком.

— Ну да, после пятого бурбона он всегда веселый, — ответил Пьер, что можно было воспринять как едкое замечание, только вот в его голосе не было сарказма.

— Он много выпил, — согласилась я, — но он и хорошо переносит алкоголь.

— Майк переносит алкоголь, потому что много пьет.

Бессмысленно защищать удовольствие от употребления алкоголя в разговоре с врачом общей практики, также как отпуск на пляже под канарским солнцем у дерматолога или коллекцию Лабутенов, беседуя с ортопедом.

— Какие у тебя планы на завтра? — спросил он, ловко сменив неудобную тему.

— Боже мой, если бы я только знала. Наверняка я не смогу заснуть, раздумывая как

организовать выставку. Но сначала мне нужно купить новое оснащение/оборудование.

Пьер еще ни слова не сказал о предложении Майка. Между ними чувствовалось какое-то соперничество. Но что это означало? Майк был женат, кроме того он совершенно не интересовал меня как мужчина.

— Кроме того,— добавила я, — я хочу поговорить со стариком Бальтусом по поводу участка земли, где находятся руины, на который он претендует. Смотря как пройдет разговор, я либо буду искать на нашем пыльном складе в сопровождении пауков и мокриц один заплесневелый документ, либо проеду по нашему прекрасному зеленому острову в поисках подходящих мотивов. Угадай, что было бы лучше для меня?

Он улыбнулся, и я положила голову ему на плечо.

— Как бы мне хотелось сопровождать тебя повсюду,— сказал он. — Но я уже и так передвинул прием пациентов на завтра, чтобы провести этот день с тобой. Это было не просто. Я просто сказал, что заболел, и моя помощница, наверное, ждет от меня бонус. Если я откажу еще и завтрашним пациентам, она уволится.

Мой благодарный взгляд сблизил нас еще больше.

— Выполняя функцию очень занятого сельского доктора, ты посетишь и Эдит тоже? — спросила я.

— Да, коротко.

— Тогда можем встретиться там. Меня мучает совесть, потому что я не зашла к ней сегодня.

Почему я заговорила именно об Эдит Петерсен? Это была не совсем подходящая тема для разговоров под луной и звездами. Но меня все еще беспокоило ее пафосное предупреждение/предостережение, и я уже даже стала зависима от советов и утешений Пьера. Он всегда говорил правильные вещи.

— И все-таки,— продолжила я,— мне бы не хотелось оставаться с ней наедине. Она действительно очень своеобразная.

— Она же всегда была такой,— сначала рассмеялся он, но заметив мою нерешительность, остановился. — Или что-то случилось?

Стоило ли рассказывать ему о происшествии? Сразу после него я была напугана и решила никому не рассказывать. Но спустя некоторое время я укрепилась во мнении, что пожилая дама была в замешательстве и не знала, что говорит. Кроме того, после аварии я сблизилась с Пьером, как ни с кем другим. Четыре месяца, проведенных в больнице и амнезия со всеми последствиями сделали меня привязчивой, поэтому я испытывала острую потребность выговориться. Носить в себе какие-либо тайны, было последним, о чем я думала.

Я доверилась Пьеру и почти дословно поведала ему, что сказала мне Эдит.

Немного подумав, он сказал:

— Может она имела в виду старого Бальгуса. Он хочет заполучить участок, ты же знаешь, Эдит ненавидит его. Но с другой стороны, если бы речь шла о нем, она бы, наверное, не стала предупреждать тебя с глазу на глаз.

— Вот именно. Она так напугала меня, что я даже подумывала последовать ее совету и уехать. Как ты думаешь?

— Можешь мне поверить, я хочу видеть тебя живой и здоровой... и здесь.

— Мне тоже так кажется, господин доктор,— ответила я, улыбаясь. У меня камень упал с души, после того как я сказала Пьеру правду и теперь могла говорить с ним обо всем.

— Завтра я попытаюсь выведать у нее,— предложил он и я кивнула. — Смотри, что мы выясним, ты можешь решить, навещать ее в будущем или нет.

Мы дошли до его дома, где он дал мне ключ.

— Попробуй открыть им,— предложил он.

— Все твои гости так быстро получают ключ?

— Напротив, ты первая.

Я открыла дверь.

— Поверю тебе на слово.

Мы вошли, оба задаваясь вопросом, который возникает у людей, с тех пор как они начали жить в домах: ночевать в одной спальне или нет?

Если бы Пьер еще раз поцеловал меня, взял за руку и нежно потянул за собой, я бы послушно направилась за ним, несмотря на смертельную усталость.

Но как раз этого он и не сделал.

— Ты, наверное, очень устала.

Я кивнула.

— Нет ничего приятнее хороших воспоминаний. Но и они очень утомительны.

— То же самое и с влюбленностью,— прошептал он мне на ухо. — Спокойной ночи, Лея.

— Спокойной ночи.

Я резко проснулась посреди ночи. Кто-то звал меня по имени.

— Пьер? — пробормотала я в темноту.

Включив ночник, я поняла, что в комнате кроме меня никого не было, а дверь была заперта. Я выключила свет и снова легла в кровать. В комнате было то светло, то темно, когда проплывающие облака загораживали луну. Тени от веток беспокойно бились об стену, словно пытались ударить и схватить меня. Я как маленький ребенок надвинула одеяло до самого кончика носа.

Я тщетно пыталась вспомнить, что мне снилось. На мгновение мне казалось, что я вспомнила, но каждый раз, когда я хотела четче разглядеть картинку, она ускользала совсем. То же самое было и с голосом, который я откуда-то знала, но не могла определить кому он принадлежал. Он был нежным, каким-то хрупким, но с нотками страха. Я даже не могла сказать, был ли это женский или мужской голос. Может это вообще был мой собственный голос? Зов о помощи? Или все это был просто сон?

Я вздрогнула, когда порыв ветра ударил в окно. Оно было в форме корабельного люка, только вдвое больше, и не открывалось. В зависимости от проникновения лунного света, окно было похоже то на фару, то на черную дыру. Я долгое время смотрела на него. Смертельно уставшая, я хотела, наконец, заснуть, но по какой-то причине не решалась. Сама не знаю, почему я откинула одеяло и спустила ноги на пол. Поначалу у меня возникла непреодолимая внутренняя потребность подойти к окну, но именно это загадочное желание и заставило меня задуматься в следующий момент.

Я в нерешительности осталась лежать в кровати в неудобной позе, пока осознание абсурда всей этой ситуации и упорное желание победить непонятный страх не объединились внутри меня. В тот самый момент, когда я все-таки встала, круглое окно вновь потемнело. Однако я не стала включать ночник, вспомнив даже в такую минуту, что из освещенного помещения невозможно увидеть, что происходит в крошечной темноте ночи. Но зато с улицы можно было заглянуть внутрь. Я чувствовала, что за мной наблюдают и несколько раз огляделась в просторной комнате.

Подойдя к окну, мне удалось разглядеть всего лишь две далекие, слабо светящиеся в темноте точки, наверное, огни плывущего в ночи грузового судна. Ветер усилился, кусты в саду Пьера яростно размахивали своими длинными «руками».

Возможно то, что я увидела потом, бросилось мне в глаза именно потому, что оно почти не двигалось.

Что это было? В сущности очертания чего-то, их было много этой темной ночью, возможно, пень или большая бочка для сбора дождевой воды. Однако для пня этот предмет был слишком длинным, а для бочки слишком узким.

Чем дальше я рассматривала смутные очертания этого сооружения под моим окном, тем сильнее оно напоминало мне человеческое тело. Но, как известно, человек склонен видеть в чем-то плохо видимом и непонятном, либо то, что он хочет видеть, либо то, чего он боится увидеть. Поэтому я была почти убеждена, что у меня просто разыгралась фантазия.

Я уже хотела отвернуться и вернуться в кровать, но в этот момент между двумя большими облаками появилась луна и на несколько секунд осветила сад. То, что только что имело неясные контуры, перестало быть тайной.

Под моим окном стоял человек, точнее мужчина, окутанный молочным светом, смотрел вверх, на меня. Стройный, светлокожий, со светлыми волосами, развевающимися на ветру. Он протянул ко мне руку, как будто хотел помахать или о чем-то умолять меня/взывать ко мне.

— Боже мой.

Я хаотично попыталась открыть окно, что было невозможно, потому что у него не было закрывающего механизма. Я в отчаянии прижалась обеими руками и лицом к окну.

— Юлиан! — крикнула я.

В следующий момент он уже исчез, так же как исчезла луна и на землю вновь опустилась мгла.

Не теряя ни секунды, я выбежала из комнаты, и чуть не падая, помчалась вниз по лестнице. Повернув ключ в замке, я распахнула входную дверь и побежала вокруг дома. Ветки куста бузины хлестнули меня по лицу, я наступила на острый камень, зацепилась

футболкой за терновый куст. Но ничего не могло меня остановить.

Забежав в сад, я стала передвигаться осторожнее. Там, где стоял Юлиан, не было ничего, ни пня, ни бочки, ничего, что могло бы объяснить тень, которую я видела, не говоря уже о хорошо различимой в лунном свете фигуре. Был только газон, который срочно нужно было скосить.

Я обернулась, прошла несколько шагов.

От той решимости, с которой я выбежала в сад, не осталось и следа, такой сильный охватил меня страх. Будучи ребенком я так часто тайком пробиралась в сад, чтобы понаблюдать за звездами. И не боялась ничего, ни темноты, ни ветра, ни шорохов. В саду Пьера я ощущала угрозу, но это не был естественный феномен, не от того, что меня окружало. Она исходила откуда-то из глубины. От чего-то необъяснимого.

Я как можно скорее покинула мрачный сад, где выл ветер, и той же дорогой вернулась назад. Я так старательно старалась не терять из виду узкую тропинку, что налетела прямо на Пьера и испуганно отскочила в сторону.

Если бы он не успел поймать меня, я бы упала в гибискус.

— Ах, это ты, — облегченно вздохнула я.

На нем были только семейные трусы, верхняя половина тела была обнаженной и теплой.

— Туалет в доме, — сказал он, улыбаясь.

Его юмор отвлек меня.

— Да я знаю. Мне показалось, я... я увидела... как... Не важно.

— Нет, скажи, что ты увидела.

На этот раз я не доверилась ему, и то лишь потому, что не хотела прослыть истеричкой.

— Правда, ничего не было. Просто меня разыграл фотограф во мне, вот и все.

К счастью, он не стал допытываться дальше, и мы вместе пошли назад в дом. Я замерзла, хотя провела на улице всего три или четыре минуты. Особенно ноги были ледяными, а на одном пальце я обнаружила небольшой порез от острого камня. Пьер полечил меня мазью, пластырем и теплым одеялом. Вот и сейчас, как несколько раз до этого, у меня было ощущение, что когда Пьер смотрит на меня, он видит меня насквозь, словно знает обо мне все. Это могло бы придать мне еще больше неуверенности, если бы Пьер не дал мне понять, что я нравилась ему и такой, со всеми моими особенностями и ранимостью.

Он подошел к выложенному из кирпича камину и зажег приготовленную пирамиду из поленьев. Я с удовольствием наблюдала за его спокойными движениями, а когда свет от огня осветил его загорелое лицо, согрелось и мое тело. Все было как нельзя лучше. Я была в нужном месте, по-другому и не могло быть. Даже то, что до этого я испугалась и была сбита с толку, имело свое предназначение, потому что показало мне, какой Пьер хороший. За несколько минут он совершил чудо, освободив меня от всех забот и вопросов. Я сосредоточилась на нем и уютной атмосфере его гостиной.

Пьер открыл аргентинское, красное видно, наполнил два элегантных бокала, и сел рядом со мной. Мы потягивали вино, и как раз когда мне захотелось, чтобы он приобнял меня за плечи, Пьер протянул руку и начал играть с одним из моих локонов.

Я улыбнулась.

— Ты совсем не такой как раньше.

— Хочу надеяться,— ответил он. — Мне не нравится молодой Пьер. У него не было ни грамма уверенности в себе, он готов был на все, лишь бы только понравиться остальным. Конечно, это не срабатывало. Если начистоту, ты тоже была не высокого мнения о нем... э-э, обо мне.

Точнее говоря, у меня вообще не было никакого мнения о Пьере, но это вряд ли бы его утешило.

— Я ошибалась, мы все в тебе ошибались. Ты единственный из нас учился в университете, кто бы мог такое представить? Ты умный, чуткий...

— Подожди, пожалуйста, на всякий случай я запишу твои дифирамбы на пленку,— сказал он, и мы рассмеялись.

В те времена у меня не было недостатка в уверенности в себе. Я почти все время занималась собой, вследствие чего не задумывалась над тем, что Пьер мог страдать от своей скромности и слабости. Судя по его замечанию, раньше я давала ему понять, что чувствовала себя сильнее его.

И вот теперь, четверть века спустя мы сидели на его софе, поменявшись ролями. У него все было прекрасно, чего нельзя было сказать обо мне. Однако он не пытался отплатить мне той же монетой за старые обиды. Напротив, он заставил меня почувствовать себя привлекательнее, чем когда-либо.

После аварии я встретила только двоих человек, которым слепо доверяла. Это были Пьер и мой больничный психолог в Шверине. С Иной Бартольди я долго разговаривала с малышом в моем животе, которого я потеряла за четыре месяца до этого, и теперь я пришла к выводу, что и Пьер должен был узнать об этом. Возможно, это был не подходящий момент для него, но зато подходящий момент для меня. В камине потрескивал огонь.

От тепла и вина, а может быть и от чувства неловкости, мы покраснелись. Пьер выглядел так, словно я могла рассказать ему обо всем, просто обо всем, хорошем и плохом, что было в моей жизни, хотя я встретила его всего тридцать шесть часов назад. Как будто находясь в декорациях к детской книжке с картинками, я начала рассказывать ему о потерянном ребенке, которого я полюбила или скорее смогла полюбить, после того как лишилась его. Пьер слушал, был рядом, но не притесняя, а «говоря» лишь взглядом и рукой, которой время от времени поглаживал мою кожу.

— С тех пор как одиннадцать лет назад у меня случился выкидыш, я всегда хотела забеременеть во второй раз. Я бросила все, даже фотографирование, только ради того, чтобы стать матерью. Я перепробовала все на свете, даже молитвы в церкви. Подумывала об усыновлении, но этого не хотел Карлос. После нашего развода... Может поэтому я часто меняла мужчин, втайне надеясь снова забеременеть. Когда это, наконец, произошло, когда я получила этот подарок, в то же мгновение у меня его отняли. С той поры... У меня ощущение, что меня наказывают, не знаю кем, за что или почему, но...

К горлу подступил комок, который мне с трудом удалось проглотить.

— Я не думаю,— сказал Пьер,— что кто-то, кто бы это ни был, жертвует беззащитным, невинным ребенком, чтобы наказать кого-то.

Он погладил меня по щеке, будто хотел стереть невидимые слезы.

— У ребенка есть имя? — спросил он.

Я грустно покачала головой.

— Ни имени, ни могилы, ни отца... Ему было всего шесть недель, пол еще не был

известен, а с отцом я больше не общаюсь.

— Как насчет имени Андреа? В итальянском это мужское имя, а у нас женское. Может напишешь своему умершему ребенку письмо и положишь его в бутылку или закопаешь в любимом месте.

Я улыбнулась.

— Хорошие у тебя идеи. Возможно, я так и сделаю. Напишу все, что у меня на душе и закопаю письмо во «дворце».

Пьер опустил глаза.

— Да,— просто сказал он и встал, чтобы подбросить в камин дров.

Сев рядом со мной, он наклонился и несколько секунд наши губы были так близко, что почти соприкоснулись. Пьер молча предложил мне поцелуй, так же безмолвно мое сердце забилося усерднее.

Мы медленно опустились на софу. Я положила голову Пьеру на грудь, чувствовала себя несказанно защищенной в его объятиях, будто рядом с ним со мной ничего не могло случиться. В последний раз такое ощущение я испытывала с Юлианом, но была настолько глупа, отказываясь от всего этого. После долгих скитаний я вернулась домой. «Не совершай ту же ошибку во второй раз»,— подумала я и закрыла глаза.

В нашу первую совместную ночь любви между нами не было ничего кроме объятий. Тем не менее, это была одна из самых прекрасных ночей в моей жизни.

Четырьмя месяцами ранее

Сабина сидела на стуле в позе статуи фараона, в то время как Пьер стоял рядом и зашивал ей рану на коже головы. Краем глаза она наблюдала за ним. Пьеру уже перевалило за сорок, но у него по-прежнему была задорная улыбка. Его филигранные руки, которыми он зашивал рану на виске Сабины, пахли миндальным кремом. Загорелую кожу Пьера подчеркивала надетая на нем желтая рубашка-поло.

— Сиди смирно.

Даже в таком приказном тоне его голос звучал мягко и успокаивающе, что наверняка ценили в нем пациенты.

— Я сказал, не шевелись.

— Можно мне хотя бы дышать?

— В следующие три минуты нет.

Сабине трудно было сидеть тихо, даже когда она читала книгу, что происходило довольно редко, девушка ходила по комнате взад вперед, а квартира Пьера только добавляла ей беспокойства. При этом обустройство квартиры согласно учению о гармонии должно было иметь противоположный эффект. Слегка поблескивающий деревянный пол, мягкие землистые тона на стенах, картины Моне и Тернера с садами и побережьями, доставшиеся ему в наследство от прабабушки и прадедушки и современная полукруглая софа цвета лаванды, гармонирующая по цвету с занавесками. Именно такой стиль, как казалось Сабине, понравился бы Лее: Феншуй плюс немного островной романтики с добавлением антропософии¹³. И все это конечно в покрытом тростником доме/ тростниковой крышей, покрашенном в бледно-желтый цвет с голубыми ставнями, который бы отлично смотрелся на обложке туристической брошюры. У Сабины вся эта картина вызывала тошноту и непреодолимое желание повесить в доме несколько AC/DC постеров.

Даже красивая подруга Пьера вписывалась в эту прекрасную обстановку. Несколько минут назад она открыла Сабине и Харри дверь, увидела ее рану и крикнула вглубь дома: «Пьер, дорогой, к тебе пришла пациентка». С тех пор она больше не проронила ни слова, а просто стояла как декорация перед Моне с его прудом с розами и с сияющим лицом наблюдала за врачебными стараниями Пьера.

— Извините, я забыла Ваше имя,— сказала Сабина глубоким, хриплым голосом.

— Татьяна, — ответила тридцатипятилетняя женщина писклявым голосом, находящемся на другом конце музыкальной шкалы.

— Татьяна, Вы бы не могли сделать шаг в сторону? Я уже пять минут непрерывно смотрю на Вас, и мне стало как-то не хорошо.

Продолжая улыбаться, она выполнила просьбу Сабины.

Случайно ли или намеренно, но именно в этот момент Сабина вздрогнула, когда ее уколол Пьер.

— Ай!

— Извини, моя ошибка,— сказал Пьер без тени сожаления. — Еще два укольчика, и я закончу.

— Если это хорошая новость, то плохую я даже не хочу слышать.

— Сиди тихо!

— Черт, я все-таки ее услышала.

Так как Татьяна снова приблизилась, чтобы понаблюдать за тем, с каким мастерством Пьер зашивал рану, то Сабине не оставалось ничего другого, кроме как наблюдать за этой молодой девушкой, если она не хотела сидеть с закрытыми глазами. Взгляд Сабины автоматически упал на глубокое декольте темноволосой красавицы, отдаленно напоминающей Лею, по крайней мере, тот образ Леи, который сохранился в голове у Сабины. Сестры не виделись почти четверть века и никогда не обменивались актуальными фотографиями. Альбомы Леи, которые якобы можно было приобрести и в книжных магазинах Германии, Сабина тоже никогда не держала в руках, уже только потому, что никогда не заходила в такие магазины.

Интересно как Лея выглядела сейчас? Наверняка осталась стройной и не рассталась со своими длинными, черными волосами. Какую шумиху она тогда поднимала. Лея действительно была красивой девочкой, намного красивее Сабины, которую практически не интересовал собственный внешний вид. Одно время Сабина носила ковбойскую шляпу, на редкость ужасную вещицу, или мужскую русскую меховую шапку, а к ней потрепанные кеды и рыбацкие штаны. Она всегда выдумывала что-то, чтобы стать предметом насмешек для людей. Вела себя вызывающе и это сделало ее только сильнее.

Как сильно она ненавидела сестру. Поначалу было трудно испытывать такие чувства к тому, кого на самом деле любил или должен был любить, но однажды Сабина привыкла и начала переносить свою антипатию и на других людей. В конце концов, на всех, кто был как Лея — красив, располагал к себе, всеми любимый. На людей, которым все давалось без труда, и которые получали все, что хотели.

Она вспомнила старого Бальтуса, и что он назвал Лею шлюшкой.

Сабина громко засмеялась, словно над шуткой старого друга.

— Тебя что, одурманил обезболивающий спрей, которым я обработал рану? — спросил Пьер.

— Нет, я просто подумала о чем-то смешном. Вспомнила старого Бальтуса.

— Слова «Бальтус» и «смешной» не часто услышишь в одном предложении, — сказал Пьер, заклеив рану большим пластырем. — Ну вот, готово.

— Большое спасибо. Нет, Бальтус кое-что сказал, прежде чем случайно огрел меня по башке. О «дворце» и о вашей тогдашней компании. По-моему он назвал Майка своим спившимся зятем, а тебя окрестил бабником. Ну, или что-то в этом роде.

Не случайно все взгляды устремились к Татьяне, ненадолго, но достаточно, чтобы смутить ее.

— Пойду наверх, соберу вещи, — пропищала она. — Уже поздно, а мне еще надо ехать до Ростока.

Она была милой девушкой, подумала Сабина, хотя производила впечатление человека, которому было трудно справиться даже с тостером.

Когда Татьяна не могла их услышать, Пьер сказал:

— Бальтус настоящий мерзавец и идиот, но он далеко не глуп. В чем, в чем, а в этом он прав.

— И насчет Майка тоже?

Пьер упаковал все, что ему понадобилось для обработки раны, и коротко взглянул на Харри, который все это время молча стоял в стороне.

— В нашем возрасте нам всем нужно немного саморазрушения, иначе жизнь была бы слишком скучной, не так ли? Еда, питье, шопинг, секс — каждый выкладывается, как может.

— Твоя честность подкупает. Раз уж мы об этом заговорили, ты можешь мне сказать, что старик Бальтус имеет против своей дочери?

— Почему ты спрашиваешь?

— Он не очень лестно отзывался о Жаклин. Необычно для отца, у которого только один единственный ребенок.

— Бальтус не смог простить Жаклин, что она уехала в Америку, чтобы стать актрисой. Думаю, он посчитал это личным оскорблением, что она покинула его, словно вонзила кинжал в грудь. Когда Жаклин вернулась, в их отношениях уже была трещина, а ее замужество с Майком тем более не способствовало их сближению.

— Вы тогда курили в развалинах травку? А может и более сильные вещества?

Пьер заметно занервничал.

— Сабина, к чему все эти вопросы?

— О, у меня их много, десятки, сотни, а может и тысячи. Мое любопытство обусловлено профессией. Я работаю в криминальной полиции Берлина.

В доказательство она вытаскала удостоверение. В основном люди реагировали двумя способами, когда узнавали, что Сабина работала в полиции. Одни начинали вспоминать всевозможные истории, будь то НЛО, террор соседей или проститутки этажом выше, и при этом ожидали какую-нибудь поддержку или совет. Другие уходили в себя, перебирая в уме различные прошлые проступки, начиная от поддельной декларации о доходах, разбитого бокового стекла заднего вида и заканчивая обыском выдвижных ящиков у бабушки после ее смерти. Пьер и Харри определенно относились ко второй категории. Хотя Сабина и не утверждала, что задавала вопросы по долгу службы, однако косвенно она имела на это право. Нужно было два раза подумать, прежде чем отказаться давать сведения полиции.

— Боже, да,— признался Пьер, когда оправился от такого сюрприза. — Мы же все тогда курили травку. Но тяжелые наркотики... я не в курсе.

Его взгляд метнулся Харри, чтобы тот подтвердил его слова, что Харри незамедлительно и сделал.

— Я д-думаю, Б-бальтус имел в виду ж-жизнь Жаклин в Г-голивуде.

— Нет, Харри,— опровергла Сабина, от которой не ускользнуло, что Харри начал заикаться еще сильнее. — Я четко помню его слова. Он имел в виду руины и говорил о наркотиках.

Пьер покачал головой.

— Для Бальтуса бельгийские шоколадные конфеты уже наркотики.

— Возможно. Но в том, что касается вас, он сказал правду, как ты мне минуту назад сам подтвердил.

Пьер не знал, что ответить, ему понадобилось несколько секунд.

— Чего ты хочешь? Чтобы я богом поклялся, что не употреблял тяжелые наркотики?

Какое-то время они стояли друг против друга как два вооруженных гангстера в Додж Сити, готовых, наконец, решить свои распри. И только появление Татьяны разрядило обстановку.

— Я готова,— пропела она сладким голосом, после чего Пьер проводил ее к машине.

Его бурная реакция показалась Сабине интересной, хотя конечно это еще не означало признание вины. Может он просто не любил полицейских и был оскорблен тем, что Сабина

так поздно создалась в этом. Харри также чувствовал себя обманутым.

— Ты не сказала мне, что работаешь в п-полиции.

— Думаешь, при знакомстве я первым делом говорю: «Здравствуй, меня зовут Сабина Малер, кстати, моя работа заключается в том, чтобы сажать людей за решетку?» Разве ты, придя на вечеринку, говоришь: «Я могильщик с Пёля?» — она подмигнула ему. — Если да, то меня не удивляет тот факт, что ты дважды разведен.

Харри нравилось, как она с ним говорила, это было заметно по его лицу. Он привык к такому слегка грубоватому тону, в расслабленной обстановке это давало ему чувство защищенности. Сабина так хорошо знала это, потому что сама ощущала себя также. С одной лишь разницей, что такая манера говорить развилась у нее не в семье или с семьей, а как выражение протеста против родителей и сестры. С Харри было возможно общение на одном уровне. Не каждый отважился бы назвать ее хромоножкой, и не всякому бы она улыбнулась в ответ.

Во время разговора с Харри, Сабина ходила по комнате. Пьер снес некоторые стены старого деревянного дома и создал большую комнату с массивными деревянными опорами. Сабина остановилась перед огромной книжной полкой в форме радуги.

Зная Пьера поверхностно, можно было подумать, что он человек заурядный, не глубже, чем чашка эспрессо. Наверное, дело было в его легкой и удобной, но одновременно дорогой одежде, ровном загаре, картинах с изображениями маков на стенах, в его повсеместной мягкости и податливости. Но согласно его книжной полке, Пьер интенсивно изучал как историю Мекленбурга, так и древнего Египта, интересовался жизнью Микеланджело и Черчилля, социологией, бедностью в мире и прочими вещами. В папке одной организации по оказанию помощи, Сабина обнаружила доказательство об опекунстве над индийской девочкой и филиппинским мальчиком. Кроме того, Сабина нашла множество материалов организации «Врачи без границ», на которую Пьер работал несколько лет назад — год в Эфиопии и еще один год в Сальвадоре.

— Ты считаешь п-правильным, р-рваться в чужих вещах? — запротестовал Харри.

— Я не обыск провожу, а просто рассматриваю книги на полке. Кстати, впервые за тридцать лет, что в некотором смысле делает из меня первооткрывателя. А это что тут у нас?

Сабина открыла фотоальбом. В нем были фотографии из детства Пьера и его приятных, полных родителей, которые когда-то занимались посевами для отечества, а также фото из поездок и отпусков, с Рудных Гор, с озера, с черноморского пляжа. Рядом с ним стоял другой, маленький и невзрачный альбом, но чем-то он все-таки привлек ее внимание. Внутри оказались десятки перемешанных фотографий, сделанных примерно на протяжении шести лет. Их объединяло одно: на всех фотографиях была изображена исключительно Лея.

Четырнадцатилетняя Лея сидела на белой лошади, грациозная, слившаяся воедино с животным. Пятнадцатилетняя Лея стояла в купальнике на трамплине над бассейном, руки элегантно подняты, тело напряжено. Шестнадцатилетняя Лея с вафельным мороженым в руке, кокетливо улыбающаяся в камеру. И так далее. Последние фотографии были сделаны на веселом празднике по случаю ее восемнадцатилетия. Кто делал фотографии неизвестно, потому что на некоторых из них Пьер стоял рядом со своим объектом обожания. Некоторые снимки были порезаны, чтобы отделить что-то или кого-то, находившегося рядом с Леей. Весь альбом был создан в честь красивой девочки и еще более красивой молодой девушки.

Пролистывая альбом, Сабина осознала, что за ее антипатией к Лее скрывалось и кое-что другое — зависть. Причем не белая, не стремление быть одинаково любимой родителями,

как и младшая сестра, не желание иметь таких друзей, как Лея, а простая зависть и обида, что Лея была такой восхитительной, а она, Сабина, нет.

«Шлюшка»,— прозвучал приговор старого Бальтуса о Лее. Не факт, что это было действительно так, но Сабина рада была слышать это, даже наслаждалась этими словами. Как только речь заходила о младшей сестре, Сабина становилась совершенно другой женщиной, женщиной, с которой бы она сама не хотела познакомиться.

— Вы бы были прекрасной парой,— с издевкой сказала она, когда Пьер вернулся и застал ее с альбомом в руке. — Невероятно, малыш Пьер был тогда влюблен в малышку Лею, и никто этого не заметил.

— Нет, я заметил,— сказал Харри Сабине, когда две минуты спустя они стояли на улице.

Пьер довольно нелюбезно выпроводил их наружу, и Сабина даже понимала его чувства. Часто мы с недоверием и антипатией относимся к тем, кто знает наши секреты, даже если сами рассказали им их.

— Я з-знал.

— Что?— спросила Лея.

— Что Пьер влюблен в Л-лею. Я же не д-дурак. Ну ладно, иногда дурак, но это я видел в е-его глазах, понимаешь? Он всегда с-смотрел на Лею по-другому, не как на нас, и не как на Жаклин, а она была тогда красивой д-девчонкой. Но остальные не заметили, как мне кажется. По крайней мере, мне никто н-никогда не говорил.

— А Лея?

— С-скорее всего нет. Пьер был слишком с-стеснительным или даже скорее трусливым. Майк тоже был влюблен в Лею, но он не был таким сдержанным, а наоборот с-сильно заигрывал с ней. Ну, своими н-неуклюжими методами. Сыновьям рыбаков, как известно, не очень-то знакомо ч-чувство такта. Пьер никогда не противился Майку, он и до с-сих пор так делает, во всем сохраняет нейтральную позицию, наш сельский в-врач. Как Швейцария.

— У Майка было что-нибудь с Леей? Может быть втайне от всех?

— Не д-думаю. Да ну, Лея и Майк?

Сабина покачала головой.

— Мэрилин Монро тоже была замужем за Артуром Миллером.

— Кто такой, этот М-миллер? Не важно, в любом случае, я не м-могу себе это представить. Лея всегда была такая в-возвышенная, романтическая, лиричная, что-то среднее между г-графиней и русалкой.

То, что Харри насмеялся над Леей, вызывало у Сабины симпатию.

Харри был странноватым парнем. Ему было чуть за сорок, но уже был морщинистым как старик и одновременно немного инфантильным. Сабине нравились такие типы, которым общество в лучшем случае ставило клеймо «Эксцентрик», а нередко такие люди просто считались идиотами.

Как бы то ни было, создавалось впечатление, что в их компании он был единственным парнем, который не был влюблен в Лею, что говорило в его пользу. Майка Лея отшила, Пьер любил ее тайно, а с тем, кому повезло быть с ней вместе, она рассталась при первых же трудностях. Какое достижение: всего восемнадцать лет и уже трое взрослых воздыхателей, которых она бросала или вообще не хотела даже слушать.

У Сабины за всю жизнь было всего три поклонника, а в юности вообще ни одного, не считая подхалимничавшего Мирослава. Многих парней отталкивало ее не женское

поведение, другие побаивались ее, и, в общем-то, с годами мало что изменилось. То, что она не могла найти спутника жизни, лишь отчасти было связано с ее колкостью. Как бы смешно это не звучало, потому что больше подходило к характеру Леи, но Сабина ждала принца, мужчину, которому бы удалось сделать так, чтобы ее сердце взяло верх над доминантным разумом. В общем и целом, она всего два года была в более менее постоянных отношениях, а в остальное время производила впечатление, что быть одной ее нисколько не тяготит.

— З-зайдешь к нам? — спросил Харри. — Буду рад. М-Маргрете наверняка тоже. У нас редко бывают гости, в общем-то, никогда. М-можешь переночевать у нас, если хочешь.

Сабина охотно согласилась, и вечер стал еще лучше, чем она ожидала. Встреча с Маргрете прошла замечательно, потому что они говорили на одном языке и понимали друг друга с полуслова. Несколько банок пива, бутылка Кьянти, чечевичная похлебка с колбасой и множество грубых пельских анекдотов обеспечили всем хорошее настроение. Однако такая веселая обстановка царил только до тех пор, пока Сабина была в комнате. Когда она уходила в ванную комнату или в машину, чтобы принести кое-какие вещи, грубовато-веселый тон между братом и сестрой сменялся на агрессивный и хамский. Сабина подслушала их разговор, прежде чем зашла в кухню. Маргрете напала на брата, за то, что он не успел сделать покупки, а он защищался беспомощными замечаниями: «Оставь меня, наконец, в покое». Как только Сабина вернулась, оба успокоились.

Когда Харри поздним вечером, уже в подвыпившем состоянии, начал рассказывать о своей вражде с Майком, Маргрете простилась и ушла спать.

— Ты не особо ладишь с сестрой, не так ли? — начала допытываться Сабина.

Харри не пояснил, продолжал ли он говорить о Майке или отвечал на ее вопрос.

— В-все люди совершают ошибки, терпят неудачу, промахиваются. Одним у-улыбаются на это, другим бьют в л-лицо. Так устроен мир. Я получал по м-морде чаще, чем боксер на р-ринге.

Ну почему ей нравился этот опустившийся тип? Потому что у нее с ним было кое-что общее? Может, дело было в его особенном мужестве. Ведь требовалась смелость, чтобы идти своей дорогой, несмотря на презрение, качание головой и издевательства мира. Любую неудачу встречать с выдержкой. Выступать в защиту того, во что веришь, не смотря на то, что все считают тебя сумасшедшим. Если речь шла о смелости, то большинству людей приходили на ум автогонщики, солдаты или равнодушные прохожие, спешащие кому-то на помощь. Чудак, защищавший лужайку, державшийся за детские воспоминания и посвятивший жизнь борьбе с рыбной фабрикой, чаще всего считался странным. При этом необходимо было такое же или еще большее мужество, чтобы подчиниться цели, которая не вызывала восторга у людей, а в лучшем случае наталкивалась на равнодушие.

Но и отчаяние тоже было велико.

— Маргрете считает меня д-дураком,— сказал Харри, каждое новое предложение стоило ему немалых усилий, как будто ему нужно было перепрыгнуть пропасть. — И для м-матери я б-большое р-разочарование. Я з-знаю об этом, хотя она и н-не говорит. Мы вообще-то н-никогда м-много не разговаривали... Я н-не могу быть другим, чем я е-есть.

Он быстро зажег сигарету и затянулся. Это практически паническое ингалирование было немым, красноречивым эхо: я не могу, не могу.

— Я тоже никогда не могла,— ответила Сабина. — Если вспомнить года, проведенные с Леей... Боже, как мы ругались. У тинейджеров шестилетняя разница в возрасте кажется целой вечностью, поэтому я включала злую, старшую сестру, а она всеми любимое

солнышко. Мы по правде ничего не дарили друг другу. С каждым новым днем, мы все больше ненавидели друг друга.

— Ты по-прежнему н-ненавидишь ее?

Вопрос застал Сабину врасплох, поэтому ответ дался ей нелегко.

— Длительная разлука не заставила мою антипатию исчезнуть, а скорее заморозила ее. У Леи наверняка также. Ну что ж, ничего не поделаешь. Я всегда была менее любимым ребенком и этого уже не изменишь.

Это была одна правда. Другая заключалась в том, что Сабина часто надеялась, что однажды все раны заживут и ссоры закончатся. Она даже подумывала сделать первый шаг. Но не знала, каким он должен быть. Во время звонка, она бы точно начала запинаясь, а писать письма у Леи получалось лучше, чем у нее. Сближение было бы возможным, если бы она показала чувства, а это означало, опустить щит и оружие и стать ранимой. Уже при одной мысли об этом абстрактном, даже не конкретном плане, у нее все сжималось внутри.

Харри отреагировал на ее слова так медленно, будто они капали в него через капельницу. Сабина даже могла наблюдать, как он думает. Сигаретный дым дольше задержался в его легких.

— Обещаешь не отдавать у-участок? Не дарить и не продавать? Ты будешь бороться з-за него? — спросил он.

Сабина не могла сказать «нет». Всему миру было наплевать на руины, для Харри наоборот руины были всем его миром.

— Согласна,— сказала она. — Мы боевые товарищи.

Когда вернулась Маргрете, они не стали ничего говорить о соглашении. Ее раздражало все, что было связано с этой «грудой камней», как Маргрете называла дворец. Сабина даже немного понимала ее. Наверняка ее расстраивало то, что брат большую часть своего времени посвящал руинам, в то время как у нее не было почти ни одной свободной минуты. Тем не менее в ее неприязни было что-то прямо-таки враждебное, агрессивное. Такие чувства обычно испытываешь к местам, которые во что бы то ни стало хотелось забыть.

Сентябрь 2013

Пьера снова вызвали в дом Петерсонов, потому что у Эдит были сильные боли. Но что-то все равно было по-другому. Уже по телефону голос Маргрете звучал не так как раньше, был каким-то глухим, осипшим, а когда Пьер вошел через приоткрытую входную дверь, его предположения подтвердились. Женщина не была занята работой, как это обычно бывало, а сидела за кухонным столом и курила. Рядом с чашкой с фруктами всегда лежала пачка сигарет, но владелице, как правило, хватало ее на целый месяц.

Однако этим утром пепельница уже была полной, а дым от сигарет висел в воздухе и быстрыми интервалами вырывался изо рта и носа Маргрете. Женщина всегда выглядела уставшей, когда не работала, но в этот день это особенно бросалось в глаза.

— Мама уже ждет тебя,— сказала она, взглядом давая понять Пьеру, чтобы ее оставили в покое.

Пожилая женщина лежала в кровати, тихо как надгробная статуя и лишь ее глаза следовали за движениями Пьера. Она ничего не говорила, не ответила даже на приветствие с добрым утром. Пьер как обычно вытащил шприц, смягчающий боли Эдит. Она страдала атрофией костей и ревматизмом, а непрерывное лежание в постели вызывало тяжелые воспаления на коже. Эдит называла все это просто: плохая нога, плохая спина, плохое то и это...

Обычно она сразу говорила, где у нее болит, как только Пьер входил в ее комнату. Но в этот день она молчала, даже когда он уже приготовил шприц.

— Я и сам собирался зайти сегодня после обеда,— сказал он. — К счастью звонок Маргрете застал меня дома.

Эдит по-прежнему ничего не отвечала.

— Ну, и где болит?

Вместо ответа она начала плакать. Каждая слеза как зов о помощи.

Пьер растерянно стоял возле кровати, не зная, что сказать. Он знал эту женщину всю жизнь и был хорошо знаком с ее длинной историей болезни, которая сопровождала его с тех пор, как он стал врачом. Но в таком совершенно беспомощном состоянии, Эдит Петерсон он не видел еще ни разу и даже потерял дар речи.

Целую минуту, которая длилась по его ощущениям намного дольше, он сидел на стуле рядом с кроватью с приготовленным шприцом, глядя в покрасневшие глаза Эдит. Когда она, наконец, заговорила, Пьер почувствовал, что ему полегчало.

— Маргрете говорила с тобой, доктор Пьер?

— Нет, — ответил он. — Я ничего не знаю.

— Я хотела, чтобы она тебя кое о чем попросила. Но она опять уклоняется. Всегда говорит, что желает мне только самого лучшего, а сама ужасно делает свое дело.

— Это несправедливое обвинение, — возразил он, ощутив прилив досады и раздражения, который правда быстро стих. — Маргрете жертвует ради Вас жизнью.

— Дело не в этом. Я больше не хочу всего этого. Столько много жертв... ради чего?

Пьер не знал, что ответить.

— Не так ли, доктор Пьер, ты выполнишь мое желание?

Он догадывался, что она собиралась сказать, и именно так и произошло.

— Я хочу умереть.

После такой просьбы Пьер чувствовал себя так же, как другие люди — он был шокирован, потрясен, опечален и зол. Да, зол, потому что часто люди благодарны за то, что могут исполнить просьбы, которые им ничего не стоят, но злятся на тех, кто просит у них неисполнимого.

— Смотри, доктор Пьер, прошлой ночью мне приснился сон, в котором я ждала своего восемнадцатилетия и не могла дождаться. А теперь, как по щелчку, я лежу здесь, дряхлая, как призрак. Я уже давно просила бога, чтобы он убил меня, но видимо сейчас расплачиваюсь за то, что никогда особо в него не верила. Ты моя последняя надежда, доктор Пьер, врачи всегда последняя надежда для человека, они еще важнее бога. Тебе не придется прилагать много усилий, я уже почти мертва, мне не хватает совсем не много, последней капельки, совсем чуть-чуть... Маргрете и Харальд тоже желают моей смерти, хотя передо мной и самими собой делают вид, что это не так.

— Но я, — не сдержавшись, выкрикнул Пьер, — этого не желаю!

— Даже если и так. Это не важно.

— Я давал клятву Гиппократа, — возмутился Пьер.

— Нужно изменить эту клятву, — энергично воспротивилась Эдит. — Врачи должны выполнять волю своих пациентов, а не мертвого грека. В библии написано, что отцу позволено продавать своих дочерей в рабство, ты знал об этом? Что всех, кто работает в седьмой день недели, нужно убить? Так же, как и всех мужчин, подрезающих бороду? Если бы все было так, пролилось бы немало крови, не правда ли? Поэтому эти бессмысленные наставления и были отменены, так как они уже не соответствуют времени. Видишь, доктор Пьер, то же самое можно сделать и с этой дурацкой клятвой.

— Эту дискуссию мы уже вели несколько лет назад, и тогда я сказал Вам то же самое, что и сейчас: мой долг сохранять жизни, а не заканчивать их.

— Но ты же не можешь ее сохранить, — крикнула она. — Только продлить. Я имею право на собственную смерть. Это мое мнение.

— А мое мнение заключается в том, что Вы еще далеки от смерти, иначе бы у Вас вообще не было своего мнения. Эта тема для меня закрыта. Вы очень рассердили меня, Эдит.

— Терпи. Клиент всегда прав.

Возмущение Пьера, и он сам понимал это, было частично наигранным. После того, как несколько лет назад Эдит уже просила его помочь ей уйти из жизни, он приготовил все, что для этого было нужно, и надежно спрятал в ящике стола. Он знал о болях Эдит, а прогноз выглядел и того хуже. Если смерть не освободит ее от болей, то самое позднее через два года ее жизнь будет состоять из одних страданий и горя. Он думал об этом каждый раз, проходя мимо ящика стола, иногда открывал его и смотрел на шприц со смертельной инъекцией, но всегда клал его обратно. Инъекции, которые он делал своей пациентке, на некоторое время уменьшали боль, но не избавляли от нее навсегда.

— Итак, где Вам особенно больно?

— Везде! — крикнула она. — Втыкай этот чертов шприц куда хочешь, не ошибешься, ты тупой доктор.

В знак протеста она отвернулась, и он ввел ей обезболивающее в руку, не встретив сопротивления с ее стороны. Было очевидно, что Эдит больше не собирается разговаривать с ним сегодня, но Пьеру было все равно.

— Лея рассказала мне о Вашем предостережении,— сказал он, не заметив какого-либо шевеления у Эдит. Забравшись под одеяло, она лежала, повернувшись к нему спиной.

— О том, что ее жизни угрожает опасность,— добавил он.

Никакой реакции.

— Ваши слова напугали ее.

По-прежнему никакой реакции.

Он закрыл докторский чемоданчик.

— Вы не должны этого повторять, Эдит. Это просто счастливый случай, что Лея вернулась, и я не хочу, чтобы она уезжала. По крайней мере, пока. Может, скоро я уеду вместе с ней. Время покажет, никогда не знаешь, что нас ждет впереди. Мы только что встретились. Эдит, Вы вообще слушаете меня?

Так как она явно не собиралась отвечать, Пьер открыл дверь.

В этот момент, Эдит, все еще не поворачиваясь к нему, тихо сказала:

— Бедная Лея.

На кухне Маргрете Пьер наткнулся на стену из сигаретного дыма.

— Слушай, ты что куришь три сигареты за раз, или что здесь случилось?

Пьер открыл окно и входную дверь, чтобы выпустить дым, и сел за к Маргрете за стол с переполненной пепельницей. Обычно ему предлагали выпить чаю, но этим утром все было не так как прежде. Грусть и печаль висели над кухней как колокол, казалось, их можно было схватить руками, как этот голубой, застоявшийся, удушающий сигаретный дым. Жизнь в этом доме — это значит пахать, стареть, хворать или упасть замертво, больше ничего. От мужества, выдержки или веселья прежних дней в семье Петерсен не осталось и следа. Им никогда не жилось действительно хорошо. Но если бы у стен была память, то дом, в котором Пьер и Маргрете молча сидели рядом, мог бы вспомнить деловую суету, весенние субботники, работу в саду, детские дни рождения, праздники урожая, поедание вишневого пирога. В настоящее время этот дом и Маргрете вместе с ним, казалось, праздновали лишь уход времени.

Пьер всегда видел в лице Маргрете определенную силу и жесткость, но теперь оно показалось ему бескровным. Ее щеки были белыми и лоснящимися как моцарелла, подбородок обвис. Начиная с этого утра, она стала старой.

Когда ее мелкие глаза начали искать его взгляд, Пьер уклонился от вопроса, который боялся прочитать в них, подойдя к газовой плите, чтобы поставить воду для чая.

К счастью, она не собиралась преследовать его своим взглядом. Ссутулившись Маргрете осталась сидеть за столом, наполовину поглощенная сигаретным дымом и темнотой в комнате. Натюрморт печальной женщины.

Может быть, она впервые за долгое время, а может и вообще впервые, поняла всю величину своего жалкого положения. Вполне возможно, что этим утром Эдит своей просьбой открыла ей глаза на то, как изменилась бы ее жизнь, если бы к концу дня она стала свободной женщиной. Предложение, должно быть, поступило от самой Эдит, так как Маргрете никогда бы не отважилась даже мечтать о самоубийстве матери, не говоря уже о том, чтобы желать его. Но даже если бы это было и так, ее бы мучили невыносимые угрызения совести. Но теперь, когда эта мысль была проговорена и ее невозможно было забрать назад, она передалась и Маргрете и развилась у нее внутри.

Итог жизни этой сорокадвухлетней женщины, должно быть, был ужасен. Она выжимала каждый евро, но все равно не добивалась успеха. Она выписывала журналы, где были

изображены роскошные дворцы, в то время как ее жилье находилось примерно в таком же состоянии как ее мать. Ко всему прочему, любовь не играла в ее жизни никакой роли, ну или, по крайней мере, почти никакой.

Несколько лет назад она поведала Пьеру, что познакомилась в Визмаре с неким Османом, совладельцем закусочной, где продавали шаурму. Она просила у Пьера совета, так как не имела опыта в любовных делах. Несколько дней она была счастлива, ее будто подменили. Но у Османа были другие планы. Он пригласил ее в свою закусочную, а потом взял с собой в квартиру друга. Дело — в этом случае можно обозначить это именно так — было закончено через десять минут. С тех пор Маргрете больше не видела Османа и насколько Пьер знал, это было ее последнее свидание.

Иногда он спрашивал себя, как Маргрете могла пережить тот факт, что за исключением ее брата, у всех друзей из их бывшей компании все было хорошо. По крайней мере, ни у кого из них не было финансовых забот. В тот момент, когда Пьер разливал чай, Маргрете резко повернулась на стуле.

— Ты это сделаешь?

Пьер пролил несколько капель горячей воды, поставил чайник на плиту и взял тряпку.

— Оставь,— сказала Маргрете. — Я должна это знать. Ты сделаешь это?

— Не думаю, что такие вещи нужно обсуждать за чашкой чая, сидя за кухонным столом.

Маргрете бросилась к нему, схватила чашку и вылила содержимое в мойку.

— Вот, теперь мы говорим уже не за чашкой чая. Можем пойти в сад, если тебе не нравится на кухне. Спрашиваю в последний раз: ты сделаешь то, о чем она тебя попросила?

По блеску в глазах Маргрете нельзя было понять, бросится ли она на него, если он ответит да или нет. Все зависело от того, чего она больше боялась, угрызений совести или будущего, похожего на прошлое.

— Маргрете,— лишь вздохнул Пьер.

Она сделала несколько шагов взад вперед, повернулась, еще раз прошлась туда сюда, обводя взглядом всю кухню и, наконец, остановив его на полу.

— Значит, нет.

Какое безграничное разочарование было в этих двух словах. Как будто он обнаружил у нее опухоль мозга, оказавшуюся неоперабельной. Или как будто ее помилование было отклонено.

— Нет?

— Нет,— подтвердил он.

Когда она всем телом наклонилась над столешницей, у Пьера на секунду мелькнула мысль, что она собирается взять один из ножей и что-то сделать с собой или с ним. Он быстро сказал:

— Я считаю, будет лучше, если твоя мать будет содержаться в приюте, где получит паллиативное лечение и...

— Ты так же, как и я, прекрасно знаешь, что она не хочет в дом престарелых. Она хочет остаться здесь, умереть в своей постели. Я не пойду на то, чтобы вытаскивать ее из дома против ее воли. Никогда.

Она вновь резко повернулась и посмотрела на него.

— Почему, Пьер? Просто скажи, почему?

Пьер сделал беспомощный жест руками.

— У меня клятва...

— Ах, перестань,— набросилась она на него. — Кого ты хочешь обмануть? Меня или себя? Я знаю настоящую причину, никогда бы не подумала, что ты способен на такую подлость.

Проснувшись на третий день моего пребывания на Пёле, я обнаружила рядом с собой лежащую на подушке розу. Она была бело-желтой с лиловой каймой и пахла парфюмированным мылом. Вместе с ярко зелеными листьями роза сочетала в себе цвета пельского флага. Случайность? Или Пьер просил меня таким изысканным образом остаться на острове?

Я уже давно не начинала день в таком хорошем настроении. С утренним туалетом я справилась быстро, но зато мне понадобилось много времени, чтобы выбрать наряд. Мой гардероб состоял из вещей, которые я взяла с собой в первый приезд на остров, то есть до несчастного случая. В кругах, в которых я вертелась в Буэнос Айресе и европейских столицах, главным образом среди галеристов и их клиентов, фотографов произведений искусства и музейщиков, принято было одеваться элегантно. Соответствующим образом я и собрала свой огромный чемодан и не взяла ничего, что бы мне нравилось. За исключением двух удобных, подходящих для норманнского фотосафари, нарядов. Та женщина, которой я была раньше, вновь показалась мне чужой, но я ни в коем случае не хотела погружаться в эти мысли.

В конце концов, я одолжила одну из рубашек Пьера, которая была мне слишком широкой, завязала концы узлом и надела вчерашние джинсы. Затем я позволила себе совершить тщательный и на этот раз тайный обход помещений верхнего и нижнего этажей.

То, что я сразу заметила, войдя в дом, подтвердилось при ближайшем рассмотрении. У нас с Пьером были похожие вкусы. Не считая некоторых деталей, обстановка, цвета стен и даже небольшое количество декора могли быть выбраны мной. Выбраны — это вообще было ключевое слово. Ни одна деталь не стояла случайно на своем месте или потому что так было целесообразнее. Все вещи практически идеально подходили друг к другу, дополняли, переходили друг в друга, причем натуральным образом, а не так как было у Жаклин и Майка, где все было выставлено на всеобщее обозрение.

Я много времени провела перед книжной полкой в форме радуги под девизом: «Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты». Судя по книгам, Пьер был разносторонне заинтересованный читатель без какого-то особого направления. Я не смогла выявить ни любимого автора, ни какую-то обширную тему. Бесцеремонно взяла фотоальбом, но нашла его скучным. Надеялась найти там какие-нибудь фотографии нашей компании, но пришлось довольствоваться лишь лицами и отпускными поездками семьи Фельдт. Интересно было только вспомнить, каким красивым мальчиком был Пьер, даже привлекательнее Юлиана, чего я тогда удивительным образом не замечала.

Других альбомов я не нашла, поэтому закончила обход в кухне, где наткнулась на кофейную чашку с надписью «Татьяна», которую Пьер видимо забыл убрать из кухонного шкафа. Я улыбнулась. Как по мне, то у мужчины вполне могла быть предыстория. После того как Карлос изменил мне, у меня был целый ряд любовников, и я уже не могла бросить эту привычку после развода. Однако Пьер ни в коем случае не был последним звеном в это цепи, он много значил для меня, и впервые за долгое время заставил меня снова почувствовать бабочек в животе. То, что прошлой ночью, он не воспользовался ситуацией и не переспал со мной, заставляло меня надеяться, что мужчина чувствовал ко мне тоже самое.

Я только что закончила делать себе небольшой завтрак, как зазвонил телефон.

Разумеется, я не стала брать трубку, мне показалось это слишком уж смелым поступком. Но потом я узнала голос Жаклин на автоответчике.

— Пьер, ты дома? Пожалуйста, сними трубку. Это срочно. Черт, твой сотовый тоже не отвечает. Моя аллергия... Я... больше не могу... говорить... это...

Я поспешно сняла трубку.

— Жаклин, это Лея.

Но Жаклин уже не отвечала.

Я увидела стоявшую перед домом машину, выбежала на улицу и застала Пьера, когда он выходил из дома Петерсонов.

— Беги вперед,— сказал он. — Я возьму все необходимое и тотчас же приду.

Пока он открывал багажник своего автомобиля, я побежала через Кальтенхузен к дому Майка и Жаклин, где начала неистово звонить в дверь. Мое предчувствие, что Жаклин не откроет, подтвердилось. Может быть, дверь на террасу была открыта... В то время, как я бежала на другую сторону дома, это снова произошло. Снова эта вспышка перед глазами, как всегда черно-белая, размытая, загадочная. Я увидела Сабину на том же самом месте, где стояла я. Она повернулась ко мне с просьбой, почти мольбой в глазах. Судя по всему, однажды я уже была на этой садовой дорожке, причем вместе с сестрой.

Я на мгновение остановилась, но тут же побежала дальше. К счастью дверь террасы была действительно открыта. Жаклин лежала обессиленная, но еще в сознании на полу гостиной, рядом с ней телефон.

Что делать? Она не разговаривала и вообще почти не реагировала. Я не знала, как оказывать первую помощь и боялась сделать что-то не так. По крайней мере, пульс еще прощупывался, хотя и очень слабо.

Я побежала к входной двери, чтобы открыть ее и увидела спешащего мне навстречу Пьера со своим докторским чемоданчиком и капельницей в руке. Он ворвался внутрь и сделал Жаклин укол адреналина, чтобы ослабить сильную аллергическую реакцию.

— Поищи что-нибудь большое, что бы мы могли подложить ей под ноги,— попросил он, и я принесла кожаную банкетку.

Пьер сделал капельницу и всучил мне бутылку, что заставило меня почувствовать себя полезной. Второй укол, с определенной комбинацией антиаллергенных веществ, завершил терапию. Пьер посмотрел на меня и успокаивающе улыбнулся. Я поняла, что все будет хорошо.

Через несколько минут Жаклин очнулась, а еще через четверть часа полностью пришла в себя. Мы помогли ей дойти до софы. Кризис миновал.

Пьер попросил меня остаться с ней, пока он не свяжется с другим врачом, который должен будет продолжить лечение, потому что у Пьера была другая срочная встреча. Конечно, я выполнила его просьбу. Какой серьезной была ситуация, я узнала только когда прощалась с ним у входной двери.

— Мы едва успели,— сказал он. — Но она справилась, теперь уже ничего не случится. Скажи ей, пожалуйста, чтобы она не притрагивалась ни к чему, что ела или пила до этого. А лучше всего, пускай она все выбросит.

Он дал мне еще два-три совета и к моему успокоению оставил несколько телефонных номеров.

— Мы отличная команда,— сказал он на ходу, и я даже немного почувствовала себя супругой врача.

Примерно полчаса спустя Жаклин уже была такой, как прежде. Ничего не напоминало о том, что некоторое время назад она чуть не умерла. Мы почти не разговаривали, пока она совершенно неожиданно не начала ругаться.

— Это точно был этот маленький монстр.

— Что, прости? Какой монстр?

— Джереми.

— Я... не понимаю. Что он сделал?

— Он виноват. Приступ аллергии, это его рук дело.

— Ну, перестань! — крикнула я через несколько секунд, которые понадобились мне, чтобы осознать все последствия этого утверждения. — Это же смешно.

— Ты так считаешь? — оскорбленно ответила она. — А как ты тогда объяснишь мне, что сегодня я вообще ничего не ела, выпила только чашку чая. Немного погодя я уже почувствовала первые симптомы. Мальчишка подмешал мне в чай орехи, хватило бы даже малейших следов. Ну, а как еще связать орехи и чай?

— Может это как-то связано с производством чая. Кроме того, Джереми даже не было дома.

— Вчера я не пила чай. Чувствовала себя не очень хорошо, — робко пояснила она.

Я вспомнила, что Жаклин полдня и весь вечер провела в постели. Таким образом, Джереми вполне мог сделать то, в чем его обвиняла мачеха, однако я по-прежнему списывала подозрения Жаклин на ее нынешнее состояние. Боже мой, речь шла о тринадцатилетнем ребенке!

Чтобы закончить эту странную дискуссию, я спросила:

— Почему у тебя дома нет специальной аптечки на экстренный случай? Я не эксперт в этих делах, но слышала, что такие аптечки существуют. Ведь аллергические приступы случаются у тебя не так уж редко. Насколько я знаю, в последний раз он был у тебя четыре месяца назад.

Жаклин несколько секунд смотрела на меня так, будто я только что прочитала ей лекцию по высшей математике. Затем она сказала:

— Да, ты права. Это было очень легкомысленно с моей стороны.

У меня возникло ощущение, что она была не совсем в себе.

Я вздохнула:

— Ну, хорошо, я посмотрю в банке для чая.

Я немного неохотно претворила свое намерение в жизнь и была очень удивлена, когда подозрения Жаклин оправдались, и я действительно обнаружила крошечные остатки орехов, которые можно было заметить, только если целенаправленно искать их. Так как чайница была наполовину пустой, вину производителя можно было исключить, иначе приступ у Жаклин случился бы и раньше.

Ясно было одно, только тот, кто был вхож в дом, мог специально подмешать частички орехов в чай. Это были Майк, Джереми или Маргрете.

— Я должна извиниться, — сказала я, когда Жаклин вошла в кухню. — Видимо у тебя есть враг, готовый на все. Невероятно. Я сейчас позвоню в полицию.

— Нет! — с трудом переводя дыхание, сказала Жаклин. — Не делай этого.

— Жаклин, прошу тебя. Кто бы это ни сделал, он должен...

— Нет! — еще раз сказала она. — Я хорошо подумала.

Жаклин молниеносно выхватила у меня банку из рук, высыпала содержимое в мойку и

открыла кран.

— Никому ни слова,— приказала она мне. — Я улажу это внутри семьи.

Хоть поначалу мне и опротивела мысль о том, что ребенок способен совершить такое преступление, то теперь мне казалось, что это была самая логичная версия, а именно по одной единственной причине: потому что все остальное означало бы, что у кого-то из моего ближайшего окружения были серьезные намерения совершить убийство. Эта мысль была для меня непредставима. У Джереми был мотив, он терпеть не мог свою мачеху, однако наверняка он не собирался убивать ее целенаправленно, а просто не рассчитал последствия своего поступка. Я уверена, ему захотелось так подшутить над ней. Таким образом, попытка Жаклин уладить эти вещи в семье была правильной. Тихий голосок внутри меня говорил мне, что я все приукрашаю, но быстро заставила его замолчать.

Я решила посвятить себя другим вещам. Выбирая между семейными делами Жаклин, руинами или выставкой, мне понадобилось ровно пять секунд, чтобы выбрать последний вариант. Подготовка в выставке было делом непростым и отнимающим каждый час свободного времени.

Глава 19

Я всегда считала, что на северном полушарии, в общем, и на Пёле в частности, нет лучшего месяца, чем сентябрь, чтобы запечатлеть природу. В сентябре бывают дни, наполненные теплотой лета, луга и деревья еще зеленые, а древние пруды блестят как расплавленное серебро на солнце. Урожай собран, и местность становится еще более равнинной, чем обычно. Сентябрь — это своего рода вакансия, когда все замирает. Последние хорошие дни. А немного погодя в лужах на дорогах уже отражаются разрозненные тучи, а море выглядит тяжелым как свинец. Бывает и такое, что на Пёле за один день можно пережить все времена года, от туманного и серого утра, наполненного таинственной зимней тишиной, голубого, средиземноморского неба днем, до янтарного захода солнца, навевающего сентиментальные мысли, вечером.

За те семнадцать дней, в которые я каталась на кабриолете по острову, в основном одна, а иногда с Пьером, сентябрь показал себя со своей самой лучшей стороны. И лишь прохладные порывы ветра напоминали мне о том, что с севера неумолимо приближалась осень.

Я просмотрела в интернете бесчисленное количество фотографий любителей Пёля, которые произвели на меня приятное впечатление: порт во время захода солнца, маяк, пляжи, усеянные тростником берега и тому подобное. Неизбежно возник вопрос, какие фотографии покажут Пёль с новой стороны, как местным жителям, так и туристам, и при этом передадут характер острова. Просто повторять то, что уже тысячу раз было сфотографировано, не соответствовало моим требованиям к самой себе. С другой стороны было бессмысленно делать выставку фотографий не относящихся к Пёлю. Прежде всего, я решила делать исключительно черно-белые снимки, в конце концов, речь шла не о брошюре для туристов и не о календаре. В связи с отсутствием красок, внимание человека, рассматривающего фотографии будет направлено на важные, отличительные черты Пёля: просторы, тишину, простоту и ясность, прямые линии горизонта, дороги и аллеи. Такова была моя задумка.

Если меня сопровождал Пьер, он никогда не вмешивался в мою работу. Я могла целый час бродить вокруг, а он терпеливо сидел в машине и ждал меня, читал книги или на ноутбуке писал письма своим двоим подопечным. Я чувствовала себя хорошо и свободно, вопреки моим изначальным опасениям, он ни в коей мере не мешал моей работе. Напротив, возвращаясь с удачными снимками, я была рада поделиться с Пьером своим счастьем, чего никогда не делала с Карлосом. С каждым часом, проведенным вместе с Пьером, у меня было чувство, что я все больше влюблялась в него.

Несмотря на то, что я была сосредоточена на работе, у нас бывали и интимные моменты, например, когда мы вместе обедали в красивом ресторане с видом на море или закатав штаны полчаса бродили по берегу. Если поначалу наши поцелуи были робкими, что наверное было связано с нашим общим детством, то теперь они становились все более частыми и страстными, однако последний шаг мы по-прежнему отодвигали.

Это были беззаботные, насыщенные недели, в которые кроме Пьера я почти не встречала знакомых лиц. Каждые два, три дня я разговаривала по телефону с Майком, чтобы проинформировать его о том, как продвигается работа, однако избегала навещать его дома. И несколько раз видела издали Маргрете, но не старалась, чтобы она заметила меня.

В такие моменты я осознавала, что держала дистанцию с друзьями из прошлого, но не могла объяснить себе, почему я это делала. Может потому что целиком сосредоточилась на Пьере. Наша старая компания никогда не была для нас темой для разговора. Лишь однажды я заговорила о человеке из Кальтенхузена, а именно когда спросила Пьера, упоминала ли Эдит еще раз о своем предупреждении для меня. Она опять уже ничего не знает, ответил он, и на этом тема была для меня закрыта.

Однако в один пятничный вечер произошло кое-что, что в одно мгновение разрушило мое хорошее настроение тех дней.

К тому времени я уже сделала около четырехсот профессиональных, правильно поставленных фотографий, из которых, учитывая мой перфекционизм, я применю в лучшем случае процентов двадцать. Я по-прежнему гоняла на кабриолете под голубым небом острова, висящим над ним как купол.

Незадолго до захода солнца мы с Пьером заехали на заправку. К моему удивлению на ней до сих пор работала Фрида Шойненвирт, бывшая когда-то подругой моих родителей, а также Моргенротов и Эдит Петерсен. Пока мы заходили в старомодный магазинчик на заправке, Пьер рассказывал мне, что Фрида единственная, кроме пастора, кто регулярно посещает Эдит. Когда Пьер представил меня, она первым делом придвинула мне стеклянную банку с карамельками, точно как тридцать лет назад. Мне показалось это очень милым. В отличие от Эдит, Фрида, которая была не намного моложе, выглядела довольно бодро. Счастливое обстоятельство, ведь ее четверо детей уже давно расселились по всей Германии. Ее вынесут отсюда только ногами вперед, сказала она мне, потому что добровольно она никогда не уйдет с заправки. Десятиминутная, забавная встреча с Фридой вызвала во мне воспоминания о старых добрых днях. Когда я уже сидела в машине рядом с Пьером, он сунул мне под нос упаковку сладостей.

— Это тебе. Ты недавно говорила, что не помнишь, нравится ли тебе лакрица. Через минуту ты узнаешь.

Именно такие маленькие знаки внимания со стороны Пьера, заставляли меня сходить по нему с ума. Он не забывал ничего, что я рассказывала. Глядя на его освещенное заходящим солнцем лицо, я вдруг подумала: «Это, Лея, и есть твое будущее»,

— Ну, давай, попробуй уже,— подгонял он меня.

Я выловила из яркой пачки черно-розовый кубик, засунула его в рот и — выплюнула из машины. Лакрица приземлилась прямо под ноги другого клиента, после чего он вполне справедливо недоуменно взглянул в нашу сторону.

Мне было ужасно неловко. Пьер напротив разразился громким смехом, таким заразительным, что я тоже не сдержалась. В отличном настроении мы поехали к выезду с заправки. И тут это произошло. Пока Пьер ждал возможности влиться в общий поток машин, а я все еще смеялась, на заправку повернул другой автомобиль и проехал прямо мимо меня. На пассажирском сиденье сидел — Юлиан, в чьи голубые глаза я даже успела посмотреть.

Пьер хотел дать газу, но я крикнула:

— Стой! Остановись!

— Почему? Ты что-то забыла?

Ничего ему не ответив, я выпрыгнула из кабриолета и побежала вслед за другой машиной, которая остановилась возле одной из бензоколонок. Со стороны водителя вышла молодая девушка, а на пассажирском сиденье было опущено окно. Я была до такой степени вне себя, что встала прямо перед машиной и уставилась во внутрь салона.

Мужчина на пассажирском сиденье был голубоглазым блондином, но совсем не похожим на Юлиана. Кроме того, парень был слишком молодым, ведь Юлиан так же, как и я, стал старше. Хотя я и рассыпалась в извинениях, они все равно смотрели мне вслед как на сумасшедшую, какой я себя и ощущала.

Пьер не стал задавать вопросов, но было видно, что он обо всем догадался.

— Обозналась? Такое со всеми бывает,— сказал он.

Тем не менее, вечер, а с ним и хорошее настроение были испорчены.

На следующий день я встретила Жаклин за завтраком на их террасе. Она очень сожалела, что я до сих пор уделяла ей так мало времени.

— Моя единственная подруга с июня находится на Зюльте, без нее здесь так скучно,— призналась Жаклин. — Майк очень много работает. В основном, с восьми утра до восьми вечера я одна, столько общеобразовательных курсов нет, чтобы заполнить мои дни. Вчера я со скуки испекла торт.

Это не было похоже на занятие, отнимающее много времени, но когда Жаклин минуту спустя выкатила сервировочный столик на колесах, я поняла. Трехэтажное сооружение было достойно свадьбы принца.

— Может, теперь ты поймешь степень моего отчаяния,— сказала она, улыбнувшись своей мрачной шутке. Снова сев, Жаклин сказала: — Я не важно себя чувствую, Лея. Иногда мне нужны... довольно сильные таблетки. Без них мне уже не обойтись.

Я не знала, что сказать на тему зависимости, кроме стандартных фраз, которые говорятся в подобных ситуациях: это тупик, ты должна освободиться от нее, пройди лечение...

Жаклин, кажется, почувствовала мою беспомощность.

— Но теперь ты здесь. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Так как Жаклин только что сделала интимное признание, я охотно была готова сделать то же самое, в конце концов, мы более открыты с теми, кто сам открыл нам свои тайны.

— Недавно, ночью я видела Юлиана в саду Пьера. Было ветрено, я проснулась, потому что мне показалось, что я услышала его голос. Когда я подошла к окну, он стоял там.

Жаклин смотрела на меня большими глазами.

— Что ты имеешь в виду «он стоял там»?

— Наверное, на самом деле, он там не стоял, но на секунду я увидела его. Так же, как тебя сейчас. Хотя это и маловероятно, но считаешь ли ты возможным, что Юлиан вернулся?

— На секунду? Ветреной ночью? Немного театрально, ты не находишь? Мы тут не разыгрываем пельскую версию «Призрака оперы», Лея.

Я согласилась с ней. Вероятность того, что Юлиан вернулся через двадцать три года именно сейчас, да еще тайком, была равна нулю.

— Я собираюсь связаться с моим психологом,— сказала я.

— Отличная идея. Ты попала в тяжелую аварию. Кто знает, что там у тебя перемешалось в голове. Когда я ночью нахожусь одна дома, я везде слышу треск и хруст, мне кажется и у тебя в мозгу происходит нечто подобное. Потрескивает то тут, то там.

Я улыбнулась. Тем самым Жаклин подобрала самое любезное, какое только возможно, обозначение для «ты бредишь».

Вопрос был только в том, почему мне стал являться именно Юлиан.

И еще эти вспышки в памяти. В отличие от ситуаций, в которых я думала, что вижу Юлиана, эти яркие и резкие «фотографии» представляли перед моим мысленным взором. Я

без проблем распознавала, что они не имели отношения к реальности, в то время как голос и лицо Юлиана вводили меня в заблуждение в реальности. Мои чувства и ощущения действительно думали, что видят и слышат его. А «фотографии» напротив оставались неподвижными, словно замороженные.

В памяти снова всплыла черно-белая, неподвижная картинка, которую я увидела, когда впервые посетила этот дом: отчаявшаяся, плачущая Жаклин.

— Скажи, Жаклин, когда я в мае была на Пёле, я... Случилось ли нечто такое, что заставило тебя заплакать, а я утешала тебя или что-то в этом роде? Пьер рассказал мне о твоём приступе аллергии. Может быть, это был именно тот момент, который, как мне кажется, я вспомнила?

На мгновение она посмотрела на меня как человек, которому я наступила на ногу, но в ту же секунду это ощущение исчезло.

Жаклин утешающе взяла меня за руку.

— Я, правда, думаю, что ты срочно должна поговорить со своим врачом. Я где-то читала, что паранойя именно так и начинается.

— Оставьте сообщение после гудка, — прозвучал голос Ины Бартольди на автоответчике.

Я оставила сообщение с просьбой перезвонить мне. Больничная психолог предусмотрительно дала мне свой номер телефона, «на случай, если вдруг что случится», как она выразилась. Как мне казалось, этот случай наступил.

Четыре месяца назад

Снаружи дом старого Бальтуса выглядел невзрачным: массивное здание, маленькие окна, не совсем новые ворота, и прямо-таки страшная хозяйственная постройка. Но стоило войти через ворота во двор, как это сделала Сабина, то простое каменное строение превращалось в своего рода имение. Пол был вымощен базальтом, в наполненных землей бочках росли ирисы, нарциссы и маргаритки, а только что вернувшиеся с юга ласточки вили гнезда во всевозможных нишах. В старой лошадиной поилке непрерывно плескался ручеек. Родители воинственно настроенного соседа когда-то были фермерами/крестьянами, и он сам остался фермером, хотя уже давно не возделывал пахотные земли. Бронзовая вывеска с серпом и молотом на одной из стен указывала на то, что и в другом отношении он тоже остался во власти прошлого.

Несмотря на социалистическую символику, двор излучал нечто уютное, мирное, почти что райское, если бы не ужасный рев циркулярной пилы.

Воздух в хозяйственной постройке был таким тяжелым от древесной пыли, что перехватывало дыхание и чесалась кожа. Невзирая на это, старик Бальтус выпиливал из досок длинные колы, из которых он вне всяких сомнений собирался построить забор вокруг «своего» участка земли, где располагались руины, и против чего, конечно же, будет выступать Харри. Сабина представила, как они в ближайшее время будут действовать как два Сизифа. Один мастерил днем то, что другой разрушал ночью, так что в итоге они бы никогда не закончили свою работу. Это был забавный, но возможно дееспособный симбиоз, в котором у обоих было занятие и смысл жизни.

Наряду с Эдит, Бальтус был единственным представителем старшего поколения в деревне. Родители Майка жили в доме для престарелых на Узедоме, Пьера на своего рода даче на Гран Канарии. В то время как за Эдит ухаживала дочь, о Руперте Бальтусе позаботиться было некому. Не мудрено, ведь по сравнению с его колкостью, ежики были просто мягкими игрушками. Она всегда был закоренелым брюзгой, который скорее проглотил бы раскаленный кусок угля, чем сказал кому-нибудь доброе слово.

Чтобы старик не испугался и случайно не отпилит себе палец, Сабина тихо подошла и подождала, пока он отключит пилу.

— Господин Бальтус? Я звонила в дверь, но Вы, наверное, не слышали.

Он повернулся, глаза без блеска, как мрачные тучи, а под ними мясистые круги.

— Ваше предположение неверно, дама. Так как Вы звонили мне, я исходил из того, что Вы хотели попасть ко мне, а так как Вы хотели попасть ко мне, то Вы знаете, почему я не открыл.

Сабина улыбнулась, невзирая на его ехидство.

— Я зашла через ворота во дворе, они были приоткрыты.

— А если дверь Вашей машины стоит открытой, я имею право сесть за руль и уехать? Ввиду Вашей профессии Вы должны лучше знать.

Значит, он навел справки о Сабине или видел в машине ее полицейский значок. Как бы то ни было, она явно не была ему безразлична.

— У меня давно не было гостей,— добавил он, — и так и должно оставаться. А теперь

уходите, я занят.

Сабина предложила подсобить ему. Она немного умела столярничать и даже проходила практику, в те времена, когда женщины выбирали эту профессию так же часто, как мужчины профессию секретаря. Именно это ее и привлекало. Но, в конце концов, перспектива нескудной работы в полиции привлекла ее больше.

— Так я и думал,— ответил Бальтус. — Вы, сотрудники уголовного розыска, как будто вышли из вечерних сериалов по ЦДФ¹⁴. Вы за дурака меня принимаете? Я прекрасно знаю, зачем Вы здесь. Так что прекращайте подлизываться. Я не хочу иметь с Вами никаких дел, ни с Вами, ни с кем либо еще, понятно? Вы принадлежите к этому дерьмовому миру снаружи, ему нечего делать в этих стенах.

От Харри я узнала, что Бальтус жил в своем небольшом имении совершенно изолированно ото всех. Продукты ему доставляли на дом, а если он и выходил из дома, то только для того, чтобы наставить вокруг руин таблички и заборы, да и этим он начал заниматься лишь с недавних пор. Как и многие другие параноики, он создал себе мир, в который никого не впускал, причем его дом был видимой частью этого мира, а все остальное существовало в его голове. То, что он был одинок, никоим образом ему не мешало, наоборот, для него это было логично. Так как Бальтус ни с кем не сталкивался и не выяснял отношения, ему не было необходимости делать это и с самим собой. Так же как некоторые люди пылко верили в бога, Бальтус верил в социалистическое будущее, пока однажды не пришли плохие люди и не отменили бога.

С тех пор как Сабина начала работать в полиции нравов, напротив нее почти каждый день сидели люди с трудной судьбой. Трагедии, ложь, подлости, лопнувшие как мыльный пузырь мечты, были ей не чужды. Все это позволяло тренировать седьмое чувство — знания о человеке. У Бальтуса презрение к миру за все эти годы поразило не только сердце, но и отразилось на лице.

— Давайте начистоту, господин Бальтус. Дело же не в строительстве загородных домов. Не обижайтесь, но разве вам не за восемьдесят? Кто в этом возрасте становится застройщиком?

Предположение Сабины не было чисто интуитивным. Она четко помнила давние ссоры между Рупертом Бальтусом и Эдит Петерсен, он шеф СХПК¹⁵, она строптивый член кооператива. Сама доброта, любящая детей и всегда приветливая Эдит превращалась вблизи этого мужчины в сварливую бабу. Нередко они оба, не стесняясь в выражениях, ссорились прямо посреди улицы. Это из-за настойчивости Эдит Бальтуса весной девяностого года сняли с должности руководителя кооператива. Возможно, что именно таким образом, через сына, он хотел отомстить своему давнему противнику. Без сомнения Харри страдал бы больше всех, если бы руины снесли, а если страдал Харри, то страдала и Эдит.

Как выяснилось, Сабина была отчасти права, потому что эмоции действительно играли здесь большую роль, но все же причина скрывалась в другом.

— Послушайте, я сравняю руины с землей, даже если это будет последний поступок в моей жизни. В этом злосчастном месте я потерял свою дочь, все, что у меня было. Там она стала амбициозной, наркозависимой шлюхой. Для меня она умерла, причем уже двадцать три года назад, когда отвернулась от меня, чтобы жить в этом проклятом Голливуде.

— Насколько мне известно, она вернулась и живет совсем рядом. Не у многих отцов дочь живет по соседству.

— Майк два раза забрал ее у меня, сначала в девяностом году, а потом, когда она

вернулась. Вот что я Вам скажу, дама. Эта Жаклин Такая-то, живущая рядом, интересуется меня примерно также как индийская космическая программа.

Внутри простой концепции мыслей Бальтуса это умозаключение даже имело смысл. На всех друзей из этой компании наложило свой отпечаток проведенное вместе детство. Это выразалось в том, что они подталкивали друг друга делать вещи, на которые при других обстоятельствах не решились бы, не важно какие, будь то балансирование на высоких стенах или уверенная и решительная манера держать себя перед не членами группы, как это делала Лея по отношению к старшей сестре. Крепкая связь между ними сделала их всех сильнее, отважнее и любознательнее, в том, что касалось всяческих экспериментов, в том числе и Жаклин. Таким образом, Бальтус даже был прав.

Но за пределами простой концепции мыслей Бальтуса его утверждения были сущим вздором. Жаклин просто пошла своей дорогой. Она попробовала и потерпела неудачу. Когда тоска заставляет тебя отправиться к морю, и через несколько лет ты тонешь во время шторма, такие люди как Бальтус после этого скажут о тебе: «Если бы он только остался на суше». Но разве может быть берег достойным местом для жизни для человека, которого тянет в море? Не погибнет ли он и там, только медленнее, тише и мучительнее?

Сабина ничего не знала о предполагаемой наркозависимости Жаклин или о том, что, как выразился ее отец, она «стала шлюхой». Она поехала в Калифорнию, прислушавшись к своему внутреннему голосу, а не к нашептываниям друзей. Тем самым она заслужила уважение и поддержку отца, а не его злорадство.

— Говорите сколько хотите,— продолжил бушевать Бальтус. — Участок принадлежит мне, и я могу делать с ним, все что захочу.

Он уже повернулся к пиле, но вспомнил что-то, что обязательно должен был сказать.

— Кстати, Вы сами виноваты. Вы же тогда праздновали воссоединение, не так ли? Вот то и получили. Раньше не было никаких споров по поводу собственности, по одной простой причине, потому что собственности не было.

— Для человека, не интересующегося собственностью, Вы довольно падкий на нее,— ответила Сабина.

— В мире без денег и собственности, я бы прекрасно прожил без всего этого. Деньги — это не кислород. Ни один человек не нуждался бы в них, если бы и у всех остальных их тоже не было. Но они есть у всех. Я просто следую логике мира, навязанной мне другими.

Сабина чуть не посоветовала ему переехать в Северную Корею, но сделав это, она навредила бы самой себе, потому что пришла сюда по совсем другой причине и рассчитывала получить у Бальтуса необходимые сведения. Что касалось участка, то говорить было не о чем. Старик не уступит и не успокоится, пока не будет снесен последний камень руин, хотя в конечном итоге он ничего не выиграет от этого. В своей жизни Бальтус любил только двоих — свою дочь и свое государство. И того и другого он лишился, одного благодаря, по его мнению, друзьям Жаклин, другого из-за критиков государства и псевдореволюционеров таких как Эдит Петерсон. Именно им предназначалась его месть.

Горькая ирония судьбы заключалась в том, что Эдит Петерсон и ее детям в объединенной Германии материально жилось хуже, чем в том государстве, против которого они восставали, а Бальтус, наоборот, мог себе позволить строить загородные дома. Он так хорошо освоился и привык к капитализму, как злостный рецидивист к своей камере.

— Я здесь не только из-за участка,— резко сменила тему Сабина.

— Из-за чего еще? — спросил он, намереваясь снова включить пилу.

— Из-за исчезновения Юлиана Моргенрота.

В ту же секунду старик бросил свои доски.

— Ты смотри, много же Вам понадобилось времени. Я уже тогда, давая показания, говорил этому безмозглому деревенскому полицейскому, что здесь что-то нечисто, и теперь двадцать три года спустя за это дело, наконец, взялись. Вам не кажется, что Ваша система немного медленно работает?

Сабина научилась терпеть сарказм, ведь иначе совместное проживание в доме Малеров было бы невозможным. Циничные подколы Леи поначалу причиняли ей боль, но со временем Сабина стала «толстокожей», что помогло ей в полицейской работе. Она никогда не теряла самообладание, в отличие от многих коллег, которые временами с трудом переносили зло, творящееся в мире.

— Уголовное дело, к сожалению, было утеряно,— солгала она, чтобы дать Бальтусу повод быть поразговорчивее.

— Это сразу было понятно, — с издевкой сказал он. — Халатность. Такого раньше никогда не было. А сегодня... Никакой дисциплины. Самое важное в государстве это документы.

То, что он был убежден в этом, Сабина верила ему на слово.

— Возвращаясь к Юлиану Моргенроту...

— В тот день я видел, как он шел к руинам, причем дважды, после обеда и вечером. Я шел с Гагариным.

— Гагарин?

— Моя овчарка. В пятнадцать пятнадцать парень шел с гитарой за спиной через поля в сторону руин. Гагарин подбежал к нему и обнюхал, парень поприветствовал и немного поиграл с ним, пока я не подозвал собаку к себе. Немного погодя я услышал, как из руин доносились громкие голоса, как будто кто-то ссорился, а несколько минут спустя мальчишка прибежал назад. Гагарин опять побежал к нему, но на этот раз парень был погружен в свои мысли. У него часто случались такие сдвиги, стоит хотя бы вспомнить те странные песни, которые он писал. Но в тот день он выглядел каким-то... несчастным.

Сабина кивнула, чтобы он продолжал рассказ.

— Около восьми вечера я случайно подошел к окну и увидел, как парень вышел из своего дома и с поникшей головой побрел мимо моего окна в сторону руин. Он был таким же обессиленным, как и я, но наверняка по другой причине. А вот назад он не вернулся, по крайней мере, до наступления темноты. Руку готов отдать на отсечение.

Это был на удивление точный и подробный рассказ, если учесть, что все произошло почти четверть века назад.

Видимо Бальтус заметил удивление и скепсис в лице Сабины и по собственной инициативе добавил:

— Я все так хорошо помню, потому что в тот день был подписан государственный договор, придавший законную силу распаду ГДР. Это был последний день августа, никогда не забуду об этом.

Сабина представила себе, как в тот вечер в конце лета рухнул мир Руперта Бальтуса, как он гневно и одновременно меланхолично смотрел из окна на страну, которая только что была его и в следующее мгновение стала чужой. Как он ругал Гельмута Коля, Михаила Горбачева и большинство своих сограждан. Как он увядал, так быстро, что это было даже заметно для глаз. Он часами сидел у окна и мрачно смотрел на землю, погруженную в

сумерки, на деревню, где тон теперь задавали другие, молодые люди с их большими желаниями на будущее.

И вдруг Бальтус видит как один из тех, чьи мечты только что победили его мечты, идет мимо его окна и выглядит явно грустным. Неудивительно, что такая сцена в такой специальный день осталась в его памяти. Сабина тоже до сих пор помнила что делала в тот вечер, когда в новостях передали сообщение о подписании государственного договора. Она громко слушала музыку в своей комнате. Пластинки Нины Хаген, одну за другой. При этом она решила отправиться на запад и стать полицейским.

— Вы видели еще кого-нибудь? — спросила она.

— Из окна моей гостиной видно только дом Моргенротов. Когда стемнело, я закрыл ставни. Позже я услышал голоса. Госпожа Моргенрот разговаривала с кем-то, по моему с девчонкой Петерсенов.

— С Маргрете?

— Да, но я не уверен. Входная дверь несколько раз открывалась и закрывалась, она ужасно скрипела, что всегда раздражало меня, но в тот вечер меня больше ничего не раздражало. Я открыл бутылку водки, поэтому-то эти дураки полицейские на следующий день не восприняли меня всерьез, когда я рассказал им о ссоре в руинах и что молодой Моргенрот вел себя после этого как-то странно. Они учуяли запах перегара и мои показания стали им не интересны. Кроме того...

Бальтус помедлил, поджал губы и замолчал.

Но Сабина и без того знала, что последовало бы дальше. Начиная с тридцать первого августа, старик окончательно стал «вчерашним», списанным со счетов неудачником, а такие люди как Мирослав Амманн ориентировались исключительно на то, что было впереди. С девяностого года все стали посмеиваться над Бальтусом. Амманн и его коллеги просто были первыми.

— Есть ли еще что-то, что вы заметили тогда?

Бальтус несколько секунд смотрел на Сабину. Когда он ответил, в его голосе уже не было свойственных ему негативных ноток. Видимо он привык к тому, что люди либо неохотно слушали его, либо не слушали совсем. И уже совсем редко что-то переспрашивали. Интересно, когда он в последний раз вел нормальную беседу?

— Только то, что Майк днем часами катался по Кальтенхузену на своем новом мотоцикле и делал круг с каждым из своих друзей.

— С Юлианом тоже?

Он кивнул.

— Да, даже с моей Жаклин. Только Леи не было, Вашей сестры. Ее не было видно несколько месяцев.

Сабина неохотно вспоминала ту фазу своей жизни, длившуюся несколько месяцев, не потому что тогда умерли родители, а из-за чувств, возникших в результате этого, чувств, которых она стыдилась до сегодняшнего дня. В ее глубокую печаль из-за смерти людей, которые были для нее ближе всех, закралось маленькое, злобное чувство, а именно злорадство по поводу того, что катастрофа затронула Лею куда сильнее, чем Сабину. Конечно, они обе потеряли отца и мать, но Лея потеряла еще к тому своих самых больших сторонников, ярых поклонников и взаимную связь.

Впервые в жизни Лее было действительно плохо, она плакала слезами, идущими казалось прямо из сердца. Сабина плакала так будучи ребенком, тайком от всех, когда

чувствовала себя ущемленной и отодвинутой на второй план. Однажды она запретила себе так плакать.

Таким образом, трагическая смерть родителей обернулась победой для Сабины. Лея была слабой, беспомощной и легко ранимой, тогда как Сабина взяла правление в свои руки и регулировала все, что нужно было регулировать. По началу, она не заметила, что в ее активности присутствовала и гордость от того, что она так хорошо справлялась с делами. И только несколько месяцев спустя, Сабина созналась себе в том, что даже немного наслаждалась этим временем.

— Во время нашей последней встречи вы упоминали наркотики,— сказала Сабина. — Кого вы имели в виду? Только Жаклин?

— Про свою дочь я знаю точно. Однажды я поймал ее за этим делом и избил до полусмерти. Но не помогло. Вскоре она уехала.

— Вы имеете представление о том, откуда у нее были наркотики?

— А как Вы думаете, чем Майк Никель оплатил мотоцикл? — Бальтус буквально выплюнул этот вопрос. — Я выбил это признание из Жаклин. Но как уже было сказано, вскоре после этого она уехала, и у меня до сегодняшнего дня нет доказательств.

— Я думала, Майк тогда продавал страховки и на этом заработал свои первые деньги.

— Это было позже. Мой богатый зять начал свою карьеру как торговец наркотиками. Я предполагаю, что это существо, которое зовется моей дочерью, шантажировала его этим после возвращения из Америки. Ведь у нее не было ни денег, ни толкового образования, а работать она не стремилась. Сначала она хотела попросить займы у меня, но не тут то было. Мои условия ей не подошли, и она придумала кое-что другое.

Сабина примерно представляла, что это были за условия. Из гламурного Голливуда прямо в социалистический анклав на краю света или, проще говоря, полное самоотречение. С таким же успехом она бы могла вступить в секту. Ее мнение о Жаклин было менее жестким, чем можно было предположить от бывшего наркополицейского. Сабина считала, что в молодости вполне нормально быть рискованным, наивным, беспечным, да даже глупым. Молодым людям она прощала то, за что осуждала старших, но считала ужасными молодых всезнаек и святош.

Кроме того в те времена молодые люди хотели испробовать как можно больше, в конце концов падение стены открыло перед ними тысячи шансов и новые возможности, начиная от быстрых автомобилей, рискованных оснований предприятий и заканчивая дайвингом или эмиграцией. Иногда попытки заканчивались проблематично, иногда трагически. Жаклин попробовала наркотики и наверняка не прекращала принимать их и в Голливуде. Там даже считалось хорошим тоном, что-нибудь принимать.

К Майку Сабина относилась менее благосклонно. Если обвинения старика были правдивы, то Майк был дилером, соблазнителем, который загонял других в эту зависимость.

Так как Бальтус помог ей, Сабина попрощалась с ним вежливо.

— Спасибо за Ваши сведения,— сказала она и уже хотела развернуться, как вдруг он сделал шаг в ее сторону.

— Наверное, не стоит это говорить, но Вы всегда нравились мне больше чем Ваша сестра. Лея в молодости была какой-то... неправильной, а я этого терпеть не могу. Хотя Вы и бывали довольно часто наглой, но, по крайней мере, были честной, были самой собой. Я ценю таких людей.

Сабину поневоле тронули слова этого твердолобого упряма, который по его же словам

избил до полусмерти собственную дочь. Никто, знавший обеих сестер, никогда не отдавал предпочтение старшей, неловкой и угловатой.

Пока Сабина думала, как отреагировать, он добавил:

— Простите, что я вчера ранил Вас.

— Вы же не специально.

— Тем не менее.

— Извинения принимаются.

Бальтус протянул ей шершавую, нагруженную руку, и на минуту показалось, что между ними возможно взаимопонимание, в том числе и в том, что касалось ссоры из-за участка. Может быть, мотив старика снести руины был куда проще, чем все думали. Может этим действием он хотел в последний раз эффектно подать себя? Чтобы людям в деревне, которые десятилетиями насмехались над ним, стало не до смеха?

Сентябрь 2013

За день до открытия выставки я, наконец, получила долгожданный звонок от Ины Бартольди. Я как раз сидела в машине по дороге в Кирхдорф, где в доме общины собиралась развесить свои фотографии в определенной последовательности. Я остановилась на обочине неподалеку от Кальтенхузена, вышла из машины и в общих чертах рассказала психологу о последних событиях. Остров еще был окутан туманом, но кое-где уже пробивалось солнце. Будет еще один хороший день.

— Я знала, что такое может случиться, — завершила я свой рассказ. — Вы сказали мне, что то, что я пережила в мае на Пёле, не исчезло окончательно, а просто спряталось, но в любой момент может вырваться наружу. Что касается этих вспышек в памяти, которые то и дело возникают у меня перед глазами — это я тоже могу понять, хоть и не всегда догадываюсь, что они хотят мне сказать. Например, плачущая Жаклин? Что это означает? Ну ладно, ради бога, оставим все как есть. А вот Юлиан... Когда я слышала или видела его, это было так реалистично...

— Давайте рассмотрим это более подробно, — сказала Ина Бартольди. Уже одно то, что я слышала ее голос, благотворно влияло на меня.

На протяжении нескольких месяцев она поддерживала меня, выслушивала, конструктивно, но все же сочувствующе объясняла мне, что со мной произошло и что еще произойдет. То, что она стала для меня своего рода сестрой и одновременно подругой, я поняла, только когда снова поговорила с ней после долгого перерыва. Я готова была сорваться и поехать к ней.

— Что касается Юлиана, то тут есть два возможных объяснения, — сказала она. — С одной стороны эти места и события напрямую связаны с вашим бывшим парнем. Вы сказали, что часто встречались с ним в развалинах монастыря, где Вы несколько дней назад якобы слышали его голос.

— Это правда. Но, насколько мне известно, я никогда не видела Юлиана стоящим в саду у Пьера, и на заправке он тоже со мной никогда не был.

— Лея, Вы должны понять, что Ваше подсознание не посылает Вам фотокопии пережитого, если производит настоящие, живые картинки. Скорее всего, это абстрагированные от настоящих событий изображения. Можно сказать, Вы в какой-то степени находитесь в романе Кафки.

Я улыбнулась. Мне всегда нравились ее образные сравнения.

— Кафка на Пёле, этого еще не хватало, — сказала я. — Я бы предпочла Фонтане. У него всегда все такое предсказуемое.

— К сожалению, литературу выбирает Ваш мозг, Лея. Может быть, той ночью Вы видели Юлиана во сне, и когда Ваши все еще чувствительные ощущения отреагировали на это, Вам показалось, что Вы видели его в саду. Касаемо сцены на заправке, Вы сказали, что владелица заправки была подругой Ваших родителей. Есть ли какое-то событие, которое описывает особенно сильную связь между Вашими родителями и Юлианом?

Мне не пришлось долго раздумывать. Мой взгляд скользнул через туманную пустошь к расплывчатым очертаниям кладбища, на котором все и произошло.

— На похоронах родителей я встретила Юлиана в последний раз, и довольно ужасно повела себя с ним.

— Предполагаю, что и владелица заправки тоже была там.

— Да.

— Это могло бы быть возможным объяснением. Может, Вы сожалеете о Вашем тогдашнем поведении, но лишились возможности извиниться. А Ваш все еще немного лабильный мозг компенсирует это несоответствие, когда проецирует Юлиана.

— Ну и дела! — вздохнула я, словно была разочарована достижениями своего мозга, что было не совсем уж неправдой.

Я всегда держала себя в руках, не любила давать слабинку и никогда не запускала себя. Если раньше я болела и вынуждена была оставаться дома, то все равно надевала нормальную одежду, чтобы не ходить как оборванка в старом, но уютном спортивном костюме. Я также заставляла себя идти на работу, даже в том случае, если моему телу хотелось отдохнуть. В общем, я всегда могла положиться на свой рассудок.

Но я уже не была той женщиной, которой была раньше, независимо от моего лабильного душевного состояния. Не только мой голос, но и все мое существо стало мягче. Я стала ранимой, не имела планов и нуждалась в поддержке и опоре, стала намного мягче, чем раньше. Возможно, покажется странным так говорить о себе, но в общем и целом сегодня я нравлюсь себе куда больше, чем раньше. Нужно было только привыкнуть к новой Лее.

— И я ничего не могу сделать, чтобы задержать или ускорить процесс? — спросила я.

— Возвращение в Аргентину или долгое путешествие могли бы остановить его. Вдалеке от родины Вы будете реже вспоминать молодость, места и прежних друзей. По другому обстоят дела с «фотографиями», о которых Вы говорили. Я не думаю, что они абстрактные, скорее это отражение событий, произошедших в мае, во время Вашего посещения Пёля. Обычно потерянные воспоминания возвращаются в виде эпизодов, коротких фильмов. Будучи фотографом, Вы выражаете Ваш креатив и индивидуальность в значительной степени при помощи снимков. Возможно, еще какое-то время Вы будете видеть такие картинки. Однако это не гарантия того, что Ваши воспоминания полностью вернуться, Лея. Этот процесс невозможно предвидеть. Воспоминание может вернуться завтра, а может и никогда. Или по частям на протяжении многих лет.

То, о чем рассказывала психолог, не столько давало ответы, сколько вызывало новые вопросы. Какие воспоминания были важны, а какие не имели значения? Был ли это пазл или фантастические плоды моего воображения?

Я больше не могла доверять самой себе. Это стало для меня потрясением, которое трудно было понять и еще труднее пережить.

Но... могла ли я доверять другим? Несколько дней назад я уже задавалась этим вопросом, но сразу же отодвинула его. И вот теперь он появился вновь. Тайнственное предостережение Эдит и неприязнь Харри по отношению ко мне были лишь мелкими событиями, которые либо ничего не значили совсем, либо были частичками чего-то большого. Если действительно было что-то большое, то даже такие любезности, как запланированная Майком фотовыставка, представляли в другом свете. Они пытались удержать меня на Пёле? Если да, то почему? Все должно было стать еще загадочнее и запутаннее.

— Возвращаясь к Юлиану,— сказала Ина Бартольди. — Как я уже сказала в начале нашего разговора, есть два объяснения тому, о чем Вы думаете, что видели его. Об одной

возможности мы уже говорили, а другая заключается в том, что Юлиан играл главную роль во время Вашего майского визита на Пёль.

— Главную роль? Что Вы имеете в виду?

— Он мог быть центральной темой. Может быть, Вы узнали о нем что-то важное. Возможно, он даже был поводом для Вашей поездки на остров.

Я немного подумала.

— Нет, не может быть,— ответила я немного рассеянно. — Я приехала на остров, чтобы вместе с сестрой уладить дела по поводу участка земли.

— Ах, вот как? Вы точно это знаете, или Вам так сказали?

— Все когда-то забытое вызывает о помощи во сне,— утверждал писатель Элиас Канетти.

К сожалению, натура забывчивости такова, что никогда не знаешь, что забыл, из-за чего крики о помощи в подсознании раздаются, словно на иностранном языке. Ты подспудно понимаешь, что что-то не так, но не можешь это выразить. Я частенько хотела все бросить и сесть в ближайший самолет, летящий в Аргентину. Отменить выставку на Пёле было бы проще простого, как никак, я уже отменяла одну в Лондоне!

Я осталась по трем причинам, можно даже сказать из-за трех имен.

Пьер: прошел тот момент, когда я могла просто уйти от него. Мы были влюблены, и я была полна решимости на этот раз не бросать все, как в случае с Юлианом.

Сабина: я хотела выяснить, вернее узнать на сто процентов, почему она умерла и что этому предшествовало. Пока она была жива, мы ссорились, боролись или игнорировали друг друга, а временами даже ненавидели. Какие у нее были желания, мечты о будущем? Этого я не знала. Из-за чего конкретно мы вообще враждовали?

Ответ на этот вопрос был ужасен. Речь не шла о каких-то колкостях и других мелких пакостях. Нечто конкретное испарилось без остатка, осталось только моя глупая упертость и убежденность, что родители любили меня больше. Та же гордость, которая стоила мне когда-то примирения с Юлианом, стоила мне и примирение с Сабиной. Так как при жизни я никогда не была ей настоящей сестрой, то хотела быть ею хотя бы после смерти. Если и было что-то, что я могла для нее сделать, то это продолжить там, где она остановилась, что бы это ни было. Действительно ли мы вместе искали только документ, подтверждающий права собственности? Или что-то другое?

Юлиан: это была самая абстрактная, наименее понятная причина, чтобы остаться здесь. Я чувствовала, что галлюцинации хотели мне что-то сказать. Иногда у меня появлялось желание убежать от них, но всегда находилось что-то, что вновь притягивало меня к ним.

Это были странные дни. Подготовка к вернисажу отвлекала меня, отнимая много времени. Тем не менее, Пьер, Сабина и Юлиан постоянно были в моих мыслях.

Как и полагается заканчивающемуся катастрофой дню, начался он радостно и весело. Я особенно роскошно накрыла стол для завтрака и, когда Пьер спустился, налила ему кофе, словно делала это для него уже тысячу раз.

Он поприветствовал меня сногшибательной улыбкой, будто ночью у нас был потрясающий секс. И это при том, что прошлым вечером мы почти разругались, потому что я хотела провести вечер у Майка и Жаклин. Майк пригласил меня связи с предстоящим вернисажем и поэтому без Пьера, что, конечно же, не понравилось моему другу. Однако он все равно пошел.

От вчерашнего плохого настроения не осталось и следа. Не успели мы сесть друг против

друга, как он протянул мне конверт.

— Что это?

— Конверт.

— Да что ты говоришь,— ответила я улыбаясь. — И что внутри?

— То, что запечатано в нем.

Сама виновата, что задаю такие глупые вопросы. Просто я слегка волновалась перед предстоящей после обеда выставкой. А теперь еще и этот сюрприз! Я вытащила из конверта яркую копию на несколько страниц с описанием поездки: шесть недель Маврикий, Реюньон, Сейшелы, Мадагаскар и Шри-Ланка. На двоих.

Пьер кладет свою руку на мою.

— Прежде чем ты ответишь, я хочу сказать кое-что, что уже несколько дней не дает мне покоя. В последние три недели я вел себя довольно сдержанно, в том, что касается... тебя... нас. Возможно, ты спрашивала себя, почему. Знаешь, Лея, я не сплю просто так с женщиной, к которой чувствую то, что чувствую к тебе.

— Пьер...

— Нет, подожди. Сначала я хочу сказать, что отличает тебя от других женщин в этом мире. Для меня ты смесь знакомой и незнакомой женщины, девочка, которую я знал когда-то и незнакомка, словно упавшая с неба. Будучи подростком, я бормотал твое имя, когда просыпался и когда засыпал и думал: однажды, однажды... Но потом ты уехала и со временем стала чем-то нереальным, своего рода идолом, не близким и не далеким. В тот момент, когда я снова увидел тебя, я понял, что пропал. Лея, я люблю тебя.

— Боже мой,— пробормотала я, изрядно напугав Пьера. — Я уж думала, ты не прекратишь говорить. Там, где другим требуются три слова, тебе нужны триста. В тебе живет странствующая душа Марселя Пруста.

Он сглотнул.

— Это значит... Что это значит?

Я нацарапала кое-что на бумаге с описанием поездки, вложила ее обратно в конверт и пододвинула его Пьеру.

Открыв его, он долго смотрел на меня. Я просто нарисовала галочку на последней странице описания поездки.

— Вот так делается признание в любви,— сказала я, улыбнувшись, после чего мы поцеловались через стол.

Мы сидели за завтраком как молодожены и бросали друг на друга кокетливые взгляды. Я была так взволнована, что только позже поняла, когда переодевалась в комнате, что чуть не ускользнуло от меня в потоке слов Пьера: он любил меня с подросткового возраста.

«Девяносто девять фрагментов родины» — это было название выставки, висевшее над входом в дом общины наряду с праздничными флагами. Гербы раздувал свежий ветер с Балтийского моря, стояла солнечная погода. На вернисаж пришло около ста гостей. В пятнадцатиминутной речи меня, среди прочего, назвали «знаменитой, вернувшейся к корням дочерью Пёля». Моя собственная речь длилась не так долго и была менее пафосной.

Так как мне никогда особо не нравилось объяснять свои фотографии — или вообще какие-либо фотографии — я ограничилась словами благодарности тем, кто помог мне устроить эту выставку, в том числе, конечно же, и Майку. Я верно предположила, что именно он взял на себя все организационные вопросы. Не только надпись на входе и флаги было его рук делом, но и кейтеринг с бесплатными напитками, от лимонада до

шампанского. От Жаклин я узнала, что он поспособствовал и тому, чтобы на выставку пришли Маргрете и Харри. На этот день Майк специально организовал сиделку для Эдит.

Наконец, открылись двустворчатые двери. В трех больших помещениях на стенах и перегородках висели девяносто девять фотографий, которые посетители стали с жадностью рассматривать. Я ни на шаг не отходила от Пьера и вместе с ним прогуливалась по выставке. Его мнение было мне особенно важно. Я надеялась, что ему понравился мой стиль и мое видение. Это было нелегко, так как фотографии можно было интерпретировать по-разному, критически, провокационно, красиво, оригинально или бессодержательно.

Маргрете выбрала последний вариант. Черно-белые фото, так же, как и мотивы были ей не понятны, «А где закаты?». Кроме того, она не разбиралась в углах зрения, ей не хватало доминантного переднего плана и много чего еще.

— Я не живу на том острове, который ты сфотографировала, — таково было ее беспощадное резюме.

Маргрете и без того была в плохом настроении, и я подозревала, что она не хотела приходить, но поддалась на уговоры Майка. Целый час она стояла в уголке со стаканом сока в руке и почти ни с кем не разговаривала.

С Харри было не лучше. Он не сказал мне ни слова и практически не обращал внимания на фотографии, потому что все время был занят тем, что старался избегать Майка.

— Как в детском саду, — так прокомментировал Пьер его поведение, и я согласилась с ним.

Пьер постоянно брал меня за руку, иногда приобнимал за талию — жесты, которые с одной стороны предназначались мне и выражали его любовь, а с другой показывали остальным, что мы были парой. Можно было с большой долей вероятности предположить, что главным адресатом являлся Майк. Проще говоря, Пьер, таким образом, хотел выразить, что в будущем, приглашая меня на ужин, Майк должен будет учитывать и его. Так что немного детский сад был и с его стороны тоже.

— Великолепно, — похвалил меня Майк, проходя мимо. — Здорово, Лея. Просто супер. Когда Майк отдалился от нас на некоторое расстояние, Пьер прошептал мне:

— Даже если бы ты развесила здесь фотографии туалетной бумаги, он бы тоже назвал их великолепными.

К сожалению, он был прав, так как Майк в основном находился поблизости от буфета, где постоянно подливал себе шампанское. Его погружение в мир моих фотографий длилось недолго.

— Там нигде нет ценников, — пожаловался он через какое-то время. — Разве фотографии нельзя купить?

— Ты можешь все купить, — сделал едкое замечание Пьер. — По крайней мере, в этом деле ты уже испробовал все средства.

— Ты кто, ее пресс-секретарь? Могу я немного поговорить с Леей, без того, чтобы вмешивался господин сельский врач? — ответил Майк.

Чтобы предотвратить ссору, я ответила на вопрос.

— В следующие выходные на выставке в Визмаре на картинах будут ценники.

Удовлетворившись моим ответом, Майк снова вернулся к буфету. Он уже был слегка пьян, наверное, предварительно разогрелся еще дома. Жаклин предоставила ему свободу действий, смешалась с гостями, болтала то с одним то с другим, словно все собрались здесь ради нее.

Конечно, ко мне тоже подходили люди, но их было сравнительно мало. Из опыта я уже знала, что многие люди боятся непосредственного контакта с деятелями искусства, словно мы были представителями другой касты, и с нами нельзя было нормально поговорить. Без Пьера рядом, со мной, наверное, разговаривало бы еще меньше людей, все-таки я была чужой здесь. Зато врача знал каждый, и постепенно благодаря Пьеру, ко мне стали подходить даже самые стеснительные. Я терпеливо отвечала на вопросы, насколько это было возможно, но через некоторое время почувствовала, что с меня хватит.

Когда помещения начали пустеть, Пьер выгнал меня на террасу. Над нами, в безумно красивом небе, парили морские птицы. Воздух был теплым и соленым, мои волосы развевались на ветру. Пьер поцеловал меня.

— Я больше не мог выдержать ни секунды,— сказал он. — Больше всего мне хочется крикнуть на весь мир, что мы вместе.

— Ты уже кричишь всему миру,— пошутила я. — Тристан меньше держался за Изольду, чем ты за меня.

— Извини, просто... Майк ужасно действует мне на нервы.

— Это заметно. Что ты имел в виду, когда сказал, что он может купить все? Ты же наверняка не просто так это сказал.

Он кивнул.

— Пока говорили речи, я узнал от одного из гостей, что район запретил застройку или еще какие-нибудь изменения участка земли, где стоят руины. Таким образом, он перестал быть ценным для старого Бальтуса. Если он пойдет в суд, судебные разбирательства затянутся надолго.

Мое сердце подпрыгнуло от радости. Какой потрясающий день! Хорошим новостям прямо-таки не было конца.

— Но это же великолепно! — крикнула я. — Именно этого мы и добивались!

— Конечно, это здорово, — неохотно признал Пьер. — Я также рад за тебя, за Харри, за наш «дворец» и за себя тоже. Но ведь ясно же, что в этом деле замешан Майк, точнее его кошелек. Он купил это постановление.

— Даже если и так, он сделал это во благо.

— На этот раз, да. Он берет все, что хочет, все танцуют под его дудку.. Твоя фотовыставка, например. Я рад за тебя, Лея, честно. Но Майк опять изображает из себя великого мецената, и мне это не нравится. Ты в курсе, что он ведет переговоры со Шверином, чтобы провести выставку в столице земли?

Нет, это было для меня новостью. Я вздохнула.

— И вся эта ревность, только потому, что я вчера приняла его приглашение на ужин. Там ничего такого не было. Самый интересный момент был, когда я учила его и Жаклин выполнять упражнение из восточной гимнастики, которому я научилась в клинике. Нужно расслабиться и думать о том органе, которому желаешь что-нибудь хорошее.

— Майк, наверное, думал о своей печени. По крайней мере, я бы ему посоветовал.

— Эй, давай без сарказма. Кроме того это подпадает под твою обязанность не разглашать служебную тайну.

— Теоретически под мою обязанность неразглашения тайны подпадает и то, что у Майка две руки и две ноги, и тем не менее это для всех очевидно.

Он немного прошелся по террасе, оглядывая Кирхдорф и море поблизости, от которого отражались последние солнечные лучи уходящего дня. С востока уже подкрадывалась

темнота.

— Я хочу уехать отсюда,— сказал он.

— Уже, так рано?

— Нет, я имею в виду с острова. Я хотел бы жить где-нибудь в другом месте.

Пьер вернулся ко мне и убрал прядь с моего лица.

— Может в Буэнос-Айресе?

— Ты хочешь уехать со мной в Аргентину? — удивленно спросила я.

— В Буэнос-Айрес, Барселону, Банкок, Берлин, куда захочешь.

— Но ты..

Я хотела сказать ему, что он совсем меня не знает. Но в последний момент поняла, что это было не так. После всего, что Пьер сказал мне, он знал меня всю жизнь.

Я же напротив знала его всего две недели.

— А как же твоя врачебная практика?

— Врачи могут работать везде, также как и фотографы.

Мне не пришел в голову убедительный контраргумент. Я любила Пьера. Мы еще не спали друг с другом, еще год назад для меня было немыслимо обсуждать с человеком, с которым у меня еще не было интима, совместное проживание. Было ли дело в возрасте, что все это не играло для меня большой роли, или в самом Пьере?

Мы долго и горячо целовались, тем самым я хотела выразить свое согласие по поводу его планов на переезд.

— Ты еще не сказал, как тебе мои фотографии,— сказала я, с интересом ожидая его оценку. От него можно было ожидать взвешенную, глубокую и разумную критику.

Он подумал и уже собирался дать ответ, как вдруг из дома общины до нас донеслись взволнованные голоса. Мы еще были на улице, когда выглянула Жаклин.

— Идите сюда быстрее! — торопливо крикнула она. — Мой отец собирается снести «дворец» экскаватором.

Четыре месяца назад

Сабине никогда особо не нравились прогулки по пляжу. Она предпочитала поездки по городам или походы и катание на лыжах в горах. Если не удавалось избежать пляжного отдыха с друзьями, она предлагала озера, такие как Лаго Маггиоре или Мекленбургское поозерье. Морские просторы обычно вызывали у нее странное беспокойство. Психологическому не понадобилось бы и пяти минут, чтобы понять, что это было связано с ее проблемным детством на Пёле. В зависимости от обстоятельств, все итак проистекает из детства.

В этот день она дала себе толчок и пошла к морю, это даже стоило ей меньших усилий, чем она думала. Прошло всего тридцать часов с тех пор как Сабина приехала на Пель, но она постоянно сталкивалась с прошлым. Может быть, пришло время перечеркнуть эти давно ушедшие года. Не в том смысле, чтобы отрицать их, как Сабина делала раньше, а в том, чтобы принять их как неизбежный факт. Те годы сделали ее сильной. Кто знает, где бы она была, если бы не начала так рано конфликтовать и сторониться других? Кроме того, в ее жизни были и приятные моменты и события, когда Лея была совсем маленькой, или когда в двенадцать лет Сабина выиграла соревнование по плаванию среди молодежи и смотрела в гордящиеся ею лица родителей. Не все было так уж плохо, да и кто сказал, что у людей, у которых было счастливое детство, автоматически была и счастливая жизнь?

Сабина всегда думала, что ее недолюбливали на Пёле в целом и Кальтенхузене в частности, поэтому она уже тогда решила не любить родину. Но теперь оказалось, что она вполне хорошо ладила с Харри и Маргрете, что даже старик Бальтус считал ее достойной уважения, а Юлиан когда-то посвятил ей песню. Сабина сняла обувь. Земля под ее босыми ногами, холодный, мокрый песок меж пальцев напоминали ей о ее корнях. Где еще можно было походить босиком по нетронутой земле?

Пляж не только был местом для всех людей, но и местом бесконечности. В теплом песке растворялись почти все правила и условности. Человек был голым или почти голым, манеры были неважны, можно было лежать среди древних скал, под парящими в небе чайками и на несколько часов представить себя первобытным человеком, которого не угнетает бремя цивилизации. Человеком, сбежавшим от работы, домашних обязанностей, необходимости зарабатывать деньги и у которого есть возможность быть предоставленным самому себе.

На пляже было немного людей, так как погода была переменчивой, кроме того до маленького кальтенхузеньского пляжа было не просто добраться, хорошо знаком он был только местным жителям. Сабина была практически одна, не считая пожилой пары с собаками, девушки, занимающейся пробежкой и какой-то веселой компании. Подростки были примерно в том же возрасте что и Лея с друзьями, когда их компания начала медленно разваливаться, а Майк занялся продажей наркотиков.

Знала ли Лея об этом? Сабина была последней, кто стал бы защищать сестру, но вот в то, что младшенькая увлекалась наркотиками, она поверить не могла. Наркотиками Леи были книги и песни, чувственные моменты и фотография, которую она недавно открыла для себя. Ну и, конечно же, она сама, ее привлекательная внешность и имидж принцессы. Ее

сестра была уверена в себе и поэтому не нуждалась в том, чтобы искусственным образом получать кайф, употребляя какие-то вещества и тем самым самоутверждаться.

То же самое касалось и Юлиана. Он был слишком мечтательным, идеалистическим человеком, чтобы ввязываться в какие-то криминальные махинации или становиться наркозависимым. Майк напротив был человеком, как будто созданным для всяких темных дел: хвастаться деньгами, притворяться богатым, быть маленьким богом, которому что-то приносили в жертву те, кто нуждался в нем — все это подходило ему. Действительно ли Жаклин десять лет назад шантажировала его тем, что знала о его прошлом? С уголовно-правовой точки зрения эти преступления подпадают под действие закона о сроке давности. Конечно же, репутация Майка пострадала бы, если бы Жаклин заговорила о том, чем он тогда занимался. Но из-за этого бросить женщину, которую любишь, да еще и имея маленького сына? Сабине это показалось несоразмерным и поэтому трудно представимым.

Но что если Жаклин знала другую, еще большую тайну?

Сабина едва не прошла мимо руин монастыря. С пляжа их было почти не видно из-за поросших травой дюн, сосен и буков, а при приближении виднелся лишь самый высокий кусок от стены. Когда ветер шелестел в ветвях деревьев, как в этот день, а в воздухе висел туман, то создавалось впечатление, что руины хотели спрятаться от людей при помощи стихий. Береговые ласточки, вившие гнезда в бесчисленных дырах в стенах, напротив летали целыми стаями. Их не было видно с береговой стороны, но подойдя поближе, можно было увидеть как маленькие птицы дюжинами танцевали над дюнами, олицетворяя собой картину жизнерадостности и бодрости.

Странно, раньше она не замечала ничего подобного. Пёль был просто унылым, провинциальным, сонным местом с ничего не выражающей природой, ограниченными и скучными людьми, где даже ровесники были невежественными. Понадобилось сорок семь лет, а также один богатый на уловки человек, ухаживающий за престарелыми, и криминальное дело, которое возможно и не было криминальным, чтобы Сабина начала рассматривать остров в другом свете. Так же как и глаза должны привыкнуть к темноте, чтобы человек смог сориентироваться, так и Сабине пришлось приспособиться к зелени и бесконечным просторам, чтобы сблизиться с Пёлем.

Среди щебетания птиц и шума волн Сабина различила человеческий голос, сначала едва слышный, но становившийся с каждым шагом в сторону руин все отчетливее и яснее. Этот голос был похож на вой сирены, зовущий ее. Немного погодя Сабина догадалась, кому он принадлежал.

Когда Сабина заглянула в стрельчатое окно внутрь заброшенного монастыря, ее подозрения подтвердились. В одном из дворов стоял Харри и кричал на стену, стоявшую примерно в пяти метрах от него. Сабина могла видеть его только сбоку.

— Ч-черт, Майк, в один прекрасный момент мне о-опротивела эта работа. Я просто не мог ее больше в-выносить.

— ...

— Да, п-признаюсь. Я завидовал т-тебе, и одновременно презирал то, каким способом ты д-добился успеха. Я хотел быть, как ты, и одновременно н-ни за что не хотел стать таким. Спустя годы я р-робко пытался не отставать от тебя, даже когда порвал с тобой. Как ты думаешь, почему я набрал столько п-потребительских кредитов?

— ...

— О н-нет, нет, это прошло, теперь я поборол тебя, уничтожил. Вот только иногда еще...

Н-но это не считается. Ты для меня больше не существуешь, т-ты знаешь об этом, поэтому и унижаешь меня, к-как только можешь.

— ...

— Когда-то это был наш «д-дворец», где была сосредоточена наша дружба. Но ты лишился права ступить на эту з-землю. Исчезни! Слышишь, ты должен и-исчезнуть!

— ...

У Харри были слезы на глазах, когда он смотрел на стену, перед которой стоял дух. Которого видел только он, с которым был в ссоре. Один за другим он бросил в духа свои ботинки.

Они ударились об стену, после чего стало тихо.

Харри упал на колени и заплакал. Он плакал горькими слезами как отчаявшийся ребенок.

Сабина на мгновение задумалась о том, чтобы тихо и незаметно уйти. Довольно щекотливая ситуация, подойти ночью к обезумевшему человеку. Как он отреагирует? Стыдливо или гневно?

Но потом она вспомнила, что часто, будучи ребенком, хотела, чтобы кто-то подошел к ней, кто-то, кому бы она могла рассказать все, что являлось непонятным для ее родителей и одноклассников. Например, почему она была такой отталкивающей, почему носила ужасные вещи, надевала шляпу с широкими полями, в которой выглядела просто смешно, отказывалась от всего женственного и мягкого, ненавидела Пёль и еду, приготовленную матерью, рыболовецкое судно отца, музыку и книги Леи. Но к ней ни разу не подошел такой слушатель. Сабину просто считали трудной, держащейся особняком, а некоторые даже сумасшедшей.

Теперь и Харри считался сумасшедшим. Конечно, он был уже не ребенок. Но у него в голове не было ничего кроме детства. И его никто не слушал.

Сабина кашлянула, но он не услышал ее. Тогда она сказала:

— Харри?

Он поднял голову. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга, не предпринимая никаких действий. В конце концов Харри встал и направился к ней. Они стояли друг против друга, разделенные выступом стрельчатого окна. Сабина молниеносно прокрутила в голове все возможные ответы на все возможные упреки. Почему ты подслушиваешь меня? Чего тебе здесь надо? Почему ты шпионишь за мной? Однако Харри просто начал рассказывать.

— М-майк уговорил меня тогда заняться страховками и другими инвестициями. Я до сих пор слышу как он увлекательно р-рассказывал. «Нам просто нужен дорогой костюм, обучение торговле нам оплатит концерн, на который мы р-работаем, он также будет выплачивать хорошие комиссионные. К-классно, да? Чтобы продавать машины, нужно годами у-учиться, а продавать страховки можно будет, пройдя краткий курс обучения. Инвестиции расходятся как горячие пирожки, ты звонишь кому-нибудь в дверь, почти каждый в-впускает тебя и почти все заключают договор». Я сказал ему, что вообще-то хочу стать р-рыбаком, как мой отец, и его отец и отец его отца, но он просто отмахнулся от меня.

Харри вздохнул и оперся на локти.

— Л-ловлей рыбы много не заработаешь,— сказал мне Майк. — Ты и М-маргрете, у вас же даже не хватает денег, чтобы п-подарить вашей матери на день рождения морозильную камеру, о которой она так мечтает. Что толку, если теоретически можно купить все, но на

деле это н-невозможно? Не для этого упала эта ч-чертова стена. Она упала, чтобы мы наконец могли зарабатывать хорошие деньги и исполнять наши желания. Присоединяйся, Харри. Мы до сих пор все делали в-вместе, делились заботами, надеждами, желаниями... Прежде всего желания стали важнее в первые месяцы после падения с-стены. Казалось, что все в-вдруг стало возможным. Более того, это казалось вероятным. В том числе с-собственность и имущество.

В общем, я согласился. После этого мы направились к легковерующим, чтобы продать им снаряжение для э-эльдорадо. С девяностого до середины девяносто первого года восточные немцы брали почти все, ч-что совали им под нос: инвестиционный фонд, средства которого вложены в акции других компаний, страхование жизни и договоры о предоставлении кредита на строительство или покупку собственного жилья, с-соглашались ежемесячно платить высокие взносы. Они не понимали, что деньги, которые они однажды получают, это по большей части их собственные деньги. Они не п-просчитывали все наперед, не знали меры. Думали, что им нужно только вытащить лопатой г-гравий из ручья и просеять золото.

М-меня воротило с души, когда я с-сидел за бесчисленными кухонными столами и в один прекрасный момент, я начал предупреждать их, чтобы они не слишком т-тешили себя надеждами и оставались реалистичными. Тогда они начинали нервничать и упрекали меня в том, что я хочу с-сбить их с толку. — Это верно,— говорил я,— хорошенько е-еще раз все обдумайте. Именно это они и делали, и на другой день заключали договор с другой к-компанией, которая п-предлагала меньше, но чьи сотрудники рассказывали этим людям то, что они хотели слышать. Через год я был просто никакой и почти ничего не зарабатывал.

— Честность всегда оплачивается меньше чем ложь.

Харри усердно закивал.

— Это ты можешь говорить в-вслух. Майк заработал много д-денег и порвал со мной связь. Впервые он был в такой области, в которой я не мог следовать за ним, успешным человеком, со способностями выше среднестатистического уровня. Я как-то... как-то даже не хотел следовать за ним, но был слишком труслив, чтобы сказать ему об этом. Он был моим л-лучшим другом, в то время даже единственным. Я пытался не отставать, п-позволяя себе вещи, которые совсем не мог себе позволить. Постепенно я сам стал тем, кого обманывал р-раньше, с разницей лишь в том, что я перехитрил самого себя. Только после того как я на какое-то время расстался с М-майком, проходя гражданскую службу в Тюрингии, я стал смотреть на вещи н-немного яснее.

Харри немного помолчал, словно упомянул имя покойного. И действительно дружба с Майком угасла в те времена и, в конце концов, была похоронена. Самое важное, что было в его жизни.

— Значит, в то время ты поклялся, что никогда не станешь как Майк, что всегда будешь против него,— добавила Сабина. — Но именно поэтому ты так и не отделался от него.

Он подумал какое-то время, потом сказал:

— Большинство л-людей думают, что зависимым становишься от того, что хоть раз попробовал и насладился. Но можно быть одержимым и от вражды, борьбы и ссор и ... — Он снова ушел в себя. — Честно говоря, у меня и нет ничего д-другого.

— А что с твоими детьми? Маргрете упоминала, что ты был два раза женат и в каждом браке есть ребенок.

— Мой одиннадцатилетний с-сын считает меня п-пустым местом, моя

пятнадцатилетняя дочь рассказывает в школе, ч-что я ее у-удочерил, так сильно она м-меня стыдится. Я не усложняю никому жизнь и не навязываюсь. Может они и п-правы. Наверное, я и правда п-пустое место. Как ты считаешь?

— Я не считаю тебя пустым местом.

— А с-сумасшедшим?

— Потому что тебя постоянно тянет сюда?

— И потому что я разговариваю сам с собой. Все думают, что я сумасшедший. Пьер, М-маргрете, весь мир...

— Ты время от времени видишь призраков? Ну и что? Бывает и хуже. В некоторых культурах перед тобой бы даже сегодня падали на колени. Смотря под каким углом на все это посмотреть.

— Ты с-серьезно?

— Однажды я целый час разговаривала со своими мертвыми родителями, упрекала их и задавала вопросы, при всем при этом я не верю в жизнь после смерти. Не меньшее сумасшествие, не так ли? Да и вообще, кто сказал, что твои галлюцинации являются проблемой, а не отдушиной или даже терапией, хм?

Он улыбнулся и смущенно, почти по-мальчишески уставился в землю.

— Тем не менее, — добавила я. — Ты должен как-то разнообразить свою жизнь, не сосредотачиваться только на этом, воспринимать и нечто другое. Если только и делать, что враждовать да ухаживать за неживыми предметами, то со временем можно стать одиноким и нелюдимым человеком.

Кажется, это предложение понравилось Харри, потому что он активно закивал и облокотился на подоконник времен поздней готики.

— Ты классная,— сказал он, взял ее за руку и улыбнулся ей, пробудив в Сабине худшие опасения.

Уж не влюбился ли он в нее? Она прекрасно понимала Харри, как и всех неудачников и одиноких волков, могла оставаться с ним в контакте, время от времени сходить выпить пива. Но не более того.

К счастью ее опасения тут же развеялись.

— Ты настоящий друг, х-хромоножка. Так как ты уже со мной уже давно никто не говорил. С тех пор как мы поссорились с Майком. Я был бы р-рад, если бы мы стали друзьями. Кроме того, это было бы хорошее начало для иного в-восприятия мира, как ты и советовала.

— Будет сделано, З-заика,— ответила Сабина, и, ударив по рукам, они стали друзьями.

Однако Сабина не была ни слепа, ни глупа. В девяностом году, в том году, когда Майк начал торговать наркотиками, Харри еще был его лучшим другом, поэтому должен был знать о торговле наркотиками, возможно даже сам занимался этим. В таком случае было целесообразнее не ходить вокруг да около, а напрямую спросить подозреваемого о преступных действиях.

— Я недавно была у старого Бальгуса, — как бы между прочим сказала Сабина. — Еще есть надежда, что он откажется от своего плана застройки. Мы разговорились, и я кое-что узнала. Среди прочего, он рассказал мне, что Майк торговал наркотиками. Ты наверняка вместе с ним, или как?

Харри ожидаемо был совершенно не готов к такому вопросу.

— Ч-что? Но это... э-это...

— Прошла целая вечность, поэтому это дело утратило силу за сроком давности. Не волнуйся, я не собираюсь тебя критиковать. Я хоть и полицейский, но сама тоже разговаривала по телефону за рулем, ездила на служебной машине по личным делам, скрыв это, или не декларировала в аэропорту привезенный из Англии джин.

Во время допросов Сабина придерживалась правила номер пять. Поставив торговлю наркотиками на одну ступень с более мелкими преступлениями, она тем самым сглаживала острые углы, чтобы собеседнику было проще признаться в содеянном.

— Ты можешь спокойно мне все рассказать. Мы же друзья, уже забыл? Майк уговорил тебя присоединиться к нему, как тогда с инвестиционным консалтингом.

— Хм, знаешь... Да, это так. Но я уже д-даже и не думаю об этом.

Джек-пот. Поставила все на кон и выиграла. Большинство людей ей бы не удалось заставить говорить при помощи этой маленькой уловки, по крайней мере, не только благодаря ей одной. Однако Сабине сыграли на руку некоторые как нельзя удачно сложившиеся обстоятельства. Харри, уже несколько лет тосковавший по дружбе, только что обрел в лице Сабины подругу. Кроме того, этой темой она застала его врасплох. И не в последнюю очередь, торговля наркотиками действительно велась очень давно и Сабина знала из опыта, что со временем у преступников возникает «размытое» отношение к совершенному ими преступлению, словно оно медленно растворяется в воде как таблетка. Доходило до того, что некоторые убийцы через сорок лет после преступления рассказывали о нем своим внукам как о приключенческой истории.

— Ты сам что-нибудь употреблял? — спросила она.

— Н-нет,— решительно ответил он.

— Я как-то попробовала коноплю, но мне не очень понравилось, и я бросила это дело. Значит, вы обеспечивали наркотиками людей из вашего окружения, да?

Харри переминался с ноги на ногу, как будто ему было холодно.

— Ну да, о-окружение... Я не з-знаю.

— А что с вашей компанией? — неумолимо продолжала выпытывать Сабина.

Несмотря на испытываемую ею симпатию к Харри, она не теряла из виду своей задачи, а именно расследовать исчезновение Юлиана.

Его глаза хаотично сверкали, тема ему явно не нравилась.

— Только П-пьер и Жаклин. — Он посмотрел на часы. — Мне п-пора. В К-кирхдорфе сейчас начнутся похороны.

— Ясно. Удачи. Кстати, что можно пожелать копателю могил? Чтобы лопата не сломалась?

Неудачная шутка вызвала у Харри улыбку. Отходя назад, он попрощался с Сабиной, неуверенно размахивая руками.

— Ах, Харри, еще кое-что,— крикнула она, когда он уже почти завернул за угол. — А Юлиана вы случайно тогда не снабжали?

— Юлиана?

Харри застыл и уставился на стену, как будто мог видеть сквозь нее и там найти ответ.

— Ты не находишь странным его исчезновение? Просто никак не могу выбросить это из головы. Ведь могло быть так, что он, находясь под кайфом, пошел купаться в море или выпал из лодки. Особенно, если употреблял наркотики впервые...

— Он н-ничего не употреблял,— поспешно сказал Харри. — Для этого он был слишком похож на меня.

— Слишком благоразумный? — спросила она.

Слишком п-простодушный,— ответил он через несколько секунд. — Слушай, мне правда п-пора.

— Знаю, тебя ждет труп,— улыбаясь сказала Сабина, и после того как Харри ушел, тихо добавила: — И меня тоже.

Это дело было слишком простым, прямо как по учебнику: В конце 1990 года Юлиан узнает о том, что Майк и Харри торгуют наркотиками. Он испуган и разочарован, возникает ссора, он угрожает друзьям и немного погодя его убивают, либо намеренно либо в состоянии аффекта. Бальтус видел Юлиана в последний раз, когда тот шел в сторону монастыря, что указывает на то, что местом преступления были либо сами руины, либо их окрестности. Майк и Харри тащат тело сто метров к причалу, кладут его на весельную лодку, утяжеляют камнями или еще чем-нибудь и бросают в море, где тело исчезает навсегда.

Вот и вся история.

Это было убийство для начального курса по криминалистике, и конечно все могло произойти именно так. «Трудно поверить,— подумала Сабина,— но иногда в жизни бывает так, что внешность не обманчива, и все невероятно просто».

Но даже этот тезис оставлял некоторые вопросы открытыми. Как у Майка и Харри оказались паспорт и одежда Юлиана? Не слишком ли было рискованно топить тело в море, где подъемные силы тела усиливаются через несколько дней? Почему они оставили лодку плавать в море? И как Жаклин узнала об убийстве, если конечно вообще узнала?

Конечно, все могло быть совершенно иначе и намного сложнее.

Или вовсе нет. В таком деле как это, которое даже не было делом как таковым, все зависело от точки зрения, с которой рассматривались скудные факты. И это тоже причислялось к основному курсу в полицейской школе. Если не знать, что ты имеешь дело с пазлом, то он является не более чем кусочком отпечатанного картона. И наоборот, если исходить из того, что имеешь дело с криминалистическим пазлом, то каждый отдельный кусочек автоматически становится уликой, даже если на самом деле это отпечатанная картонка, не имеющая никакой ценности.

«Может,— продолжала раздумывать Сабина,— я просто что-то конструирую в голове и выгляжу абсолютно смешно. Что молодой человек решает исчезнуть тайком, что отец семейства рушит семью ради другой женщины, что двое двадцатилетних парней становятся преступниками — все это старо как мир. Один плюс один плюс один по-прежнему равно трем, а не сто».

С другой стороны можно было везде и всюду выглядеть смешно, не важно, делаешь ты что-то или нет. Решив надеть очки с затемненными стеклами, было бы глупо снять их посреди дороги и передвигаться вслепую. Нужно было раз и навсегда принять выбранный однажды сценарий — или отказаться от него.

Если Сабина смотрела на факты через затемненные очки, особенно на то место, в котором она находилась, «дворец», где собиралась компания, то оно выглядело скорее как кладбище. Цветочные кусты, посаженные Харри, почти полностью стертые им граффити, удаленные сорняки — ухаживал ли он только за похороненной дружбой? Или за настоящей могилой?

Сабина бродила по дворам руин, в поисках чего-то, что не вписывалось в общую картину «дворца». Это могло быть все что угодно, какое-то сиденье, трудно различимая надпись, символ, особенно пышно цветущее растение. Она педантично оглядывалась вокруг,

ощупывала стены, залезала на них, чтобы рассмотреть место сверху, снова спускалась, ползала на коленях по траве, все время думая о том, насколько это было смешно. Сабина обнаружила множество надписей, большинство из них почти невозможно было прочесть, потому что они заросли лишайником. Это были такие нацарапанные слова как «Любимое окно Харри», «Место дружбы», «Постоянное место Майка» и прочее. За колючей изгородью ежевики, почти скрытые ею, были высечены имена членов группы.

Сабина внезапно почувствовала, что была не одна. Возможно, это была выработанная ею годами интуиция, может какое-то крошечное изменение, какая-то тень поблизости, звук дыхания между порывами ветра.

Кто-то стоял позади нее, всего в нескольких метрах, под каменной аркой между двумя дворами. Сабина еще не успела обернуться, как у нее пробежал холодок по спине, потому что она чувствовала, более того знала, кто это был.

— Здравствуй, Лея, — сказала она.

Сентябрь 2013

Мы поехали на трех машинах из Кирхдорфа в Кальтенхузен, Харри и Маргрете впереди. Уже стемнело, и я не успевала за Харри, ехавшим с большой скоростью. Пьер, сидящий рядом со мной, не сказал ни слова. У меня в голове тоже было столько мыслей, что я даже забывала говорить. Снес ли старый Бальтус руины полностью? Какие чувства вызовет у меня вид разрушенных стен? Дойдет ли до рукоприкладства?

Жаклин, сидевшая за рулем третьей машины, была консервативным водителем и постоянно отставала. Но вскоре, наверное, из-за нетерпения Майка, она снова догнала нас на прямом участке дороги. Фары приблизились.

Вдруг случилось нечто жуткое. Поначалу это было нехорошее предчувствие, но затем меня бросило в жар, в течение нескольких секунд появилось внутреннее беспокойство и мне пришлось свернуть вправо на обочину. Жаклин и Майк проехали мимо нас.

— Что такое? — спросил Пьер.

Перед моим внутренним взором внезапно предстала одна из самых странных «фотографий», как всегда черно-белая и мрачная. Однако на ней было трудно что-либо разглядеть. На этот раз это была картинка из салона транспортного средства, взгляд был направлен через лобовое стекло наружу, где на расстоянии десяти, двадцати метров, две фары как два злобно сверкающих глаза, прорезали темноту. Меня охватил хорошо знакомый страх, и я точно знала, что когда-то уже испытывала его.

Картинка исчезла так же быстро, как и появилась.

Видимо, на моем лице был написан такой ужас, что Пьер сказал:

— Пойдем, выйдем и прогуляемся немного.

— Опять начинается.

— Что случилось-то?

Я просто покачала головой, и мы поехали дальше. Примерно через километр я свернула с шоссе на проселочную дорогу, ведущую к лесу, где располагались руины. Две другие машины были припаркованы в середине поля, и я пристроилась сзади них.

Выйдя из машины, мы с Пьером увидели свет множества фонариков, которые держали в руках едва различимые фигуры, только что скрывшиеся в лесочке. Пьер тоже достал из багажника фонарик, а я включила соответствующую функцию сотового телефона, чтобы хоть как-то осветить нам дорогу.

Так как я была в туфлях на высоких каблуках, которые надела специально для выставки, мы продвигались довольно медленно. Пьер поддерживал меня и постоянно бросал озабоченные взгляды, которые, должно быть, предназначались как мне, так и нашему ночному походу.

Когда мы приблизились к «дворцу», тот был погружен в мрак и был похож на монстра странной формы, от которого исходило жуткое рычание. Мотор автомобиля для строительных работ взревел, стих, и взревел вновь. Один за другим, наши друзья, находившиеся примерно в ста метрах от нас, исчезли в месте со светом от фонариков в пасти руины, которая, по крайней мере, на первый взгляд, казалась целой. Немного погодя, мы услышали громкие голоса Харри, Майка и старого Бальтуса, которые трудно было разобрать,

так как они старались перекричать друг друга. Я поняла только обрывки фраз: «сошел с ума», «пьяница», «уйди с дороги», «я тебе сейчас набью морду».

Брань и угрозы не прекратились даже тогда, когда мы присоединились к остальным.

Несколько небольших стен уже упали или имели дыры, некоторые цветущие кустарники также не пережили атак мощного экскаватора. В свете его фар я, к своему облегчению, увидела, что само здание еще сохранилось.

Майк и Харри стояли плечом к плечу перед старым Бальтусом. Каждый из них в последние месяцы как только мог боролся за сохранение «дворца». Харри, отчаянно вырывая таблички с надписью «Вход воспрещен!», Майк дипломатически, так сказать, за кулисами. Кульминацией их усилий стала совместная работа. Впервые за двадцать лет они делали общее дело. Маргрете и Жаклин держались в стороне, так же, как поначалу Пьер и я. Двое нанятых Бальтусом рабочих, один молодой, другой немного постарше, внимательно и спокойно наблюдали за ссорой. Один из них сидел за рулем экскаватора, другой опирался на кирку. До всего происходящего им не было никакого дела.

— Если так будет продолжаться, мы не продвинемся дальше,— пробормотал Пьер, в тот самый момент, когда я подумала то же самое. Он обратился напрямиком к рабочим.

— Добрый вечер, парни.

— Добрый вечер, доктор.

— Это твой экскаватор, Веллер? Пожалуйста, поезжай домой. Господин Бальтус не имеет права сносить руины.

— Не получится, доктор,— сказал Веллер, спустившись с экскаватора. — Кто платит, тот и прав. А этот пожилой господин очень хорошо заплатил нам.

Как по команде, Майк вытащил кошелек.

— Я заплачу вам вдвое больше.

Мужчины обменялись неуверенным взглядом.

— Но мы... мы заключили соглашение с этим пожилым господином.

— Именно так, — сказал пожилой господин. — Я легко смогу предложить более высокую цену в ответ на любое предложение моего пьяного зятя.

— Ни один из вас,— слегка заплетающимся языком, обратился Майк к рабочим, — не найдет работы в радиусе ста километров, если вы продолжите делать то, что делаете, это я вам обещаю. А если вы сейчас же исчезнете, я найду для вас парочку хороших заказов.

Поначалу, удивленный тем, что оказался в центре аукциона, Веллер с большой радостью тут же переметнулся на другую сторону, а его молодой коллега, конечно, сделал то, что приказал более опытный. Именно в тот момент, когда казалось, что кризис миновал, Бальтус бросился к кабине экскаватора и привел его в движение, прежде чем кто-то успел что-либо сделать. Когда Веллер попытался вернуть экскаватор, то получил пинок от Бальтуса, заставивший его держаться на расстоянии.

Мы все отпрянули назад. Отец Жаклин хоть и был здоровым, крепким, имеющим ремесленные навыки пенсионером, но управлять экскаватором он совершенно не умел. Громко крича, он пытался подчинить себе машину, которая, издавая не менее громкие звуки, отказывалась слушаться его. Экскаватор двигался в разные стороны, врезался в стену, которая тут же разрушилась и упала, крутился вокруг своей оси, повредив мощным ковшом одно из стрельчатых окон. Крики Веллера, Майка и Харри ни к чему не привели. При попытке поднять ковш, старик, наоборот, опустил его. В то же мгновение экскаватор метнулся вперед, ковш зарылся в землю, запутался в кусте ежевики, разорвал его и вырвал с

корнем.

Фары экскаватора осветили то место в стене, где в камне, друг под другом, были вырезаны семь имен, окруженные овальной насечкой, сделавшей из нас товарищей по несчастью.

Майк

Харри

Маргрете

Лея

Жаклин

Юлиан

Пьер

Я сразу поняла, что это Харри давным-давно увековечил наши имена, тогда он повсюду что-нибудь царапал во «дворце», словно пещерный человек.

Мой взгляд продержался на именах не дольше одной, двух секунд, после чего я отвлеклась. В этот момент Веллеру, при поддержке Майка и Харри, удалось вытащить Бальтуса из кабины, но не это привлекло мое внимание.

Я сделала несколько шагов вперед, чтобы удостовериться, что это не был обман зрения.

Кроме меня, лишь еще один человек заметил то, что я обнаружила. Это был молодой рабочий. Он стоял прямо перед человеческими останками. Из вспаханной земли торчали рука, плечо и половина черепа, а полуразрушенные временем остатки голубой пилотной куртки не оставляли сомнений в том, что тело было закопано здесь не много столетий назад.

У Юлиана была точно такая же куртка.

Харри опустился на колени, Майк отвернулся, Маргрете застыла, в ужасе и одновременно замороженно уставившись на тело, Жаклин закрыла глаза, а Пьер провел руками по лицу. Я приблизилась к скелету.

Молодой рабочий сказал:

— Черт возьми.

Время, проведенное с Юлианом, было самым счастливым в моей жизни. Наше совместное время, песни, которые он играл, в то время как моя голова лежала на его плече. Книжки, которые я читала ему вслух, когда его голова лежала на моих ногах. Наши обнаженные, прижимающиеся друг к другу тела. Любовь, с которой он смотрел на меня. Часы, проведенные вместе на пляже. Купание в море.

Французская писательница Франсуаза Саган сказала однажды: «Редко когда знаешь, что есть счастье, но, в большинстве случаев, знаешь, что было счастьем». Как же она права.

Мы собрались на кухне у Маргрете. Было уже за полночь, лампа над столом тускло освещала наши головы и руки. Никто ничего не говорил, а я все время повторяла про себя имя единственного отсутствующего друга — Юлиан, будто он был чем-то будущим, целью, стремлением. При этом он был завершённым прошлым.

Странно, но я до сих пор не могла представить, что он на самом деле был мертв, хотя в этом не было никаких сомнений. Голубую колледжную куртку из прочного нейлона я сама подарила ему в восемьдесят девятого году на Рождество. Это была моя первая покупка с Запада, выписанная по каталогу. Голубой цвет идеально подходил к его глазам, он часто носил ее, как выяснилось, и в день своей смерти тоже.

Я пыталась заплакать, но мне не удалось, как это часто бывало. Даже после выкидыша я не проронила ни слезинки так же, как и в тот день, когда застучала Карлоса с другой

женщиной и вскоре после этого бросила его. Плакать — для меня это было высшее проявление и признание несчастья, и я не хотела давать слабину. Или, наверное, нужно сказать: та женщина, которой я была когда-то, никогда не хотела показывать эту слабину. Но теперь я не смущаюсь показывать отчаяние. Однако прежняя Лея не исчезла окончательно. Некоторые ее навыки продолжали проявляться во мне, а навыки это самые сложные противники. За прошедшие годы я разучилась плакать. Поэтому отчаяние комом стояло у меня в горле.

Слабо освещенное помещение усиливало печаль, впрочем, как и весь дом, в котором годами царил горе. Дом, где вяло текущая болезнь пожилой женщины заживо хоронила ее дочь, где пахло мазями и перевязочным материалом, мочой и рвотой. Никто не был виноват в этом, меньше всего бедная, старая Эдит, но это не делало ситуацию лучше. Больше всего мне хотелось встать и пойти спать, однако полиция попросила нас не расходиться и ответить на несколько вопросов.

Я по очереди смотрела на каждого. Пьер задумчиво царапал крошащийся край стола, Жаклин нервно играла с клипсами, Майк, скрестив руки на груди, смотрел в потолок, а Харри непрерывно теребил нижнюю губу и выглядел при этом слегка по-идиотски. Именно Маргрете выражала свою печаль отчетливее всех нас, наклонившись над столом и прижимая кулаки к глазам. Однако когда она через какое-то время опустила руки, стало заметно, что у нее ясные, не покрасневшие глаза.

Она встала и поставила на стол различные стаканы для сока и воды, а к ним три бутылки «Кьянти» с закручивающейся крышкой. Майк сразу же присвоил одну бутылку себе.

— Пьер? — спросила Маргрете. — Тебе тоже?

— Нет, я пью только когда мне хорошо.

— В таком случае некоторые бы уже умерли от жажды, — ответила Маргрете и разлила всем по кругу, больше не задавая вопросов.

Я не решилась попросить у нее чай, может быть, потому, что мне показалось пошлым просить какой-то напиток, в то время как недалеко от нас полиция раскопала и увезла останки Юлиана. Больше от рассеянности, чем от жажды, я пила красное вино из стакана для воды. Каждый небольшой глоток подавлял всхлип, имя когда-то давно любимого человека.

— Может, это и к лучшему, — сказала Маргрете в воцарившейся тишине.

— Что? — спросил Майк. У него был мрачный голос, подходящий под настроение и поздний час. — Что в этом хорошего?

— Ну, для старого Моргенрота теперь закончилась неизвестность. Кроме того... такая ужасная вещь, как сегодня, делает все остальное неважным, не так ли? Думаю, ты и Харри, должны, наконец, помириться.

Харри бросил на сестру мрачный взгляд. Майк, напротив, неожиданно позитивно отреагировал на предложение Маргрете.

— Ты права. Мы достаточно долго воевали, да, Харри? Именно сегодня, в память о Юлиане и нашей компании, мы должны заключить перемирие.

Прежде чем Харри успел что-либо сказать, у Жаклин вырвалось:

— Мне срочно нужна таблетка.

Ее глаза беспокойно поблескивали как у маленьких млекопитающих в конце пищевой цепи.

— Пьер, немедленно!

— В последнее время тебе нужно слишком много таблеток.

— Не ломайся, Пьер,— вмешался Майк, тем самым признаваясь, что уже давно знал с зависимости Жаклин.

— Ну ладно, давай быстро сходим ко мне,— неохотно сказал Пьер Маргрете и уходя, бросил мне извиняющийся взгляд.

Состояние Жаклин отошло для меня на второй план из-за возникшей где-то внутри смеси из тошноты, грусти по поводу смерти Юлиана и замешательстве от того, как мы вели себя в связи с этим за столом. Я не могла сказать точно, что мне мешало, но мне точно что-то мешало.

Маргрете, кряхтя, поднялась.

— Посмотрю, как там мама,— сказала она и оставила меня наедине с Харри и Майком.

После некоторого, очень неприятного для меня молчания, Майк сказал:

— Тебе, наверное, тяжелее всего, Лея.

Не успел он произнести эти слова, как у меня откуда-то из груди к горлу подступил горячий, обжигающий поток. Зажав рот рукой, я побежала в туалет, где из меня выплеснулась эта противная жидкость. Несколько минут я продолжала стоять на коленях, склонившись над унитазом.

Когда все прошло, и последняя капля вылилась из моего желудка, я поняла, что только что сидела за одним столом с убийцей.

Эта мысль постепенно приобретала четкие контуры. Если Юлиан был убит тридцать первого августа девяностого года и закопан именно во «дворце»... Почему вообще закопан? Только для того, чтобы все считали его пропавшим без вести... Кому это было выгодно? Почти не могло быть иначе... что... кто-то из его друзей...

Я встала, умылась и посмотрела на себя в зеркало.

Были ли мы вообще друзьями? Тысячу лет назад, перед расставаниями, обидами, изменениями, перед ударом судьбы? Мы были детьми, а в детском возрасте дружба часто бывает произвольной, не долгой. Переходишь в другой класс, переезжаешь в соседний город и на этом все. Когда мы уже не были детьми, с ноября восемьдесят девятого года, мы упивались возможностями, которые подносило нам на блюдечке будущее. В таком угаре каждый дружил с каждым, банкир и кассир, бизнес-леди и уборщица, убийца и его будущая жертва. На протяжении четверти века я хранила воспоминания о нашей дружбе, с годами они даже превратились в миф, а мифы, как известно, это часто повторяющаяся ложь, которую охотно слушают и передают дальше. То, что мы еще испытывали друг к другу, не имело ничего общего с дружбой.

Кому я еще могла доверять?

В дверь ванной комнаты постучал Пьер.

— Лея? С тобой все в порядке?

Я открыла.

— Да. Мне стало плохо от вина.

Вернувшись вместе с ним на кухню, я заметила две вещи: На столе перед Харри лежал порванный на мелкие кусочки чек, а в темном углу стоял полный человек с красным лицом.

— Меня зовут Мирослав Амманн,— представился он. — Главный комиссар.

Комиссар полиции Амманн объяснил нам на кухне у Маргрете, что, по всей видимости, покойным действительно являлся Юлиан. В его зимней куртке они нашли заржавевший брелок для ключей с его именем.

— Мы должны дождаться результатов судмедэкспертизы, — сообщил он, — но уже сейчас можно предположить, что молодой человек был убит тяжелым, тупым предметом. По всей видимости, у него раздроблена передняя, лобовая часть лица.

— О, боже, — прошептала я.

Не знаю почему, но после того, что я узнала, вся эта история стала для меня еще хуже. То, что Юлиан в момент смерти смотрел в глаза своего убийцы... какой ужас! А убийцей был кто-то, кого я еще пару часов назад считала своим другом или подругой.

— Вы понимаете, — сказал Амманн, — что я должен задать всем вам несколько вопросов. Господин Никель, я слышал, что ваша жена уже ушла спать. Наверняка ее шокировали последние события. Вы можете пойти к ней. Наш разговор может подождать до понедельника.

Майк не решался принимать это предложение. В какой-то степени, он все еще считал себя главным в нашей компании и, тем самым, нес за нас ответственность. По крайней мере, так я интерпретировала его нерешительность. Амманн снова заверил нас, что он и его коллеги будут опрашивать нас по одному, и Майку все равно нечего было бы делать кроме, как ждать. А он не хотел заставлять его ждать. Я вдруг вспомнила, каким Амманн был в молодости. Ужасным карьеристом, который готов был из кожи вон лезть, лишь бы понравиться любому, даже самому мелкому начальнику. Я несколько раз шутила про него дома, и вскоре Сабина бросила его. Тогда я приписывала эту заслугу себе, это был один из многих крошечных триумфов, которые я одерживала над старшей сестрой. Теперь я понимала, что Сабина оставила его по собственной воле.

Амманн крепко пожал Майку руку на прощание.

— Надеюсь, Ваша супруга скоро поправится. Мои наилучшие пожелания.

Лезть вон из кожи вышло из моды. Тем не менее, мне казалось, что я слышала этот звук издавека.

Несмотря на мой бледный, как у привидения цвет лица, Амманн, видимо, решил, что я в более подходящем состоянии для допроса, чем сильный и крепкий Майк. Он хотел обязательно начать с меня и собирался лично вести допрос. Казалось, он чувствовал мою антипатию и отвечал ей же. Наверное, поэтому он и хотел допрашивать меня сам, в то время как Пьера, Маргрете и Харри допрашивали его подчиненные. Мы вели разговор холодно вежливым тоном.

Большинство вопросов, которые он задавал мне в гостиной Петерсенов, я считала идиотскими. Например, путем безумно сложно сформулированных предложений, он пытался связать исчезновение Юлиана с моим отъездом в Аргентину несколько недель спустя. Я могла бы указать ему на то, что Жаклин и Майк тогда уехали с Пель еще до меня, но сдержалась. Вместо этого я спокойно изложила ему, что вряд ли стала бы ждать несколько месяцев, если бы убила Юлиана в припадке ярости. На его вопрос, что я делала тридцать первого августа девяностого года, ответила встречным вопросом, что он делал двадцать второго апреля девяносто первого года и вечером шестого октября девяносто второго.

Не говоря уже о том, что прошло слишком много времени, чтобы давать серьезный ответ на этот вопрос, те летние недели были для меня совершенно однообразными. Я бы ни за что не смогла вспомнить каждый отдельный вечер. Теми немногими особенностями, вздымавшимися из моря внутренней пустоты, являлись похороны родителей и знакомство с Карлосом. Даже первый секс с Карлосом я помнила смутно, тогда как секс с Юлианом

запомнился настолько, будто это было всего несколько дней назад.

Я не могла помочь Амманну и, хотя его задачей было найти убийцу Юлиана и тем самым отомстить за его смерть, я не желала ему в этом успеха. Этот тип даже как-то сблизил нас с Сабиной, по крайней мере, я была солидарна с ней в ее неприязни к этому человеку.

— Ваша сестра приходила ко мне несколько месяцев назад, Вы знали об этом? Мы немного поболтали о старых добрых временах, мы ведь даже встречались когда-то. Воспользовавшись случаем, я и с ней поговорил об исчезновении Юлиана Моргенрота, как коллега с коллегой. Это дело мне всегда казалось странным. Сабина тоже знала этого парня, вполне возможно, что она, на свой страх и риск, начала вести собственное расследование, но не рассчитала своих сил. Такое вполне возможно. Если бы она только подключила меня. Но она всегда была немного... трудной. В любом случае, после сегодняшней находки мы вернемся и к расследованию несчастного случая, в котором Сабина погибла, а Вы, госпожа Хернандез, получили тяжелые ранения.

Я верила ему только наполовину, но это была интересная информация. До этого момента я исходила из того, что причина моего первого приезда на Пёль, заключалась в том, что я хотела помочь Сабине в деле с участком земли. По крайней мере, так сказал Пьер, а Маргрете утверждала, что Сабина искала нового маклера. Конечно, для моей сестры эта причина могла являться лишь прикрытием так же, как и для меня. Но зачем, если сестра и я уже тогда не занимались расследованием на основе каких-то подозрений?

Я вспомнила слова моего психолога:

— Вы знаете это точно, или Вам так сказали?

Этот вопрос она задала мне по поводу Сабины и поиска документа, подтверждающего права собственности на участок земли, где стояли руины. Мне можно было рассказать все что угодно о том дне в мае, и я вынуждена была всему верить — или не верить совсем.

— Вы по-прежнему настаиваете, что ничего не помните?

Своим вопросом Амманн вернул меня в реальность. Опять эти пассивно-агрессивная конструкции предложения.

— Слово настаивать подразумевает, что это сознательное решение, — ответила я.

— Значит, Вы так ничего и не помните? Ни о Вашем приезде в мае, ни об аварии, ни с вечера, когда исчез Юлиан Моргенрот? Ну, как хотите.

— Что значит, как хотите. Это так и есть.

— Конечно, конечно. Я лишь надеюсь, госпожа Хернандез, что Вы не повторите ошибку Вашей сестры. Так как повезло Вам, везет только один раз в жизни. Хорошо подумайте над моими словами.

Четыре месяца назад

Для Сабины было чем-то нереальным, вот так внезапно и неожиданно стоять напротив сестры. Лея выглядела так же, как и раньше. Конечно, двадцать три года не прошли без следа, но ее стиль не изменился, а в красивом лице многое осталось от той восемнадцатилетней девушки, которую Сабина с тех пор больше не видела. На губах Леи была все та же ироничная улыбка, признак острого языка, которую Сабина ненавидела и иногда, даже побаивалась. У нее были черные, распущенные волосы. Гладкие и блестящие, они падали на элегантную блузку. Для прогулки по лугам Пёля, сестра была одета слишком нарядно.

Поначалу у Сабины было желание пнуть Лею по ноге. Во-первых, чтобы убедиться, что она действительно была здесь, и Сабине ничего не померещилось в этом духовном месте. Во-вторых, чтобы отомстить ей за тысячи издевок в детстве.

— Что ты здесь делаешь?

Это были первые слова, с которыми она обратилась к Лее.

— Вот это я называю сердечное приветствие. Ты не очень-то рада меня видеть.

— Мне кажется, твои последние слова были: «Оставь меня в покое».

— А твои: «Да ради Бога».

Лея улыбнулась и не успела Сабина оглянуться, как младшая сестра обняла ее, хотя бы только по тому, что того требовал протокол их встречи. Сначала она напряглась и нерешительно ответила на объятие.

— Я же не из стекла,— сказала Лея, заметив нерешительность старшей сестры.

— Да, с каких пор?

Сабина просто не могла вести себя по-другому. Как часто она перебирала в голове ссоры с Леей, бесчисленное количество раз мысленно повторяла их словесные перепалки. Поэтому теперь ей было невероятно тяжело переключиться и стать дружелюбной, хотя бы для видимости.

— Эта встреча ведь не случайна,— сказала Сабина.

— Нет, мне позвонили.

— Кто из твоих друзей?

— Никто.

— Окей, значит, не хочешь говорить. Ты приехала, чтобы повидаться со мной или дело в нашем участке, которому угрожает опасность?

Лея улыбнулась.

— Да.

Она подмигнула Сабине, которая, в ответ, закатила глаза.

— Ладно, так и быть,— сказала Лея. — Я обещала ничего не говорить, но... Мне позвонил какой-то растерянный человек, ухаживающий за престарелыми, некий Торбен. Он приложил немало усилий, чтобы раздобыть мой номер телефона, звонил даже бывшему мужу в Аргентине...

Сабина сердито прервала ее:

— Торбен Шляйхер попросил тебя приехать?

Она же потребовала от него не вмешиваться в это дело, а он...

— Когда это было?

— Сегодня утром. Видимо, старик Моргенрот настоял на том, чтобы он нашел меня. Торбен рассказал по телефону какую-то запутанную историю, что-то о Юлиане и странном расследовании и что ты здесь, и так далее, и тому подобное... Его звонок показался мне знаком судьбы. Я была в это время в Нормандии и сразу же поехала в Париж. Оттуда до Берлина рукой подать, если сравнивать с большими, далекими странами. Не долго думая, я прилетела, арендовала машину, и вот я здесь. Да и так уже пришло время встретиться, ты так не думаешь?

Лея смотрела на Сабину долгим, непривычно сентиментальным взглядом. Видимо, она и вправду всерьез говорила о разговоре и примирении. Многие люди жалеют только в конце жизни или, например, перед операцией на открытом сердце, что не протянули руку своим братьям или сестрам.

— Ты случайно не смертельно больна? — спросила она Лею напрямик.

— В твоём вопросе проскальзывает надежда или простое любопытство?

— Я хочу быть честной. Мне бы больше хотелось, чтобы вместо тебя здесь появился дикий индийский тигр.

Лея рассмеялась.

— Знаешь, а ты совсем не изменилась.

«Зато ты изменилась», — подумала Сабина. Отчего вдруг в ее голове всплыли и другие воспоминания, не те, что обычно? Поездки обеих сестер на рыболовецком судне отца, приготовление пищи вместе с матерью, игры с кошкой. Когда Лее было восемь лет, Сабина помогала ей делать домашние задания. Странно, она уже целую вечность не вспоминала об этом.

Все эти картинки в голове были для Сабины совсем не к стати. Вот уже тридцать лет у нее было постоянное мнение о Лее, незыблемое, словно залитое в бетон. Как известно, для людей нет ничего труднее и неприятнее, чем пересматривать свое мнение.

Но об этом не могло быть и речи. Одна ласточка весны не делает, а в протянутой руке нередко находился кинжал. Сабина все еще была настроена скептически.

— Скажи, а что ты делаешь, ползая на коленях? Садишь редиску? — спросила Лея.

Сабина криво улыбнулась.

— Я ищу трюфели.

— Как это я сама не догадалась! Серьезно, давай, выкладывай. То, чем ты тут занимаешься, ненормально даже для тебя.

— А чем я таким занимаюсь?

Лея вздохнула.

— Ты все мне усложняешь, знаешь?

— Разве я когда-либо выражала такое намерение?

— Ладно, тогда я оставлю тебя в покое, — грустно сказала Лея. — Было приятно увидеться с тобой. До встречи через двадцать три года.

Она развернулась, чтобы уйти.

Сабина вдруг рассердилась на саму себя. Может, если бы она дружелюбно повела себя с Леей, то тоже рассердилась бы на себя. Может, она просто попала на уловку, когда пошла за Леей, как делают родители, когда делают вид, что оставляют детей одних, чтобы заставить их идти дальше. Однако упираться дальше тоже было как-то по-детски.

— Подожди, — крикнула она. — Я пойду с тобой.

Они медленно пошли рядом в сторону Кальтенхузена. Пельские луга и поля снова погрузились в туман, подчеркивающий загадочную и одновременно ностальгическую атмосферу встречи.

— Я остановилась у Майка, — рассказала Лея. — Жаклин провела большую экскурсию по их замку, прежде чем я, наконец-то, смогла отвязаться от нее. Харри сказал, что, скорее всего, я найду тебя в руинах. Он выглядит каким-то странным, тебе не кажется? Как бы то ни было, от него я узнала, что наш «дворец» в опасности, и что ты вместе с ним пытаешься спасти его. Я нахожусь под большим впечатлением и предлагаю вам свою поддержку. Общими усилиями нам удастся остановить бесчинство старого Бальтуса, а заодно и сблизиться. Скажи теперь ты хоть что-нибудь.

— Не получается, потому что ты все время говоришь.

— Дурацкая привычка. Во время работы я часто молчу целыми днями, видимо, должна теперь как-то это компенсировать. Просто скажи, если тебе надоест моя болтовня.

Лея была совсем не такой, какой представляла ее себе Сабина. Внешне она была похожа на то изображение младшей сестры, которое было в памяти, но вот характер совершенно не соответствовал ее представлениям. По мнению Сабины, Лея должна была быть высокомерной. По крайней мере, раньше она была склонна к этому, а успех в профессии и все еще хорошие внешние данные должны были только усилить эту склонность. Но, как оказалось, Лея была общительной, дружелюбной, миролюбивой и, даже немного самокритичной. Когда она взяла Сабину под руку, этот жест словно на машине времени перенес ее в прошлое. Последний раз Лея делала это примерно двадцать пять лет назад, когда Сабина регулярно брала ее с собой к бухте. Там они с берега махали отцу и смотрели, как его лодка скользила в открытое море.

«Если бы мама и папа могли нас сейчас видеть», — думала Сабина, — «они бы безумно обрадовались». Одна эта мысль уже примирила ее с родителями, по крайней мере, на этом этапе. Путь к примирению с сестрой был, однако, более далеким и каменистым.

Когда Лея спросила, что за расследование ведется по поводу Юлиана, Сабина заняла выжидательную позицию. Не потому, что подозревала, что Лея могла иметь отношение к его исчезновению. Тогда у ее сестры были куда более важные заботы, чем Юлиан. Она была шокирована и опечалена смертью родителей, а незадолго до этого познакомилась с Карлосом. К моменту своего исчезновения, Юлиан уже давно перестал играть какую-либо роль в жизни Леи. Сабина не хотела посвящать младшую сестру, потому что не была уверена, что та будет держать язык за зубами.

Было очевидно, что Лея нуждалась в общении и скоро встретится с прежними друзьями, то есть теми людьми, среди которых, по мнению Сабины, мог находиться преступник. Если, конечно, вообще был преступник. Это была вторая причина, почему она не хотела делиться информацией с Леей. Сабина не хотела в очередной раз выглядеть проигравшей, полицейским с паранойей, которая из-за травмы и насильного перевода на новое место работы, страдала комплексом неполноценности и поэтому ей везде мерещились преступления. Ей было неважно, что о ней думал Мирослав Амманн. Но мнение Леи, оно не должно было быть неважным, оно всегда было важным для нее.

Сабина по-прежнему могла ошибаться. До сих пор она хоть и сосредоточенно вела расследование, но это все было как-то играючи, потому что не было психологического давления, направленного на достижение успеха. Теперь, когда Лея была в игре, все

изменилось. В одно мгновение, на расследование Сабины тяжелым грузом легли десятилетия их вражды и тени прошлого.

— Будет лучше, если ты сделаешь то, о чем тебя попросил Торбен Шляйхер, — ушла Сабина от ответа про Юлиана. — Поезжай к старому господину Моргенроту.

— Все это так таинственно.

— Да, подходящее слово.

Лея, вздохнув, посмотрела на часы.

— Скоро пять. Думаю, сегодня уже поздно для визитов, поеду завтра. Ну, так, что? Пойдем на чердак, найдем договор купли-продажи на участок с руинами, поставим на место старика Бальтуса, а заодно переосмыслим прошлое?

— Ты понимаешь, что это трудная сделка? То, что мы найдем там наверху, вовсе не шутки.

— Да ладно, мы не будем перегрызать друг другу глотки. А если что, с твоими лапами у тебя явное преимущество.

Лея подмигнула ей, чтобы подчеркнуть, что это была шутка. Остаток пути Сабина рассказывала ей, как повредила колено, а Лея историю своего брака с Карлосом и пережитого выкидыша.

— Я тогда была на пятом месяце... Я... У меня тогда был заказ — райские места и пещеры южной части Тихого океана, пляжи, люди, оставившие успешный бизнес, отказавшиеся от стремления к материальным благам, освободившиеся от всех обязательств, вулканы. Я спонтанно приняла его и облетела весь Тихий океан вдоль и поперек. Карлос с самого начала был против. Нельзя так много летать во время беременности, и я знала, на какой риск иду. Это случилось на Самоа, а затем последовал диагноз, что я больше никогда не смогу иметь детей. С той поры мой брак дал трещину. Подводя итог можно сказать — я все испортила сама, причем основательно.

Лея вздохнула и посмотрела на Сабину.

— Уже не в первый раз в жизни.

Впервые у Сабины зародилась мысль о том, что их сближение возможно и, даже близко. Сближение, начало которому положили печальные и трагические события в их жизнях, их слабости и ошибки.

Сентябрь 2013

Даже бессонной ночью, после обнаружения могилы, у меня из головы не выходил один вопрос: кому я еще могла доверять? Пьеру, который, видимо, не хотел, чтобы я оставалась на острове, и поэтому предлагал переехать ко мне в Аргентину? Майку, который устроил выставку по всей земле Мекленбург — Передняя Померания, чтобы удержать меня здесь? Маргрете, чье объяснение того, почему Сабина была здесь в мае, не соответствовало правде? Тем или иным образом, они все вызывали у меня подозрения, которые могли быть оправданными, а, может, и нет. Повсюду подстерегали ложь и полуправда, особенно большая неуверенность у меня была по поводу Пьера. В одно мгновение я поставила под вопрос его чувства и ухаживания.

Предположительно я вернулась к той же точке, где была четыре месяца назад. Или, скорее, я находилась в той точке, где была Сабина четыре месяца назад. Очевидно, что она позвала меня на Пёль из-за расследования исчезновения Юлиана, более того, как теперь выяснилось, убийства Юлиана. Было ли это расследование как-то связано с аварией? Если верить предупреждению Эдит, то да.

Во всем Кальтенхузене эта пожилая дама была единственным человеком, о котором я с уверенностью могла сказать, что она не обманывала и не желала мне ничего плохого. Не вдаваясь в детали, она сразу же после моего приезда посоветовала мне немедленно уехать назад и упомянула о втором шансе для меня.

В пять тридцать утра я решила, что должна обязательно еще раз поговорить с ней с глазу на глаз. Еще было слишком рано для визитов, но я просто не выдержала лежать в постели. Быстро одевшись, я на цыпочках, чтобы не разбудить Пьера, прокралась на улицу, где уже появилась утренняя заря.

Дом Петерсенов стоял буквально в двух шагах, с левой стороны. А находящиеся справа, окутанные туманом луга, шум моря вдали и крики чаек манили меня совершить прогулку. Но другой зов был куда сильнее. В действительности, из постели меня вытащили ни стремление получить ответы на свои вопросы, ни надежда, что в голове прояснится, если я окунусь в простую, зеленую красоту Пёльской природы.

Оба этих желания были сильны, но тем утром сильнее всего ощущалось нечто другое — меланхолия. Я прямо-таки испытывала желание окунуться в нее, накрыться грустью и воспоминаниями. Для меня Юлиан умер не двадцать три года, а прошлой ночью. А всю жизнь бойкотируемая мною сестра вдруг стала героем.

С тех пор как я несколько недель назад приехала на Пёль, я намеренно избегала одно место, постоянно придумывая отговорки, такие, как подготовка к вернисажу. Теперь же меня изо всех сил тянуло туда, где я могла почтить память Сабины и Юлиана, где хранились все личные вещи семьи Малер: на чердаке моего родительского дома. Я забралась туда через отверстие в потолке верхнего этажа, которое открыла с помощью багора¹⁶, после чего опустила вниз лестницу, ведущую на чердак.

Несмотря на ранний час, воздух наверху был теплым, а свет тусклым. Открыв люк на потолке, я попыталась избавиться от обеих неудобств, но, к сожалению, не особо удачно. При каждом шаге в воздух поднималась пыль, которой мне невольно пришлось дышать.

«Пока тут есть воздух, можно и потерпеть», — сказала я себе и вскоре перестала думать об этом.

Беспорядок на чердаке продолжился и внутри коробок. Шляпы моего отца лежали вместе с кухонными приборами «Комбината Шварценберг», диванные подушки и тряпки со стаканами, а кастрюли среди маминой одежды. Тогда все это упаковывала Сабина, потому что я уже уехала с Карлосом в Аргентину. Судя по хаотичному подбору предметов, моя сестра неохотно брала в руки все, что напоминало о наших умерших родителях. Так же чувствовалась ее спешка, как можно скорее покинуть Кальтенхузен. Вещи из моей комнаты, которые я за несколько недель до этого упаковала и отнесла на чердак, были также бездумно брошены в ящики. Мне то и дело попадались фотографии, чаще всего мои, а также фото родителей и моей кошки по имени Тигр. По количеству фотографий Сабина занимала последнее место.

Одна из немногих ее фотографий привлекла мое внимание. Я рассматривала ее несколько минут. На ней молоденькая Сабина лежала на животе на пляже, на лежаке, под голубым зонтиком. Возможно, это было в Венгрии, а, может, и в Болгарии. Одна рука была вытянута и сжата в кулак и хотя ей было всего тринадцать лет, ее импозантный вид напоминал эффектную гальюнскую фигуру¹⁷.

Совершенно неожиданно я вспомнила то мгновение, с которого, как я теперь поняла, и началась десятилетняя война, длящаяся более тридцати лет вражда между сестрами. Мне тогда было восемь лет, и я вдруг больше не могла выносить того, что у меня такая сильная сестра, которая даже мальчишкам могла дать отпор и отказывалась баловать милую, маленькую Лею, как это делали остальные. Она единственная из нас заполучила шезлонг, в то время как мы лежали на полотенцах на песке, и я решила отвоевать его себе. Я дулась и сердилась, плакала, закатывала истерики и, в конце концов, родители приказали Сабине отдать шезлонг мне. Я взобралась на него как маленький цезарь.

Момент прошел, но его влияние осталось. С тех пор мы быстро разошлись в разные стороны, уносимые совершенно разными эмоциональными течениями. В Сабине развилась наглость, во мне сарказм в общении с ней. Но в целом, меня восхищали в сестре ее телесная и душевная сила и то, что она везде и всюду добивалась уважения, даже от меня. Тем не менее, я делала все, чтобы подавить его, это удавалось мне только тогда, когда я особенно нагло вела себя с ней. В этом и заключалось ужасное противоречие — моя ревность, вызванная восхищением сестрой, его (восхищение) же и разрушало.

Даже находясь за океаном и по прошествии двух десятилетий, я носила в себе это бессмысленное, возникшее из-за каприза, чувство соперничества.

Какое доброе сердце скрывалось под грубой оболочкой Сабины, мне продемонстрировало другое фото. На нем у нее на коленях сидела моя кошка. В то время как я, не раздумывая, будила и прогоняла лежащего на мне Тигра, Сабина не решалась сделать это, даже если у нее готов был лопнуть мочевого пузырь.

Осознание всего этого причиняло боль, прежде всего потому, что мое позднее раскаяние больше никому не было нужно, кроме меня самой, что еще больше усиливало боль.

Собираясь отложить фотографии в сторону, я вдруг заметила на пыльном полу отпечаток обуви, который никак не мог быть моим. Это был след от грубого ботинка или сапога минимум сорок четвертого размера. Я провела по нему указательным пальцем, он оставлял очень тонкий след. Возможно, этот отпечаток был оставлен здесь примерно четыре

месяца назад.

Четыре месяца назад

Следы, которые оставляли на пыльном полу чердака ботинки Сабины, доставляли ей моральное неудобство. Этот размер обуви был у нее с двадцати лет, но редко когда собственные ноги были ей до такой степени неприятными. Должно быть, дело было в присутствии Леи. Даже по прошествии стольких лет, добившись успеха в профессии, зарядившись уверенностью в себе, успешно пережив поражения и победив комплексы, достаточно было того, что Лея шла сзади нее. Сабина сразу же начала стыдиться своего слишком большого размера ноги.

— Ты займешься этим рядом, а я этим, — приказала она, чтобы скрыть неуверенность.

— Есть! — отдала честь Лея и открыла первую картонную коробку. — Полное попадание. Одни папки и бумаги. Я в восторге, — вздохнула она, но не стала медлить с поиском почти восьмидесятилетнего договора на участок с руинами.

Некоторое время они молчали. Сабина обнаружила множество фотографий и хотела быстро отложить их в сторону. Но это заметила Лея, после чего вскочила и подбежала к ней.

— Покажи-ка, что на этих фотографиях?

— Лея, мы здесь, чтобы просматривать документы, а не фотографии.

— Ох, можно же совместить приятное с полезным...

— Приятное, ну да. Все равно почти на всех фотографиях изображена только ты одна.

Лея поставила руки в боки.

— Что ты этим хочешь сказать? — сказала она, смеясь. — Я же не виновата. Ты всегда терпеть не могла фотографироваться. Говорила, что ты не фотогеничная, что у тебя слишком большой нос, чугунные скулы и руки, как у Кинг-Конга.

Сабина горько улыбнулась.

— Золотце, это не я о себе говорила, а ты обо мне.

— О, точно?

— Да.

— О-ох.

— Ну, не так уж это и ужасно, что ты должна два раза говорить «Ох». Это все было так давно... Бритни Спирс даже не умела говорить, не то, что петь, а Леди Ди еще была замужем за принцем Чарльзом. Короче говоря, это происходило где-то в средние века.

— Тем не менее, мне очень жаль.

— Не страшно. Просто ищи дальше.

Лея вернулась к своим коробкам, но выглядела при этом немного подавленной.

— Видимо, я была настоящим чудовищем, да? — спросила она несколько минут спустя.

Сабина медлила с ответом, но, в конце концов, вздохнула и сказала:

— Что я могу сказать? Да, ты была такой. Но у меня было столько же возможностей, сколько и у тебя, чтобы прервать этот замкнутый круг и сделать шаг тебе навстречу. Я этого так и не сделала. Так что, чего уж там?

Они снова замолчали. Роясь в коробках, Сабина искала подходящие слова, чтобы навести мосты к Лее. Но в том, что касалось сестры, она была плохим строителем мостов. Ей просто ничего не приходило в голову.

А вот Лея наоборот. В воцарившейся тишине она сказала:

— Я ревновала тебя.

Сабина была в недоумении.

— Ты меня? Ревновала? Это что, шутка?

— Нет, я же говорю тебе. Я знаю, звучит странно, потому что раньше я получала все, что хотела и... Но вспомни же, Сабина. Как все было, когда я должна была идти учиться игре на рояле? Мама всегда настаивала, чтобы ты сопровождала меня. И это при том, что я уже была достаточно взрослой, чтобы после школы одной пройти двести метров. Папа тоже никогда не брал меня с собой на лодке в море, если тебя не было с нами. Он говорил, что у него нет времени следить за мной. Я бы могла назвать тебе сотни подобных примеров. Я даже не могла построить песочный замок без того, чтобы они не посылали тебя приглядывать за мной.

Сабина пожала плечами.

— Но ведь это нормально. Я же была старше.

— Да речь не об этом. Мама и папа знали, как мы друг к другу относимся и, тем не менее, были на сто процентов уверены, что в случае чего ты бы меня защитила. Более того, они знали, что ты бы смогла меня защитить. Что ты сохранишь хладнокровие, не важно, что произойдет. Меня они считали обворожительной, красивой, но одновременно слабой и ранимой. Когда мама и папа умерли, я через некоторое время бросилась на шею первому попавшемуся мужчине. Карлос... Он... Он бил меня еще в начале нашего брака. Я до сих пор никому об этом не рассказывала. У него были... сексуальные предпочтения, которые я не разделяла. И я все равно терпела. И при этом желала чтобы... ты... ты пришла и вытащила меня оттуда.

Сабина с открытым ртом слушала исповедь Леи. Особенно последняя фраза тронула или, даже скорее, потрясла ее настолько, что она не знала, как реагировать. Поблагодарить Лею за ее открытость, в свою очередь подобрать слова восхищения, навести справки о Карлосе? Она была до такой степени сбита с толку, что автоматически продолжила рыться в коробке, и обнаружила разыскиваемый документ еще до того, как успела сформулировать ответ.

— Не может быть! — крикнула она. Это действительно был договор купли-продажи, датируемый тридцатыми годами. — Мне кажется, я еще никогда не чувствовала себя так хорошо.

Она встала и после стольких лет обняла Лею в первый и одновременно последний раз в своей жизни.

Сентябрь 2013

После двух часов, проведенных на чердаке, я совершенно устала. Скорее всего, дело было в бессонной ночи и спертom воздухе, а главное, в воспоминаниях. Ничто так не выматывает, как позднее раскаяние и открытые вопросы, и всего этого у меня было предостаточно тем утром. В довершении ко всем неприятностям, я наткнулась на фотографии меня и Юлиана, так сказать мои первые художественные попытки в этой области. В основном это были эстетические фотографии наших обнаженных молодых, гладких, светлых тел. Под ними я обнаружила любовные письма Юлиана, свидетельства его романтической натуры. Прислонившись к мешку с одеждой, я пробежала глазами строки, где-то трогательно улыбалась, а некоторые места проглатывала как лекарство или мысленно переносилась в них. Истории, гимны, тексты песен и стихи сменялись нормальными письмами, под которые много лет назад я засыпала, лежа в кровати, и которые теперь, по прошествии стольких лет, вызывали болезненную улыбку.

«Он бы не ушел», — говорила я себе. Он бы не смог заставить меня ждать целый год. Но одно то, что у него вообще возникла мысль отправиться одному в путешествие по миру, разозлила меня. Так что, избалованный ребенок предпочел сломать куклу, до того как ее получил кто-то другой, пусть и временно. В конце концов, нас разлучила моя собственная гордость. «Гордость — извечный грех дураков» — как писал английский поэт Александр Поп.

Внезапно услышав чье-то дыхание и скрежет лестницы, я затаилась. Но никто не появился.

— Пьер? Это ты?

Раздался свист. Я не слышала эту мелодию целую вечность, однако сразу же узнала ее. Это был гимн, который когда-то сочинил Юлиан для нашей компании.

Когда я поднялась, свист прекратился, а спустившись вниз, я обнаружила, что в помещениях никого не было.

Мне нужно было внести ясность в свой приезд в мае, при этом я не могла обратиться к людям, которым не доверяла полностью, хотя, возможно, была и не права по отношению к ним. Полиция тоже не годилась в качестве собеседника, так как я практически ничего не могла им предъявить, кроме плохого предчувствия, предупреждения слегка слабоумной женщины и собственных фантазий. Ключом ко всему была Эдит Петерсен. Она что-то знала, в этом я была уверена. Что именно, о ком и как она это узнала — обо всем этом я не имела ни малейшего понятия. Но, может быть, я и переоценивала ее осведомленность и у нее была лишь крошечная часть пазла.

Подойдя к дому Петерсенов, я увидела, что машины Маргрете не было на своем месте, стояла только машина Харри. Я уже собралась позвонить, как вдруг заметила, что дверь была приоткрыта, как это часто бывало в Кальтенхузене в солнечные, теплые дни, где все с давних пор знали друг друга. Подняв руку, чтобы постучать, я увидела через дверную щель кухню, расположенную в конце темного коридора, где спиной ко мне сидел за столом Харри. Он ничего не делал, просто смотрел в одну точку перед собой.

Я вдруг поняла, что будет лучше остаться незамеченной. Что, если он будет настаивать

сопровождать меня к Эдит? Об этом я заранее не подумала. Ни с того, ни с сего у меня появился шанс незамеченной пробраться к Эдит.

Я на цыпочках подошла к лестнице. Так как я знала, что она скрипела, мне понадобилась целая вечность, чтобы прижимаясь к стене, прокрасться наверх.

Эдит смотрела телевизор, какой-то сериал с красными розами, клятвами в любви и проблемами богатой жизни. Заметив меня, она, видимо, какое-то время раздумывала, кто я, словно перебирала в голове карточки с именами. Через несколько секунд она нашла, наконец, имя, соответствующее моему облику.

— О, Лея, как мило, — сказала она и убавила звук телевизора. Как и несколько недель назад, Эдит протянула костлявую руку, и мне даже показалось, что она стала еще более обессиленной и безвольной. И вообще, пожилая дама выглядела более уставшей, слабой и какой-то обескровленной, чем во время моего первого визита.

— Ты пришла с Пьером? — спросила она.

— Нет, его со мной нет.

— Он мне нужен.

Вообще-то она имела в виду то, что нуждалась в его уколах и целом арсенале обезболивающих. Возможно, звучало слишком театрально, но, казалось, смерть уже заглядывала ей через плечо. Да еще этот резкий запах, который исходил от нее и пропитал не только комнату, но и весь дом. Еще прошлым вечером я ощутила этот неприятный запах ветхости и упадка. Конечно, Эдит была не виновата в этом и, наверняка, не хотела, чтобы ее жалели, но именно это чувство и испытывал каждый, кто посещал ее. Раньше женщину уважали, считали доброй, любящей детей, с чувством юмора, прилежной, сильной, смелой, жесткой. Все это осталось в прошлом. В настоящем было только сочувствие и больше ничего.

— Смотрите, что я нашла, когда разбирала старые вещи.

Я дала ей фотографию, сделанную примерно тридцать лет назад в ее саду: среди мальвы, помидоров и фасоли стояла смеющаяся Эдит, положив руки на плечи детей Кальтенхузена, как орлица, защищающая своих детенышей. Юлиан даже положил голову на руку Эдит, нежный жест, полный благодарности.

Я дала ей время рассмотреть фото, а сама встала к окну и выглянула в сад, который перестал быть таковым. Не было ни цветов, ни овощей, лужайка заросла клевером и мхом

— Тут и Сабина тоже, — сказала она, в конце концов.

Я кивнула. На фотографии моя сестра стояла позади нее. Она уже тогда была выше Эдит, и по ней было видно, что она не совсем вписывалась в общую компанию, хотя, возможно, и хотела бы этого. У Сабины была робкая, даже неуверенная улыбка, контрастирующая с ее обычным угрюмо-решительным выражением лица. Это один из тех редких снимков, где Сабина была запечатлена вместе с другими детьми. Поэтому я дала Эдит именно это фото. Оно позволяло мне перейти к вопросам, ответы на которые мне срочно нужно было выяснить.

— Харальд совсем не улыбается, — разочарованно сказала пожилая женщина. — Единственный. Опять ему что-то не нравится. Может, он не хотел делить меня с вами, как ты думаешь?

— Ничего не могу сказать на этот счет.

— Он уже в детстве был ужасно чувствительным. Когда с ним говорили начистоту, он на несколько дней уходил в себя, и даже, если его упаковывали в вату, он и ею умудрялся

пораниться. После Майка у него не было друзей. Но с Сабиной он хорошо ладил. Ах, Лея бедная твоя сестра. Почему я должна все это переживать? Почему мое тело такое упрямое? Я больше не хочу быть такой выносливой. Кто-то должен, наконец, задушить меня подушкой. Но они все трусливые. Слишком трусливые.

Она посмотрела на меня, будто искала в моих глазах смелость, которой не хватало ее детям. Разве это не ужасно? Единственное желание, которое было у этой женщины — умереть. Я могла ее понять, впрочем, как и тех, кого она называла трусливыми.

— Это не было обычным несчастным случаем? — совершенно неожиданно я сменила тему. — Нас кто-то преследовал? Поэтому мы ехали так быстро? Что Вам известно об этом?

Глаза Эдит беспокойно вспыхнули, может, потому что она уже ждала моего следующего вопроса. Я должна быть конкретнее. Некоторые вещи нельзя выяснить, если все время ходить вокруг да около.

— Эдит, несколько недель назад Вы предупреждали меня об опасности. Кого или что Вы имели в виду? Отчего исходит опасность?

Дыхание Эдит участилось, она слегка хрипела.

— О, Лея, если бы ты меньше спрашивала, а вместо этого последовала моему совету. Уезжай из Кальтенхузена сегодня, лучше прямо сейчас.

— Я знаю, Вы желаете мне добра. Но Вы должны сказать мне, что здесь происходит. Это как-то связано с убийством Юлиана? С его могилой в руинах, которую вчера ночью раскопала полиция? Мы с Сабиной узнали об этом в мае?

Эдит поднесла дрожащие руки ко рту, ее глаза были широко раскрыты.

— Что ты такое говоришь? — прохрипела она. — Юлиан... О, боже мой. Его...

Я медлила. Разве она еще ничего не знала?

— Да, его убили, это практически доказано, — с грустью, подтвердила я. — Убили и закопали. Двадцать три года назад.

— Двадцать три...

— Предположительно тридцать первого августа девяностого года.

Эдит вновь начала перебирать карточки в голове.

— Тридцать первого августа, — пробормотала она, полностью погрузившись в себя.

— Прошлой ночью мы случайно нашли его могилу. Меня удивляет, что Маргрете и Харальд еще ничего не сказали Вам об этом. Извините, что Вы таким образом...

Взгляд Эдит, в котором вдруг появился страх, был направлен куда-то позади меня.

Именно в этот момент перед моим мысленным взором вновь появились неподвижные кадры воспоминаний, которые, по мнению моего шверинского психолога, отражали события, произошедшие во время моего приезда в мае. Маргрете стояла перед кухонным столом на первом этаже. Она склонилась над ним, держа в руке кусок ткани, большое полотенце, которое набросила на что-то, лежавшее на столе. Харри стоял рядом с ней, бледный и растерянный...

Картинка угасла.

Я повернулась. В дверях комнаты Эдит с каменным лицом стояла Маргрете.

Четырьмя месяцами ранее

— Вау, ч-черт, не могу поверить, это б-безумие.

Харри держал в руках договор купли-продажи руин. Он прочитал каждое слово минимум три раза, проводя пальцем по подписям отца Бальтуса и дедушки Сабины и Леи. Он по очереди лучезарно улыбался Сабине, Маргрете и Лее, которые собрались вокруг документа на кухне у Петерсенов.

В конце концов, его взгляд снова остановился на Сабине.

— В-вот оно! Мы с-спасены! Это л-лучшее, что могло произойти! Черт, эй, это п-просто безумие.

Маргрете сказала глубоким, звучным голосом:

— Да, здорово. Успокойся уже.

Лея имела в виду то же самое, когда сказала:

— Это же не великая хартия вольностей, Харри, а просто договор о покупке пустыря.

Сабина могла его понять, наверное, единственная из всех. «Дворец» был для Харри символом, святыней, в которой хранилось лучшее, что было в его жизни — память. Наверняка другие члены группы тоже скучали по этим стенам, как многие люди во взрослом возрасте скучают по детской площадке, где раньше играли или по саду бабушки и дедушки, где летом срывали с деревьев вишни. Большинство вынуждено смириться с тем, что вещи не могут сохраняться вечно, они меняются, продаются, уступают место улице или парковке... Но у Харри было не так. Даже через тридцать лет он будет вспоминать в руинах молодость, каждый отдельный день. Может, он даже умрет там.

Он взял Сабину за руку.

— С-спасибо. Большое, большое спасибо. У тебя п-получилось супер.

— Не за что. Мне помогала Лея.

Харри и Лея кивнули друг другу, но их взгляды встретились лишь на мгновение. Они были чужими друг другу, разделенные не только двадцатью тремя годами, в течение которых не общались, но и тем, какой была их сегодняшняя жизнь. Жизнь Харри состояла из Пёля, руин монастыря и погребением умерших, жизнь его сестры — из труда и хлопот. Жизнь Леи, напротив, насколько могла судить Сабина, состояла из работы фотографом, художественного толкования различных объектов, в обращении с опытной, интернациональной публикой и, похоже, из флирта с красивыми мужчинами. В ветхом, как внутри, так и снаружи, доме Петерсенов, она выглядела как свежая лилия в букете засушенных цветов.

— У меня есть к тебе одна просьба, — обращаясь к Харри, сказала Сабина.

— В-все, что хочешь, — подтвердил он.

— Я хочу, чтобы мы все вместе провели вечер. Еще сегодня.

— К-классная идея! — крикнул Харри. — У нас все-таки есть повод отпраздновать.

— Говоря все, я имею в виду всех тогдашних детей Кальтенхузена, короче, вашу компанию и меня.

— Ч-черт.

Это ругательство, конечно, предназначалось Майку.

— Черт, — повторил Харри, закрыв лицо руками.

Маргрете толкнула его в бок.

— Да ладно, не веди себя так. Тебе все-таки удалось сохранить эту дурацкую груду камней, ради этого можно и переступить через себя. Кроме того, вам и, правда, уже пора пожать друг другу руки. Вы же не можете вечно...

— Л-ладно, все, я тебя услышал, — прикрикнул Харри на сестру.

— Не плохо. Но вот понял ли ты?

Харри внимательно рассматривал документ, который держал в руках, ощупывал бумагу, после чего снова бросил на Сабину благодарный взгляд.

— Хорошо. Д-договорились, — он встал. — Но прежде я хочу посмотреть на глупое лицо Бальтуса, когда принесу ему благую весть.

Сабина взяла договор и, сложив, убрала его в карман кофты. Втроем они смотрели из окна кухни, как Харри, словно веселый мальчишка, выбежал из дома и окунулся в сумерки, опустившиеся на Кальтенхузен.

— Я удивлена, — сказала Лея, дотронувшись до плеча Сабины. — Приятно удивлена. Предложение провести вместе вечер, могло быть высказано и мною.

Сабина улыбнулась. Для того, что она намеревалась сделать, такой вечер был просто необходим. Но, к сожалению, вечер не будет хорошим.

Сентябрь 2013

Маргрете силой вытащила Лею из комнаты матери. Она испытывала глубокую неприязнь по отношению к своей бывшей подруге, которую выразила одним единственным жестом, толкнув Лею в сторону лестницы. Та чуть не упала, но вовремя успела схватиться за поручни.

— Слушай, что это значит? — спросила Лея.

Ничего не сказав, Маргрете прогнала ее вниз по лестнице.

Еще когда они были детьми, Маргрете недолго любила Лею и поэтому иногда, катаясь на велосипеде, оттесняла ее к канаве, и выдавала все это за случайность, чтобы не злить Майка. Потому что Майк, да и вообще все, любили Лею больше, чем она заслуживала, даже мать Маргрете. А кто тысячу раз помогал Харри и Майку выбираться из какой-нибудь неприятной истории? Она, Маргрете. Кто тогда больше всех помогал с расчисткой этих проклятых руин, не боясь ни шипов, ни крапивы? Маргрете. Кто достал запчасти для отслужившего свой век велосипеда Майка и починил его? Кто несколько раз стаскивал дурацкую кошку Леи с дерева? Кто мотивировал Жаклин заняться спортом? Кто обеспечивал алиби Юлиану, когда он хотел тайком встретиться с Леей? Маргрете, одна Маргрете. Наряду с Майком, она была самой активной, самой смелой, прилежной и надежной.

Но как это часто бывает в несправедливом мире — любят не тех, кто старается, а тех, кто очаровывает собой. Их улыбка уравнивает тысячу часов напряженной работы, а одно слово сто поступков. Лея была хрупкой, поэтому автоматически вызывала у парней защитные инстинкты, которые охотно принимала. А если она закидывала голову назад, смеялась и трясла волосами, то вообще была самой красивой девушкой в округе. Так как ее мать происходила из образованной, городской семьи, Лея много читала и грамотно разговаривала. Помимо всего прочего, у нее было чутье, как расположить к себе других людей. Она всегда напоминала Маргрете конькобежку, изобилующую талантом и красотой, которой достаточно пробежать восьмерку, чтобы получить десятку, а те, кто старался изо всех сил, должен был довольствоваться семеркой.

Но все это в те времена имело одно смягчающее обстоятельство, а именно то, что дом и участок Петерсенов вместе с руинами был центром и самым частым местом встречи их компании, а мать Маргрете взяла на себя роль доброй покровительницы. В связи с этим Маргрете чувствовала себя более значимой.

В настоящем все было по-другому. Сегодня Жаклин пила чай «Пингпонг» в тени японского клена, Пьер изо дня в день сидел в белом халате и одноразовых перчатках в своем белом приемном кабинете, где получал сто евро за рукопожатие, а Майк вообще был владыкой острова. У Маргрете, напротив, не было ничего, кроме работы уборщицей, придурковатого брата и угасающей матери, которую она уже тысячу раз мысленно спрашивала:

— Когда ты, наконец, помрешь?

Еще никогда Маргрете не воспринимала свою жизнь такой жалкой и убогой, как в тот момент, когда Лея, похожая на ангела, появилась из ниоткуда, красивая, эффектная, бойкая.

В доме Маргрете, над которым висел серый саван тягостных будней, Лея выглядела как фреска в мрачном гараже.

Уже по одной этой причине, она бы охотно столкнула Лею с лестницы, чтобы завершить то, чего не сделала авария. Маргрете понимала, что в ней говорила зависть и недоброжелательность. Но радоваться чьему-то успеху было в тысячу раз легче, когда сам можешь продемонстрировать успех. Но Маргрете уже давно не хватало сил на доброту.

В тот день к ее общей ненависти добавилась еще и ненависть особая.

— Кто дал тебе право рассказывать маме о Юлиане? — накричала она на Лею, едва за ними закрылась дверь в кухню.

— Извини, я думала, вы уже давно рассказали ей. Почему бы и нет?

— Тебе, видимо, не пришло в голову, что это могло бы ужасно взволновать ее.

— Но когда-то же она должна узнать об этом.

— Ах, да? Кто это сказал? И кто принимает такое решение? Уж не ты ли?

Маргрете несколько раз тыкнула пальцем себе в грудь.

— Только я могу решать, мадам. Все, что касается мамы, решаю я.

— Я не понимаю твоего волнения. Почему Эдит не должна знать, что произошло с Юлианом?

Маргрете ушла от ответа.

— Кто тебя вообще пустил к ней?

— Харри сидел как в трансе на том стуле. Я не хотела ему мешать и...

— Когда я пришла, его здесь не было. И в его комнате тоже. Где, черт побери, опять пропадает этот идиот?

— Это вопрос не ко мне. Как я уже сказала, четверть часа назад он еще был здесь.

Внутри Маргрете как ядовитый бульон кипела ярость, и она не знала на кого лучше выплеснуть ее — на Харри, Лею или старого Бальтуса, который своей вчерашней выходкой и заварил всю эту кашу. В конце концов, удар приняла на себя грязная посуда, за которую взялась Маргрете, словно у нее с ней были открытые счета.

Целую минуту Маргрете не делала ничего другого, и когда она уже думала, что непрощенная гостья ушла, Лея подошла к ней, взяла полотенце и начала вытирать тарелки и стаканы. Этот жест еще больше разозлил Маргрете.

— Прости, — сказала Лея, и хотя Маргрете по прежнему стояла, повернув к ней свою широкую спину, продолжила: — Я подумала, может нам всем собраться сегодня вечером и немного поговорить о старых временах.

— Для чего все это? — пробурчала Маргрете.

— Из-за Юлиана, ты же знаешь. У нас так много хороших общих воспоминаний. Например, о десятом ноябре восемьдесят девятого года. Это была идея Юлиана в тот вечер выкрикивать наши желания в небо.

— Да, абсолютно дурацкая идея, — сказала Маргрете.

— Я считаю твое высказывание слишком грубым.

— Ну и что, он же все равно не слышит.

Иногда Маргрете не выносила саму себя, презирала свой язык, который звучал так, как будто она была из глухой местности, не тронутой цивилизацией. Но такова была нищета, глухая и беспощадная.

— Мы все в этом участвовали, — терпеливо продолжала Лея. — И ты тоже. Я точно помню, будто это было сегодня. Ты смело встала под дождь...

— ...и говорила всякие глупости.

— Желания никогда не бывают умными. В этом-то и заключается вся прелесть.

Маргрете закатила глаза и бросила щетку в воду. Так мог говорить только тот, чьи желания исполнились и еще жили. Ее желания, напротив, начали медленно умирать сразу, как она закончила школу домоводства. Она хотела поехать гувернанткой в Париж, затем в Марокко, Болонью, Рим... Но не успела Маргрете получить аттестат, как Эдит заболела раком кишечника, и, конечно же, она не могла бросить мать в такие трудные времена. Одна за другой, всевозможные болезни набросились на ее мать как хищники. Тогда у них впервые возникли финансовые трудности и, так получилось, что Маргрете и ее мечты, и желания медленно разошлись в разные стороны, а потом и вовсе потеряли друг друга из виду.

Лея сказала:

— Маргрете, я хотела сказать, что восхищаюсь тем, что ты делаешь. Многие дочери на твоём месте уже давно сдали бы Эдит в дом престарелых. Я бы так не смогла, так как слишком эгоистична для такого. Это требует не человеческих душевных и телесных сил, а взамен иногда не получаешь даже благодарности. Я снимаю перед тобой шляпу и ...

— О, пожалуйста, — сказала Маргрете, оттирая засохшую поварешку щеткой. — Оставь это подхалимство. Ты, именно ты, появляешься здесь ни с того ни с сего через двадцать три года, произносишь напыщенные речи, и все сразу увиваются вокруг тебя. Майк организовывает тебе фотовыставку, Жаклин приглашает на чай, Пьер засовывает тебе язык в рот... и кто его знает, что еще...

— Уровень нашей беседы стремительно падает.

— Это мой дом, у меня здесь свой уровень. Знаешь, сколько раз Жаклин приглашала меня? Ни разу. Мне никто ничего не бросает вслед, кроме дерьма, которое есть в этом мире.

«Противно», — думала она про саму себя. Маргрете как будто смешала все пренебрежение, все покрывшиеся плесенью мечты и фантомную боль, сварила, а потом ложками ела этот горький соус. Те же воспоминания, которые заставляли жить ее брата, пожирала Маргрете изнутри.

— Мне тоже не всегда было легко, — оправдывалась Лея, но тем самым только усугубила ситуацию.

Маргрете громко и глухо засмеялась.

— Ты даже не представляешь, как тебе было легко.

— О, Маргрете, ты видишь только то, что хочешь видеть, а именно красивые стороны моей жизни. Ты также завидуешь моему выкидышу одиннадцать лет назад? Или второму, четыре месяца назад?

— Да, — на полном серьезе ответила Маргрете.

Лея узнала, что такое любовь и, по крайней мере, на несколько месяцев, материнство. Сильную, отдающую в сердце боль из-за потерянного ребенка, Маргрете охотно поменяла бы на свою собственную, глухую, фантомную боль. Много лет назад она любила одного единственного мужчину, но была отвергнута. После того как Лея двадцать три года назад отказала Юлиану быть его девушкой, Маргрете в первый и единственный раз «вышла из укрытия» и предложила себя ему в качестве замены. Однако он лишь покачал головой. Конечно, они были бы странной парой, крепкая, сильная Валькирия и музыкальный романтик. Но разве они не могли хотя бы попытаться? Вместо этого просто качание головой. На этом все.

— А авария, в которую я попала? — допытывалась Лея. — Ты и этому тоже завидуешь?

Маргрете больше не хотела продолжать разговор.

— Знаешь что, Лея? Оставь это. Честно, ты до того действуешь мне на нервы этой твоей умудренностью жизненным опытом, дурацкими изречениями из календаря и литературными цитатами. Вот это, — она что-то достала из кармана, — единственная помощь, которая может мне понадобиться, а не твоя пустая болтовня.

Она показала ей чек на пять тысяч евро, который выписал ей Майк. Маргрете без зазрения совести приняла деньги, в отличие от своего брата, который днем ранее порвал на кусочки чек, который дал ему Майк в знак примирения.

Она бережно убрала чек обратно в карман штанов.

— Ты ничего не поняла, Лея, совсем ничего, и если бы ты не была вместе с Пьером, я бы давно тебе врезала. Все-таки он мне еще друг. А ты... ты никогда не была моей подругой. Ты в шоке? Дать тебе ромашкового чаю для успокоения? Или имбирного печенья? Вон! Убирайся!

— Маргрете...

— Никаких Маргрете. Давай, вон из моей кухни, пока я окончательно не вышла из себя. Не хочу тебя больше видеть.

Маргрете держала себя в руках, до тех пор, пока Лея не покинула дом и прилегающий к нему участок. На пару секунд воцарилась абсолютная тишина, часы и те стояли уже несколько дней. До нее донесся запах помоев вместе с таким родным и одновременно ненавистным запахом затхлости старого дома.

— Юлиан, — сказала она голосом, в котором слышалась грусть, которую Маргрете всегда скрывала от окружающих и себя самой. — Юлиан.

Бывший друг был живее, чем в последние двадцать лет. Он словно вернулся назад.

Одновременно он был мертв. Он был мертв. Мертв.

Одним единственным, сильным движением руки, Маргрете сбросила всю посуду на пол, где она с грохотом разбилась на осколки.

В поездке в Визмар тошнота распространялась во мне так же, как и накануне вечером. Она началась в желудке и медленно поднималась вверх, как обжигающая и крепкая водка.

Когда я остановила машину, меня вырвало.

Спор с Маргрете дался мне тяжело. Так, как она, со мной еще никто не разговаривал, эта открытая враждебность пугала и была мне совершенно чужда. Вдобавок ко всему, Маргрете, возможно, была права, даже если не во всем и уж точно не в манере, в которой представляла свою точку зрения. Ее однообразная, повседневная жизнь столкнулась с моим пестрым бытием, так как у меня, в прямом смысле, не было рутинной жизни. Каждый заказ, работа, день был другим. Это была огромная милость. Та, которая могла заставить других завидовать.

Маргрете ошибалась, если полагала, что люди становятся счастливыми, как только их желания осуществляются. Но так все ее желания остались невыполненными, она, конечно, не могла этого знать. С давних пор она смотрела на запертую дверь, за которой находилась, по ее мнению, лучшая жизнь. Тем не менее, это миф – лучшая жизнь находится всегда по эту сторону двери.

Вопреки всем возражениям, до сих пор у меня была намного более легкая жизнь, чем у Маргрете. Я видела мир, встретила очень много разных людей, мне не приходилось за что-то бороться. Достаточно часто вещи и люди доставались мне просто так, вероятно, так же, как и я им, с легкостью и большим оптимизмом летела навстречу. Однако это таит опасность того, что человек замыкается на этом качестве и в какой-то момент смотрит сверху вниз на тех, кто не смог стать таким.

Была ли я раньше таким человеком? Боюсь, что да. При этом значительную роль сыграли гены моей дрезденской матери, чей отец был скульптором, веселый характер, доставшийся мне от отца, а также деньги и контакты Карлоса сделали меня такой.

Только авария и последовавшие за этим мучения изменили меня. Я смотрела в небо, где собирались ласточки для своего длительного полета на юг и выписывали иероглифы в слегка расплывчатом, ранне-осеннем синем цвете неба. Когда несколько месяцев назад они прилетели на остров, Сабина была еще жива, да и Юлиан, казалось, тоже.

Мне нужно было плечо, на котором я могла бы выплакаться, так сильно на меня повлияла агрессия Маргрете. Конечно же, первым делом мне в голову пришел Пьер, которого я избегала с прошлой ночи и по которому, тем не менее, по-прежнему тосковала. Но сначала я должна была уладить в Визмаре два дела, которые не давали мне покоя.

В визмарской больнице меня еще хорошо помнили. То, что я пережила автомобильную катастрофу, рассматривали там как маленькое чудо, но также и как результат компетентного и профессионального лечения. Я согласилась с ними от всего сердца и потрясла всех врачам, а также всем санитарам и сестрам руку. Мое желание посмотреть дело об аварии, удовлетворили только после короткого промедления и предшествующей консультацией с главным врачом. Последний лично передал мне документы, при этом его взгляд словно бы спрашивал меня: «Вы действительно хотите этого?»

Я не хотела, но мне пришлось. Что я искала, мне было не ясно и самой. Что-нибудь, что объясняло бы мне аварию или, по меньшей мере, приблизило к объяснению. Посещение Эдит не помогло мне в деле. Она, казалось, знала что-то, но с другой стороны была

абсолютно не осведомлена, как показала ее реакция на обнаружение тупа Юлиана. Во время нашей первой встречи несколько недель назад, она в присутствии Маргрете сделала вид, что сбита с толку, чтобы потом при первой возможности предупредить меня. То, что она даже нынче не стала конкретной, могло иметь только две причины. Либо она испытывала ужасный страх. Только перед чем? Такая женщина как Эдит, которая умоляла, чтобы ее придушили подушкой, едва ли могла бы бояться за свою жизнь. Гораздо вероятнее было второе объяснение. Она пыталась кого-то защитить.

Фотографии с места аварии, на которых была запечатлена я, были ужасными и сильно подействовали на меня. Только при виде их я со всей полнотой почувствовала чудо своего спасения. Невероятно, что из этого сгустка крови я снова стала собой прежней, по крайней мере, внешне. Длинный список описанных травм также был впечатляющим. Особенно внимательно я читала отчет санитаров скорой помощи, которые прибыли на место аварии через двадцать минут после происшествия вместе с пожарной охраной. Однако они отметили, что первая медицинская помощь была оказана тем, кто также передал экстренный вызов: доктором Пьером Фельдтом.

До настоящего момента я не интересовалась тем, кто обнаружил аварию и сообщил об этом. Я думала, что это был кто-то, проезжавший мимо.

Пьер говорил мне, что отвез Жаклин в больницу из-за начавшегося у нее аллергического приступа, а Сабина и я следовали за ними на некотором расстоянии.

Я поинтересовалась у главного врача, был ли Пьер в тот день на дежурстве, но, как выяснилось, нет... Если никто не звонил ему из спасательных служб, и он ехал впереди на приличном расстоянии, как тогда он заметил аварию? Как мог оказать мне первую помощь?

— Вы знаете Жаклин Бальтус или скорее, она известна как Жаклин Никель? — спросила я.

— О, да, дама уже была моей пациенткой, — сказал главный врач, и что-то в его лице подсказало мне, что он не особенно дорожил встречей с ней.

— Я знаю, что вы обязаны не разглашать, но... Мне известно, что у Жаклин аллергия на орехи. Ночью, когда я пострадала от несчастного случая, Жаклин тоже была доставлена к вам?

— Нет, я бы знал об этом, — ответил он, потом недолго что-то напечатал на своем ноутбуке и подтвердил мне следующее: — В ту ночь в наше заведение она точно не обращалась.

После прошедшей ночи мое недоверие к своим бывшим друзьям было неясным, из-за раздутого предупреждения Эдит, покушения на жизнь Жаклин и некоторых небольших несоответствий. То, что Пьер врал мне о том, что касалось ночи аварии, больше не было маленькой неувязочкой и ранило меня глубже, чем неожиданная и открытая неприязнь Маргрете. Я в один момент осталась без друзей. Хуже того, я чувствовала угрозу от тех людей, с которыми еще вчера ела и пила, танцевала, веселилась и даже спала под одной крышей. Мой мир рухнул, который и без того в течение нескольких недель существовал из одного лишь маленького Кальтенхусена и горстки его жителей.

В принципе, я знала теперь не намного больше, чем до посещения больницы. Ни о событиях в ночь аварии, ни о часах перед этим, я не узнала больше того, что уже и так знала. Разумеется, теперь я знала, что могла полагаться только на саму себя и свои собственные ответы. Это, в свою очередь заставляло меня не сдаваться. Я больше не буду довольствоваться половинчатыми объяснениями.

Несколькими неделями раньше я попросила Пьера, чтобы он узнал для меня, в какое заведение был помещен отец Юлиана. То, что он до сих пор не дал мне никакой информации и, наверное, надеялся, что я забыла об этом, подходило под общую картину. Не долго думая, я сделала короткий звонок Фриде Шойненвирт, оператору бензоколонки и давнего друга семьи Моргенрот и сразу получила желаемый адрес.

Учреждение «Причал» находилось всего в нескольких кварталах от клиники и я сразу поехала туда. Когда у стойки регистрации я поинтересовалась, могу ли навестить Ханса Моргенрота, администратор протянула мне руку.

— Вы родственница?

— Нет, скорее, хорошая знакомая.

— Тем не менее, мои искренние соболезнования.

Ханс Моргенрот заснул и не проснулся примерно час назад, вскоре после того как полиция сообщила ему о смерти сына. По сведениям его санитара Торбена Шлейхера, чиновники не были уверены в том, понял ли он их вообще. Очевидно, он хорошо все понял. Его смерть уничтожила одну из без того немногих возможностей, которые у меня еще оставались, чтобы узнать о произошедшем четыре месяца назад. И о произошедшем двадцать три года назад. С другой стороны, я была рада, что смерть Ханса Моргенрота была мягкой и быстрой после того, как он узнал о печальной судьбе своего сына. Должен ли он был еще дальше томиться жизнью, которая больше ничего ему не предлагала?

Торбен Шлейхер странно нервировал меня. Мы обменялись только несколькими предложениями и, когда я хотела с ним попрощаться, он сказал:

— Могу я поговорить с Вами наедине? За чашкой кофе?

— Конечно. О чем пойдет речь?

— О вашей сестре.

Торбен Шлейхер и я сели на берегу канала в ресторане, недалеко от «Причала», который к полудню хорошо посещался. Я по-прежнему ощущала тошноту, поэтому заказала чай из лекарственных трав, а Торбен капучино. Молодой человек выглядел подавленным, будто понес личную потерю.

— Вы давно знали господина Моргенрота? – спросила я.

— Четыре года. Я был ответственен за него с того дня, как начал здесь работать, — он ненадолго остановился. — Ответственный, это звучит так... отстраненно. Я любил Ханса больше, чем двух своих дедушек.

— Это заметно. Как долго он был в приюте?

— Почти десять лет.

— Красивый дом, светлый и чистый. Что-то в этом роде в Германии называют «Ухоженным», я полагаю.

Я попыталась улыбнуться, чтобы немного развеселить Торбена, но он на это не отреагировал. На самом деле, в тот момент я думала только о том, о чем он хотел со мной поговорить. Слишком много произошло за последние двадцать четыре часа с тех пор, как я поехала с Пьером на открытие выставки. Из-за обилия больших вопросов уже не оставалось места для маленьких.

Пока официант подавал на стол напитки, мы молчали. Торбен играл ложкой в молочной пене. Потом он неожиданно поднял на меня свой взгляд.

— Я виноват, — сказал он.

— Виноват? В чем?

— Во всем.

Я ждала более подробного объяснения, но так и не дождавшись, спросила:

— Во всем? Даже в плохих отметках PISA¹⁸, недостатке квалифицированных рабочих и землетрясении в Японии?

— В том, что все это произошло таким образом. Если бы я не был настолько глуп, ваша сестра еще была бы жива, и вам не пришлось бы так страдать столько месяцев.

Он настолько энергично отодвинул от себя чашку с капучино, что содержимое пролилось под тарелку. Я решила оставить свои ироничные замечания при себе и дала Торбину время, в котором он нуждался.

Через полминуты он начал снова. Немного волнительным, совершенно несчастным голосом он объяснил мне, что уловкой заманил Сабину на Пёль, где она сначала встретила Ханса Моргенрота, а затем начала расследовать исчезновение Юлиана.

— Я знаю, что Вы сейчас скажете: что это еще далеко не повод чувствовать себя виноватым, и что ваша сестра по доброй воле решила расследовать дело.

— Так и есть. Если я правильно вас поняла, то вы полагаете, что авария и расследование Сабины связаны.

— Да.

— Как вы пришли к такому выводу? Вы видели мою сестру еще раз после первой встречи?

— Нет. В этом-то все и дело! – взволнованно воскликнул он. – Она говорила мне, чтобы я не впутывался в это дело. Но я этого не сделал. Я позвонил Вам.

— Мне?

Он проделал большую работу по поиску информации, потратил пятьдесят евро на телефонную связь и нашел через испаноязычную подругу номер телефона Карлоса.

— Ваш бывший муж после некоторых колебаний дал мне ваш номер телефона. А утром...

— Это были вы? — совершенно пораженная, вскрикнула я.

Он посмотрел в карамелизованную пену своего капучино.

— Вы находились где-то на открытом воздухе, я слышал ветер.

— В Нормандии, возле Этрета.

— Я кратко объяснил Вам, кто я и что звоню от Ханса Моргенрота. Что он хотел бы Вас видеть. Что речь идет о его исчезнувшем сыне. И то, что я уже задействовал вашу сестру. Честно говоря, речь шла не только о том, чтобы сделать Хансу одолжение и свести вас вместе, но и сделать что-то хорошее вашей сестре. Она намекнула мне, что вы двое уже давно не общались...

— Что я ответила?

— Собственно немного. Вы поблагодарили, потом говорили что-то о заказе, о том, что у вас нет времени, и ничего не можете обещать. После разговора я был немного разочарован. А потом, один или два дня спустя, я прочитал в газете об аварии и о смерти вашей сестры... И о Вас. Это определенно не случайность, что вы пострадали в результате несчастного случая вскоре после вашего приезда. Это дурно пахнет. Должно быть, Вы с сестрой что-то выяснили.

Торбен развивал свою теорию, которая была вдохновлена тысячами фильмов, тысячами погонь, которые всегда заканчивались авариями. Мне снова вспомнилась картина, которая несколько дней назад предстала перед моим мысленным взором: две фары при взгляде через

заднее стекло. Может, нас с Сабиной кто-то преследовал и оттеснил с проезжей части? Полиция не нашла никаких указаний на вину третьих лиц.

Пока этот вопрос возникал в моей голове и Торбен рассказывал дальше, перед моим мысленным взором снова сверкнул еще один стоп-кадр: то же место, я на переднем сидении рядом с водителем, Сабина рядом со мной за рулем. Снова две фары. И все-таки, это был не один и тот же кадр. Так как в этот раз я видела капот автомобиля, в котором сидела. Фары в ночи, они приближались навстречу, прямо на нас.

— О, — я застонала и вздрогнула.

Щенячий взгляд Торбена остановился на мне.

— Мне очень жаль. Я... не думал, что это будет так тяготить Вас, — он грыз свои обкусанные ногти. — Несколько дней назад в газете кое-что писали о Вас. Там сообщали о фото выставке и... только оттуда я узнал, что вы снова приехали на Пёль и... и... амнезия?

Я выпила остатки своего травяного чая и кивнула.

— Вы не должны извиняться. Ни за что, понимаете? Разве из-за Вас мы врезались в дерево? Нет. Тело Юлиана Моргенрота нашли, его отец был прав, и вы делали только то, о чем Вас просил смертельно больной.

Я взяла свою сумочку, положила на стол десятку и встала.

— В течение последних лет вы были другом господину Моргенроту и его единственным счастьем, — сказала я на прощание Торбену. — Вы безмолвный герой этой истории.

Он остался сидеть, согнувшись над чашкой и едва заметно улыбался. Возможно, мне это только показалось.

— Если вы так думаете... Но есть еще одно, — сказал он, когда я уже сделала шаг. — Ну да, мне всегда было интересно, как Хансу был по карману «Причал». Он сам спрашивал себя об этом, потому что у него была маленькая пенсия. Мы предполагали, что здесь был замешан его официальный опекун, какой-нибудь сухой тип из какого-нибудь ведомства. Во всяком случае, так он однажды мимоходом намекал. Но до конца я ему никогда не верил. Давеча один тип из ведомства был в приюте из-за смерти Ханса и когда он отвлекся, я бросил взгляд в документы. Кто-то без ведома Ханса на протяжении десяти лет платил за его место в нашем приюте.

Торбен протянул мне листок.

— Вот, я записал его имя.

До сих пор сентябрь на побережье Балтийского моря проявлял себя только с лучшей стороны... Почти каждый день с момента моего прибытия был теплым и солнечным, несмотря на туманные утренние часы, которые мне так нравились. Но в тот день, когда я ехала из Визмара на Пёль, подул сильный ветер. Когда я приехала в руины, из низко висящих облаков иногда падали холодные дождевые капли, а ветер хлестал по равнинному острову. Вот и заканчивалось лето, которое поставило мою жизнь с ног на голову. Я прошла тысячу испытаний и при этом отдалилась от женщины, которой была, не нашла свою новую идентичность. Я потеряла и одновременно вновь обрела сестру, встретила с прошлым, влюбилась...

На протяжении трех недель мои мысли также вращались и вокруг Пьера, каждый день, ночь перед сном и утро при пробуждении. Я повсюду таскала его с собой, с моими фото сафари, в своем родном доме, когда бывала в гостях то тут, то там. Я представляла себе, как могла бы выглядеть наша совместная жизнь в его доме на Пёль, со мной, как с женой доктора.

Велопробег весной, морское побережье летом, долгие, ветреные прогулки осенью, горячий пунш с хрустящими кусочками сахара зимой, секс перед потрескивающим огнем в камине и различные другие романтические ситуации. Как ни странно, я видела нас двоих только на острове и больше нигде. До того момента, когда нашли Юлиана. Тогда я поняла — больше не смогу жить ни на Пёле, ни в Кальтенхузене. Пьер, словно предчувствуя катастрофу, несколькими часами ранее заявил мне о намерении уехать вместе со мной куда-нибудь. Он сам сказал: «Мы оба в этом месте». Это претило ему.

Все прошло так, как, по моему мнению, должны проходить любовные истории: ни слишком быстро, ни слишком медленно, ни слишком легко, ни слишком тяжело.

И теперь, с каждым часом, в мою любовь примешивалось чувство, которому не было в ней места — страх. Можно ли было бояться кого-то, кого любишь, и можно ли было искренне любить кого-то, кого боишься?

Да, можно.

Я ожидала Пьера у входа во дворец, под аркой ворот. Полчаса назад я послала ему смс, зная, что он придет.

— Почему ты хотела увидеть меня именно здесь? — спросил он, когда появился. Он снял свою белую одежду врача и был одет в джинсы, легкий черный пуловер с глубоким вырезом, в котором так вызывающе хорошо выглядел. — Мы могли бы прекрасно где-нибудь пообедать. Как все прошло? У меня есть час на перерыв. Для тебя полтора.

— С любимым другим я бы действительно встретила в общественном месте, — ответила я. — С Майком, Маргрете, Харри, Жаклин... Но с тобой я должна была встретиться здесь понимаешь? Потому что люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, но... О чем ты говоришь?

— Если бы я встретила с тобой в публичном месте, это был бы конец отношениям. Это значило бы, что мой страх перед тобой больше, чем любовь к тебе. Долго раздумывала, и вот я здесь.

Большинство людей посчитали бы меня довольно безрассудной — встречаться с Пьером в таком удаленном месте. Разыгрывал ли он что-то передо мной в течение трех недель? Так ли хорош он был в этом? Повсюду можно услышать о том, что такое возможно с брачными аферистами, которые выманивали у трех женщин за три месяца около тридцати тысяч евро, или с прелюбодеями, которые удивляли свою жену в день свадьбы цветами и украшениями, а часом раньше лежали в постели секретарши. Если я ошибалась в Пьере, то могла потерять гораздо больше, чем будущее с ним, я могла потерять свое собственное будущее.

Я сказала:

— Ты убил Юлиана.

Это выглядело так, будто я ударила его по голове вошедшей в поговорку доской. Несколько секунд он не произносил ни слова. Пьер уклонялся от моего взгляда, слегка наклонился вперед, положил руку на свой лоб и, когда снова взглянул на меня, мерцание его глаз слегка потускнело.

— Лея, — только и сказал он, сопровождая слова беспомощным жестом.

— Я узнала, что ты платил за нахождение Ханса Моргенрота в приюте. Тысячу девятьсот евро ежемесячно на протяжении десяти лет. Ты не состоишь с ним в родстве и дружбе. В заведении тебя не знают, что означает, что ты ни разу не посетил отца Юлиана. Что, если не твоя совесть, подтолкнула тебя потратить какие-то «ничтожные» две тысячи евро на кого-то, кто был тебе не более чем бывшим соседом?

Он по-прежнему ничего не говорил, это означало, что он мне не противоречил. А этого я желала сейчас больше, чем чего-либо другого.

— Ты любил меня уже тогда, не так ли? – спросила я. – И поэтому последовал за Юлианом во дворец? Вы спорили? Речь шла обо мне? Но почему? Я уже больше не была с ним.

— Лея, ты... ты не понимаешь.

— Что я не понимаю?

Он подошел ко мне, а я остановилась. Но когда он попытался коснуться меня, меня снова охватил страх, и я отступила.

— Я не убивал Юлиана, — сказал он тяжело и мучительно, будто должен был вырвать из плоти каждое слово.

Не знаю почему, но я поверила ему. Но что самое сумасшедшее, я сказала:

— Я не верю тебе.

Если я подозревала Пьера в том, что он является убийцей, было бы логичнее подыграть ему в том, что я ему верю, хотя втайне я лучше это знала. Вся эта встреча была не логичной, так же, как и возвращение на Пель, игнорирование советов моего шверинского врача, моя любовь к моему раннему другу детства Пьеру...

— Если ты все равно не веришь мне, что все это значит? – сердито спросил он.

— Ты всегда так быстро сдаешься? Убеди меня, что я обвинила тебя несправедливо.

— Лея, все гораздо сложнее, чем ты думаешь...

— Я выгляжу так, что могу понимать только простые вещи? Значит, ты знаешь что-то о смерти Юлиана? – спросила я.

Он кивнул.

— Ты знаешь, кто убил его?

Через некоторое время он снова кивнул.

— И ты участвовал в этом?

— Да... Нет... Но я же сказал, что это сложно.

— Как бы не так! Ты – соучастник убийства. И это не намного лучше, чем убийца!

Последнее слово я прокричала Пьеру в лицо прежде, чем развернулась и побежала от него во внутреннюю часть руин. Я снова резко повернулась к нему. Он следовал за мной, но держал дистанцию в два шага.

— Кто это был? – кричала я. – Майк? Харри?

Он не отвечал, и неожиданно у меня возникла невероятная мысль.

Закрыв рот рукой, я застонала:

— О, Боже.

В тот момент мы с Пьером были в телепатической связи, потому что он знал без слов, какое подозрение появилось у меня, и немедленно подтвердил его.

— Вы все были там, — прошептала я, потому что мне отказывал мой голос. Я откашлялась и сглотнула. – Он на совести у вас всех.

Я не хотела больше ничего слышать и закрыла свои уши. Когда Пьер дотронулся до

моего плеча, я оттолкнула его. У меня закружилась голова, затем потемнело в глазах. Я присела, закрыла лицо руками и неподвижно сидела так какое-то время. Только когда Пьер снова коснулся меня, я вскочила.

— Оставьте меня в покое! — закричала я на него. — Оставьте меня все в покое, вы — монстры! Как вы могли опуститься так низко? Что такого сделал вам Юлиан, что вы коварно убили его и жалко зарыли под кустом?

Я не стремилась получить ответ. Мои вопросы были скорее упреками, освободительными криками, слезами гнева. Все больше погружалась внутрь себя, в свою скорбь и ярость, вплоть до истерики. Не оставила Пьеру ни малейшего шанса что-то ответить.

Я просто хотела уйти прочь, куда-нибудь, для начала к моей машине. Чтобы не проходить мимо Пьера, я бросилась в противоположном направлении, чтобы покинуть «дворец» другой дорогой, а не через арку ворот.

— Лея, остановись! — закричал позади меня Пьер. — Лея, послушай меня, пожалуйста. Лея, остановись же. Не туда! Там полицейское оцепление. Лея!

И в самом деле, перед следующим двором, где обнаружили труп Юлиана, висела оградительная лента. Но она не помешала мне идти дальше.

Зато помешало кое-что другое. Я почти споткнулась об это.

Прямо передо мной лежало безжизненное тело человека.

Четыре месяца назад

Созванный Сабиной вечер с грилем состоялся на террасе у Майка и Жаклин. Все собрались в то фантастическое время, когда луга и пастбища окунаются в нереальный свет. Близкое море было серым и черным, а вдаль скользил призрачный, окутанный туманом силуэт грузового судна. В воздухе стоял слабый запах травы.

Было довольно прохладно, чтобы сидеть на улице, но все были одеты тепло, да и два газовых обогревателя, которые установил Майк, давали достаточно тепла. Гриль был — конечно же! — не простой, а встроенный в наружный камин, который всех впечатлил и был на все лады восхвален своим владельцем.

Майк явно наслаждался тем, что старая компания собралась почти в полном составе. Не хватало только Юлиана. Тем не менее, по существу он был главной персоной вечера, хотя об этом еще не подозревал никто, кроме Сабины.

Невнимательному наблюдателю могло бы показаться, что это была обычная встреча друзей, знакомых и соседей. Мясо, сосиски и нанизанные на шампуры овощи лежали на гриле, а Жаклин чересчур усердно занималась напитками, так что ничей стакан не оставался пустым дольше десяти секунд. Поначалу разговоры вращались вокруг неожиданного приезда Леи и спасении «дворца» от нападения старого Бальтуса. Потом раскопали какие-то старые истории, чтобы разрядить обстановку. Это было действительно необходимо. В скором времени Сабина заметила, что встреча была немного натянутой и зажатой.

Жаклин, которую Сабина увидела этим вечером впервые с молодости, заметно нервничала. Она нервно двигалась, избегала долго смотреть в глаза, а если смеялась, то это звучало неестественно, словно кто-то под столом ударял ее по ноге, требуя быть более веселой. Однако ее смех постоянно прерывался внезапными фазами молчания. То, как она ковыряла вилкой в еде, наводило на мысль, что ее тошнит. Маргрете была более постоянной. Она полностью отказалась от смеха и молча жуя, сидела, склонившись над элегантной тарелкой в стиле Веджвуд¹⁹, полной сосисок и салата. Каждые двадцать минут она звонила Эдит, чтобы удостовериться, что с ней все в порядке.

Майк же напротив как мастер по грилю внимательно следил за тем, чтобы вечер был компанейский, и не возникало длинных пауз в разговоре. Он даже пытался привлечь Харри, но тот упорно держался рядом с Сабиной. То же самое было и с Пьером, который не отходил от Леи. Весь вечер Сабина сосредоточенно наблюдала за собравшимися за столом, ожидая подходящего момента, чтобы «взорвать бомбу». Время от времени она просто погружалась в собственные мысли и чувства. Например, отдавалась красоте, с которой темнота медленно опускалась на Пель и море, или впечатляюще роскошному звездному небу, плавно переходящему в дальние гирлянды огней материка.

Сабина на минуту задумалась о своих родителях и о том, как они вечерами часто сидели в саду и смотрели в ночное небо. Когда окно было открыто, их тихое бормотание слышалось в комнате Сабины, и в такие моменты она мечтала однажды также сидеть рядом с мужчиной.

Она бросила взгляд на Лею, который та не заметила, да и не должна была заметить. Сабина была бесконечно рада последним часам, которые вернули ей сестру, которые в

общем-то только сейчас подарили ей настоящую сестру. В этот вечер Сабина чувствовала в себе достаточно сил и силы воли, чтобы все болезненные воспоминания выбросить в ведро и поджечь.

Когда догорели угли в гриле, когда Маргрете собралась уходить, ознаменовав тем самым окончание их совместного времяпрепровождения, Сабина посчитала, что наступил подходящий момент, чтобы поджечь следующую ступень.

— Как вам всем известно, с сегодняшнего дня участок с руинами снова принадлежит мне... точнее говоря Лее и мне. Поэтому мы можем делать с ним, все что хотим. Я собираюсь там копать, прямо завтра с утра,— объявила она.

Несколько секунд все молчали.

— Копать? — удивленно спросила Лея. — Зачем? «Дворец» уже и так давно превратился в цветочный сад.

— Я не хочу ничего сажать. Хочу заняться поисками.

— Поисками чего? Думаешь, там зарыты сокровища пирата Штёртебекера?

— Нет, там зарыта тайна. Ты даже не догадываешься, Лея, но я думаю, что кое-кто из здесь присутствующих знает, что я там найду.

Сабина по очереди смотрела на лица стоящих вокруг. Жаклин была слегка взволнована, а Харри нервно тербил нижнюю губу, в то время как Майк, Пьер и Маргрете просто наморщили лбы, как делают люди, когда кто-то говорит загадками.

— Знаете, что мне кажется странным? — спросила она. — Имя Юлиан этим вечером не было произнесено ни разу. При этом он же практически сидел с нами за столом. И даже в некоторой степени сидел на столе.

— Я... не понимаю,— сказала Лея. — Копать, Юлиан... О чем ты говоришь?

— Я бы тоже хотел это узнать,— раздраженно крикнул Майк.

Он сделал решительный шаг в сторону Сабины, но на нее он не произвел никакого впечатления, и она в свою очередь выступила вперед. Некоторое время они стояли друг против друга как два боксера, в ожидании удара в колокол.

Но их отвлекла Жаклин, которая соскочила с места, дрожа всем телом, с неестественно распахнутыми глазами. С ее губ беззвучно срывались слова.

Лея, стоявшая рядом с ней, дотронулась до ее плеча.

— Жаклин, что с тобой?

Жаклин вырвалась.

— Юлиан... О, нет... Боже мой... Чайки...

Ее тело дергалось, словно его било током, движения были прерывистые и хаотичные, она делала шаги то в одну, то в другую сторону.

Майк грубо схватил ее.

— Что это значит? Возьми себя в руки! Не делай из себя посмешище.

Она закричала, будто ей кто-то втыкал иголки в тело, а потом начала горько плакать.

Майк бросил нетерпеливый взгляд на Пьера.

— Ты врач. Сделай что-нибудь!

Пьер кивнул.

— Ей нужно успокоительное.

— То, что она принимает, почти не помогает. При том, что это итак сильнодействующее средство.

— Понятно,— сказал Пьер. — К сожалению, по-настоящему сильнодействующее

средство, которое было у меня дома, я отдал Эдит. Я отвезу ее к себе в приемный кабинет. Кто-то должен помочь мне довести ее до машины.

Майк перепоручил это Маргрете и пока Жаклин, поддерживая с двух сторон, уводили, он набросился на Сабину:

— Теперь ты довольна? Из-за твоих беспочвенных подозрений у моей жены случился нервный срыв.

— Мне жаль, что Жаклин в таком состоянии, но... Я не сказала ничего особенного, кроме как о раскопках во «дворце» и о Юлиане. Все остальное Жаклин нафантазировала себе сама.

— Это ты здесь фантазируешь.

— Я никого ни в чем не обвиняла, а на своем участке я могу копать сколько душе угодно. Ах да, пока не забыла, я проведу ночь поблизости от «дворца», чтобы удостовериться, что я единственная веду там раскопки. Кстати, у меня с собой заряженное оружие. А сейчас, доброй ночи, приятных снов.

С этими словами она развернулась в сторону садовой тропинки и ушла.

— Ты с ума сошла! — крикнул Майк вслед, но она проигнорировала его.

Пройдя несколько метров, Сабина еще раз оглянулась и вопросительно посмотрела на Лею.

— Ты идешь?

На мгновение Лея засомневалась, что ей делать. Неожиданный поворот, который приняла встреча с друзьями, объявление Сабины, приступ Жаклин и взбесившийся Майк, застали ее врасплох.

Все еще под влиянием произошедшего, она кивнула.

— Конечно.

Сабина почувствовала облегчение от того, что не потеряла вновь обретенную сестру.

Сентябрь 2013

Возможно, это звучит странно, возмутительно и бессердечно, но это было именно так. Этот очередной шок, это безжизненное тело у моих ног, почти не тронуло меня эмоционально. Тяжелая авария, месяцы полные мучений, смерть Сабины, предупреждение Эдит, все эти воспоминания, ненависть Маргрете, обнаружение трупа Юлиана, то, что я узнала совсем недавно и получила тому подтверждение, и не в последнюю очередь разочарование в любви — все это негативно сказалось на моих нервах и чувствах. Для человека, неподвижно лежавшего у моих ног, у меня уже не осталось никаких ощущений. Мне было все равно, жив ли он еще. Я не испытывала к нему жалости, может быть потому, что этим человеком был Харри, один из убийц.

Пьер протиснулся мимо меня и обследовал тело. Несколько секунд, я застыв на месте, наблюдала за ним. И вдруг увидела пустой шприц, лежавший рядом с Харри.

Пьер взглянул на меня.

— Он мертв.

— Так вот значит как,— ответила я холодным тоном и вдруг вспомнила остатки орехов в чае Жаклин. — Теперь вы убиваете друг друга, да? Что было в шприце? Яд?

— Я не знаю.

— Лжец! — крикнула я, повернулась и как можно быстрее побежала прочь.

Я припарковала машину примерно в двухстах метрах и ринулась туда короткой дорогой. Поспешно перелезла через стрельчатое окошко руины, пробежала через подлесок и перепрыгнула через небольшую канаву, разделявшую два пастбища. Я думала, что бежала достаточно быстро, но добравшись до автомобиля, я увидела, что Пьер бежал прямо за мной.

Я начала лихорадочно рыться в карманах брюк и куртки в поисках ключа, но не нашла его. Это дало Пьеру возможность для уговоров.

— Да подожди ты. Я правда не знаю, что случилось с Харри.

— Ты не хотел, чтобы я шла в заднюю часть руин, даже пытался остановить меня.

— Потому что там перекрыто и я хотел кое-что объяснить тебе.

Я презрительно усмехнулась.

— Да, конечно. А как же шприц? Ты постоянно такими пользуешься. Кто следующий, Пьер? Может я?

— Не говори глупостей,— напустился он на меня. — Если бы я хотел тебя убить, то уже давно мог бы это сделать, разве не так? У меня в голове не укладывается, что за разговор мы здесь ведем, и что ты вообще думаешь, что я способен на убийство.

— Ты забываешь Юлиана. И Харри.

Я наконец нашла ключ во внутреннем кармане куртки, открыла машину и села.

— Куда ты хочешь ехать? — спросил Пьер.

— Как, куда? В полицию. Я обнаружила труп и горстку убийц в придачу.

Я с силой захлопнула дверь и закрылась изнутри. Последнее даже было лишним, потому что Пьер вовсе не пытался удержать меня. Однако он поехал за мной. Его машина была припаркована всего в нескольких метрах от моей, он сразу же повернул следом за мной на шоссе.

Я увеличила скорость, ехала слишком быстро. С той же скоростью в моей голове проносились подозрения. Глядя в зеркало заднего вида, я задалась вопросом, преследовал ли Пьер меня тогда, в ту роковую, майскую ночь четыре месяца назад. Но мне так и не удалось привести в порядок мысли. Слишком много трупов: Юлиан, теперь Харри, тогда Сабина. Кто преследовал меня и сестру? И кто был за рулем второй машины, ехавшей нам навстречу? В предыдущие три недели Пьер был для меня чем-то вроде доски для потерпевшего кораблекрушение. Я чувствовала себя совершенно потерянной, неуверенной, а его симпатия и забота хоть как-то поддерживали меня.

Я снова прибавила скорость на узком шоссе, спидометр показывал сто десять километров в час, но не обращала на это никакого внимания. Я никогда не ездила быстро, скорее это было присуще Сабине. У нее были железные нервы, наверно такой и должен быть полицейский.

Мне навстречу сигналил двигался трактор и лишь на последней секунде мне удалось уйти от столкновения.

Пьера нигде не было видно. Может у меня был беспочвенный страх перед ним. Может и моя любовь к нему тоже была беспричинной.

Я ошибалась в Пьере? У него, по крайней мере, были угрызения совести, стоившие ему двухсот тысяч евро.

Нет, Пьер не был плохим человеком. Странно, но он по-прежнему был мне близок, я даже доверяла ему.

И одновременно я от него убегала.

Как раз в этот момент я впервые подумала: я сумасшедшая. Я не знаю, что делаю и, самое главное, почему я это делаю. Мой мозг беспрестанно работал и пытался анализировать. Но на деле, я не одну мысль не могла додумать до конца.

Красный свет светофора на окраине Визмара был виной тому, что автомобиль Пьера снова стоял прямо за мной. Когда я повернулась, наши взгляды встретились, и я вновь подумала: я люблю тебя. Черт возьми, я люблю этого сообщника убийства.

Мы одновременно вышли из машин перед комиссариатом и вместе подошли к вахтеру. Тем не менее, я полностью игнорировала Пьера.

— Я бы хотела поговорить с главным комиссаром Амманном, — попросила я.

Вахтер, одетый в форму, перенаправил меня к другому сотруднику, так как Мирослава Амманна по воскресеньям не было в бюро. Он открыл нам дверь и попросил подождать в коридоре. Видимо, он подумал, что мы с Пьером пришли вместе и по одному и тому же вопросу. Я не стала утверждать обратное, но отказывалась даже взглянуть на Пьера.

В коридоре полицейского участка стояли примерно десять стульев, на двоих из них сидела молодая пара, которых тут же позвали в бюро, как только мы заняли места.

Едва мы остались наедине, Пьер сказал тихим, слегка нервным тоном:

— Хорошо, я скажу тебе, что произошло двадцать три года назад.

31 Августа 1990 года

В саду дома Петерсенов стрекочут влюбленные сверчки. На улице ни ветерка, воздух тяжел от запаха летних духов, запаха роз и мальвы, кустов лаванды, подсолнухов и пышных кустов, увешанных спелыми помидорами. На старых садовых стульях посреди пышной зелени они сидят вместе: Маргрете и Харри, Майк, Жаклин и Пьер. Наклонившись

вперед, они что-то тихо бормочут, цедят сквозь зубы, ругаются.

— Продавали наркотики? — спрашивает Маргрете, обращаясь к Харри. — Ты и Майк? Ты в своем уме? Извини, последний вопрос был лишним.

— Да ты п-посмотри, сколько денег,— оправдывается он и протягивает сестре двенадцать купюр по пятьдесят марок каждая, которые она, не веря своим глазам, пересчитывает.

— Откуда у вас столько денег? — спрашивает она Пьера и Жаклин слишком громко, на что Майк грубо одергивает ее.

— Черт, Маргрете, что если нас услышит твоя мать?

— Она сидит перед телевизором и смотрит «Место преступления». Еще раз, как вы достали столько денег?

Жаклин пожмает плечами.

— Родители Пьера перевели ему на счет кругленькую сумму на учебу в следующем году, и он даст мне кредит. Боже мой, не делай такое лицо, мы всего лишь принимаем героин. Это легкие наркотики по сравнению с другими. Или как?

Она вопросительно смотрит на остальных.

Все молчат.

— Я правильно понимаю, — говорит Маргрете. — Вы двое, — она указывает на Майка и Харри, — снабжаете этих двоих, — она указывает на Жаклин и Пьера, — героином.

— Конечно не их одних, это было бы смешно, — добавляет Майк. — У нас приблизительно сто клиентов на острове, в Визмаре и окрестностях, Жаклин и Пьер всег лишь двое из них. Наркотики мы забираем каждые две недели из Любека и на мотоцикле перевозим их через внутригерманскую границу. Ее сейчас почти не контролируют. Слушайте, может уже перейдем к нашей непосредственной проблеме? Юлиан хочет пойти в полицию и заявить на нас. Черт, мы должны помешать этому.

— Ну, — говорит Маргрете, скрестив крепкие руки на широкой груди. — Это не моя проблема, Майк.

— Но она может стать твоей, если твой брат попадет в тюрьму. Разве ты не хочешь в школу домоводства? Без зарплаты Харри, твоя мать не сможет оплатить тебе образование в Берлине.

— Идиот, — шипит Маргрете, рассерженно поглядывая на брата.

— Кто-то должен образумить Юлиана, — говорит Жаклин. — Поговорить с ним, убедить. Наверняка это будет не сложно.

— Меня он точно не послушает, — говорит Маргрете. — Я только сегодня с ним поссорилась.

О чем, она умолчала, в конце концов, не нужно никому было знать об ее унижении. Юлиан улыбаясь отказался от предложения, взять в путешествие ее, вместо Леи.

— Лея может повлиять на него гораздо больше всех нас. Она должна поговорить с ним, — предлагает Пьер.

Майк качает головой.

— После смерти родителей она совсем дошла, ничем не интересуется, постоянно сидит дома. С Юлианом у них тоже испортились отношения. Нет, не вижу, как она может нам помочь.

— Эй, разве это так ужасно, что он напишет на нас з-заявление? — спрашивает

Харри. — Мы же можем с-спрятать наркотики и все отрицать.

— Такую чушь мог придумать только ты, — проворчала Маргрете. — Они в первую очередь протестируют Жаклин и Пьера на наркотики, одно за другим и не успеешь оглянуться, как будешь пойман. Тебя и Майка упекут за решетку, Пьер может забыть о медицине, а Жаклин так отдубасит отец, что сломает ей все кости. И тем не менее мой дорогой брат считает, что все не так уж и плохо.

Какое-то время они продолжают спорить. Солнце уже начало клониться за горизонт, свежий ветерок принес прохладу и разогнал облака. Кто-то предлагает всем вместе поговорить с Юлианом, но никто особо не верит, что это что-то даст. Юлиан всегда был идеалистом, искренним и придерживающимся принципов. То, чем занимаются Харри и Майк, для него ужасное преступление, хуже того, предательство их дружбы. Возможно, он даже думает, что сделает Жаклин и Пьеру одолжение, рассказав, что они употребляют наркотики, потому что тогда у них бы было больше шансов бросить. Минуты проходят в бесплодной дискуссии, пока Пьер краем глаза не замечает движение. Из открытого окна кухни медленно высовывается маленькая голова. Пьер, Майк, Харри, Маргрете, Жаклин — один за другим они поворачиваются к Эдит, облокотившуюся на оконную раму.

Она говорит:

— Я займусь этим.

И тут же переходит от слов к делу. Они видели издали как Юлиан шел ко «дворцу», и в ту же минуту туда направляется Эдит. Сначала, чтобы поговорить с ним. Но по дороге через пастбища, в медленно надвигающихся сумерках, она меняет решение. Что, если ей не удастся убедить его? Если он убежит от нее? Это единственная возможность застать его одного. Завтра будет уже поздно, Юлиан пойдет в полицию.

Дойдя до «дворца», она берет из стены кирпич. Эдит делает это ради сына, только ради него, ради Харри, которого она любит, который без нее совершенно не приспособлен к жизни. У бедного мальчика ничего не получается, он постоянно терпит неудачу. А тюрьма оставит на нем отпечаток на долгие годы и десятилетия.

Нет!

Изо всех сил своего маленького, худого тела, она размахивается и ударяет Юлиана по голове. Кирпич разламывается на части, а Юлиан падает на землю.

На протяжении минуты Эдит стоит неподвижно. В ее голове мелькают тысячи картинок: маленький Юлиан у нее на коленях, Юлиан, улетающий ее пирог, посыпанный сахарным песком, Юлиан, протягивающий ей букет полевых цветов, Юлиан, поющий ей песню...

Эдит наклоняется, проверяет пульс, которого уже нет, и убирает с красивого лица Юлиана завиток светлых волос.

— Эдит?

Ее имя вырывается у меня громко, как крик, который словно эхо продолжает звучать во мне: Эдит, Эдит, Эдит... Потом мне вдруг показалось, что я услышала свое собственное имя и увидела перед собой Эдит, такой, какой она была раньше. В моем воспоминании она стоит

у забора, машет, чтобы я подошла к ней, дает мне какие-то вкусности и спрашивает о родителях, моих занятиях на пианино, оценках. Запах пирога струится из кухонного окна, смешиваясь с запахом моря. Я слышу смех Эдит, слегка хриплый и очень сердечный, чувствую тяжесть ее шершавой, домохозяйской руки. Ее серые глаза нежно смотрят на меня и на мальчика рядом со мной, Юлиана. На прощание она еще раз смеется, прежде чем этот фальшивый смех замолкнет навсегда.

Кто бы мог тогда подумать, что в этой женщине есть нечто плохое, что ей хватило одного повода, чтобы броситься вперед как гадюка и убить?

Все уже никогда не будет так, как прежде. Воспоминания о детстве у меня всегда были связаны с Эдит. Эдит — смеющаяся, пекущая пироги, готовящая обед, всегда в хорошем настроении. К этим хорошим воспоминаниям пару недель назад добавились нынешние чувства: сочувствие, немного печаль об ушедших днях, беспомощность... Теперь, к смеси этих чувств прибавилось совсем иное ощущение — жуткая ненависть к женщине, которая в один ностальгический, летний вечер намеренно лишила жизни молодого человека.

Как разделить эти чувства? Невозможно. Они смешались навечно.

Было заметно, что и Пьер чувствует то же самое, с той лишь разницей, что с этими противоречивыми чувствами он жил уже более двадцати лет.

— Я избавился от наркозависимости во время учебы, собственными силами. Но то, что сделала с нами Эдит, разрушало нас так же, как наркотики. Недавно она просила меня покончить с ее страданиями. Для Эдит из нашего детства, я бы без промедления сделал это. Но эта женщина умерла в конце августа девяностого года. Отказывая ей в пощаде легкой смерти, я таким образом мщу ей.

Я закрыла лицо руками, всхлипнула и заплакала жгучими слезами. Подняв голову через некоторое время, я сказала:

— Я хочу услышать всю историю.

Пьер грустно кивнул, набрал в легкие воздуха и начал рассказывать.

Друзья нетерпеливо ждали в кухне Петерсенов. Когда Эдит вернулась, была уже глубокая ночь. Она как обычно не стала ходить вокруг да около. Конечно, они не сразу поверили ей, а подумали, что это была всего лишь плохая шутка. И только когда распорядилась как вести себя дальше, они поняли, что она действительно убила Юлиана. Она исходила из того, что все поддержат ее и будут выполнять ее приказы, словно это было нечто само собой разумеющееся. То, что ей это удалось, можно было объяснить в первую очередь ее стратегией ошеломления. До того как кто-то из них вообще смог понять в чем дело, Маргрете и Харри уже получили первые указания и словно одурманенные исполнили их. С того момента, как двое из их компании начали учувствовать во всем этом, остальным было трудно выйти из группы.

А что им оставалось делать? Заявить в полицию на Эдит? Забрать у Харри и Маргрете мать? Предать женщину, которая всегда хорошо к ним относилась? Не в последнюю очередь им всем было что терять. Если бы убийство раскрылось, то выяснилось бы также, что стало его причиной. Торговля наркотиками и их употребление всплыли бы наружу, со всеми негативными последствиями. Никто из них не смог бы убить Юлиана. Но теперь он был мертв, и уже ничего нельзя было изменить. Было гораздо легче поддаться,

чем сопротивляться. Еще со стародавних времен гравитационные силы трусости действуют на людей гораздо сильнее, чем гравитационные силы мужества.

Майк и Жаклин направились вместе с Эдит во «дворец», где хотели закопать Юлиана. Придя туда, они увидели, что на трупе уже сидело несколько чаек, которые клевали его, кое-где даже вырвав небольшие кусочки мяса. У Жаклин случился истерический припадок, и она не смогла участвовать в их «работе».

Тем временем Маргрете позвонила в дверь к родителям Юлиана под предлогом того, что ее матери понадобились кое-какие продукты. Госпожа Моргенрот слегка удивилась такому позднему визиту, но с готовностью поспешила на кухню. Пока она собирала продукты, Харри и Пьер проникли в комнату Юлиана и поспешно собрали кое-какую его одежду и документ, затолкав все это в рюкзак.

Когда они вернулись к Петерсенам, Эдит поручила своему сыну выйти на лодке в море и утопить там утяжеленный камнями рюкзак. Но случилось так, что недотепа Харри по неосторожности выпал из лодки вместе с рюкзаком. Сильное течение так быстро уносило лодку, что Харри предпочел плыть к берегу. Примерно в полночь Эдит заставила всех поклясться, что они никогда не будут говорить об этой ночи, даже друг с другом. Никто из них не нарушил данное обещание.

Но тот, кто бежит от прошлого, всегда проигрывает забег.

В коридор вышел полицейский.

— Госпожа Малер? Заходите, пожалуйста.

Я встала и посмотрела на Пьера, чья судьба теперь находилась в моих руках.

Что из того, что я выяснила, могла рассказать? Труп Юлиана нашли, убийца найдена, и если закрыть глаза на то, что сделал Пьер, то его репутация, конечно, была подмочена, но, тем не менее, он смог более менее аккуратно выпутаться из этой истории. Он был вовлечен в убийство в широком понимании этого слова, но уже после того, как оно было совершено. Весь ужас этого преступления шокировал его так же, как и остальных.

Положение дел вполне можно было рассматривать и так.

Или совсем по другому.

И вот я сидела перед полицейским, которому сообщила об обнаружении тела Харри, и мое внешнее спокойствие полностью не соответствовало крайне возбужденному внутреннему состоянию. За то время, которое понадобилось полицейскому, чтобы отправить патрульную машину к «дворцу», я должна была решить, сколько информации выдать. Между вообще никакой и всей информацией не было компромиссов. Я не могла обвинить Эдит, без того, чтобы изобличить Пьера и остальных. А это в свою очередь отразилось бы и на моей жизни.

Я любила Пьера не меньше, чем днем ранее. Осознание этого должно было напугать меня, но этого не произошло. Моя и его любовь — это были факты. Разве он недостаточно извинился за свое участие в том, что произошло двадцать три года назад? Две тысячи евро для отца Юлиана, который провел последние десять лет своей жизни в действительно хорошем приюте. Мне пришла в голову мысль, что то, что он тогда пережил, настолько

сильно отразилось на нем, что вызвало эту чрезмерную готовность помогать. Опекунство над двумя детьми из стран Третьего Мира, его самоотверженная деятельность для Врачей Без Границ, достойное погребение старого господина Мельхиора, нашего почтальона, которому он исполнил последнее желание.

Вдруг мне показалось, что я повсюду видела следы, оставшиеся после убийства Юлиана и дошедшие до сегодняшнего дня. Разве алкогольная зависимость Майка не была своего рода попыткой к бегству? А напряженность Жаклин, ее «помешательство» на чистоте, употребление множества таблеток и различные фобии разве не были последствиями потрясшего ее до глубины души преступления? Предположительно она шантажировала Майка своим знанием о случившемся, когда нищей вернулась из Голливуда. Тем самым ей удалось поправить свою финансовую ситуацию, но вот против силы подсознания и совести, Жаклин ничего поделать не могла. Проблемы со здоровьем у Эдит начались вскоре после убийства Юлиана, язва желудка, рак, ревматизм...

Последствия преступления, о котором они все молчали, но которое как нескончаемый крик эхом отзывалось внутри каждого из них? И, в конце концов, прямо-таки чрезмерное почитание Харри руин — кладбища Юлиана — и его профессия могильщика. Казалось Маргрете лучше всех «переварила» это преступление. По крайней мере, на первый взгляд. Но кто знает, может она каждый день, листая свои бесконечные журналы, мысленно путешествовала вместе с Юлианом по миру и увяла от того, что эта надежда никогда не осуществится.

Разве они были не достаточно наказаны? Хотела ли я нести ответственность за то, что старую, нуждающуюся в уходе женщину, выгнать из комнаты, где она готовилась умереть и переложат в тюремный госпиталь?

— Перейдем к Вашим личным данным, — сказал полицейский.

Я дала их ему вместе с кое-какой информацией о Харри.

Я несколько раз порывалась сказать: «есть еще кое-что, о чем Вы должны знать».

Но не смогла. Просто не смогла произнести это, при этом я по-прежнему не знала, что произошло четыре месяца назад в ночь аварии. Но действительно ли я хотела это знать, после всего этого ужаса? Не лучше ли было бы покинуть Пёль — с Пьером или без него — и поставить точку во всей этой истории?

Я была такой уставшей и сбитой с толку, что решила отложить решение.

Вся процедура в полицейском участке длилась около часа, а в конце полицейский сказал мне, что смерть Харри, скорее всего, была самоубийством. Судя по всему он умер от передозировки героина, ничто не указывало на применение силы, а в его куртке полиция нашла прощальную записку. В ней было всего одно предложение. Последними словами Харри, обращенными к миру, были: «Я больше не выдержу».

Полицейский спросил меня, знаю ли я, что он имел в виду. Однако я молчала, вела себя по принципу Вольтера, когда все, что говоришь должно соответствовать правде, но не все, что является правдой, должно быть сказано.

Пьер практически никак не отреагировал на тот факт, что я не выдала его и остальных. Он выглядел прямо-таки смирившимся с судьбой. Поначалу я подумала, что причина в том, что он в общем-то легко отделался. У убийства конечно нет срока давности, но сам он его не совершал, в лучшем случае препятствовал следствию. Употребление наркотиков тоже было давно, так что его апробация²⁰ не была под угрозой. Да, конечно, пострадала его репутация, но для человека, который подумывает переехать или возможно эмигрировать в другую страну, это не так уж и болезненно. Тем не менее, я уже хорошо знала Пьера и не могла избавиться от ощущения, что его спокойствие вызвано другой причиной. Может ему полегчало, когда он, наконец, во всем признался, потому что больше не мог обманывать меня? Лучше всего мне бы подошло именно такое объяснение.

Мы поехали на своих машинах обратно в Кальтенхузен и одновременно высадились из них. Вдалеке были слышны раскаты грома, воздух был влажным. В доме Петерсонов еще горел свет, и в общем-то по правилам приличия следовало бы выразить соболезнования Маргрете и Эдит. Проинформировали ли их уже о случившемся? Если нет, было бы тактичнее, лично сказать им эту новость.

Я взглядом дала Пьеру понять, что в связи с особыми обстоятельствами, я бы в данном случае оставила приличия в стороне. Символичность самоубийства Харри была зловещей и понятной: он умер от того наркотика, от которого должен был умереть Юлиан, причем в тот день, когда после долгого времени обнаружилось тело Юлиана.

Мы ненадолго остановились возле садовой калитки Пьера. Я взглянула на звезды, местами поблескивавшие меж облаков.

— Что ты теперь собираешься делать? — спросил Пьер.

— Не знаю.

Это было правдой. Я ни в коем случае не останусь на Пёле, пожалуй, это было единственное, что я знала точно.

— В ту ночь в мае, четыре месяца назад, — начал Пьер, намереваясь дополнить общую

картину, — мы все были на ужине у Майка и Жаклин. Вы с Сабиной попросили, чтобы мы еще раз собрались вместе. Поначалу мы думали, что это будет вечеринка по поводу того, что вы нашли договор купли-продажи на участок с руинами.

— Значит он действительно существует, этот договор?

— Вы показали его нам, а потом Сабина опять забрала его себе. Думаю, он с ней... Ваша машина сгорела...

Было ужасно представлять себе все это.

— А дальше?

— В какой-то момент Сабина заявила о своих подозрениях, что Юлиан закопан в руинах, и объявила, что на следующий день собирается перекопать всю территорию. Жаклин ужасно разволновалась, ей понадобились специальные таблетки, которые были у меня в приемном кабинете, но не с собой. Мы с ней сразу же отправились туда. В кабинете ей стало совсем плохо, так что мы смогли поехать назад только через два часа. Между Вайтендорф и Бранденхузенем я увидел вашу машину на обочине... полностью разрушенную... Я не имею ни малейшего понятия, что произошло в ту ночь, и никто из остальных ничего мне не сказал. Клянусь.

Если я верила в то, что он меня любит — а я в это верила — то должна была поверить и в то, что это не он сделал так, чтобы на скорости сто километров в час, я врезалась в дерево.

Касалось ли это Маргрете и Майка тоже?

— Извини, Пьер, но я слишком устала, чтобы продолжать разговор. Давай завтра, а?

На это он ответил, что ненадолго зайдет к Петерсенам, так как чувствует, что обязан сделать это. На том мы и распрощались.

Через несколько секунд после того, как я открыла окно в своей комнате, я услышала крик, затем громкий, жалобный стон и вой. Это была Эдит. Только что она узнала о смерти Харри, сына, ради которого она пошла на убийство и который из-за этого умер.

Я сказала Пьеру правду, действительно ужасно устала. Несмотря на это мне не удавалось заснуть, может потому что я так хотела этого. В голове постоянно крутились мысли. Они не прекратят крутиться и на следующий день, и ночь, и еще через день. Сколько всего я должна была обдумать! Как быть дальше с Пьером? Хотела ли я еще раз встретиться с Майком, Маргрете, Жаклин? Правильно ли, ничего не предпринимать против Эдит? Как бы отреагировал покойный Ханс Моргенрот, узнав, что я пощадила убийцу его сына, только потому, что она была старой и немощной? И как бы отреагировала я, если бы узнала об убийстве первого сентября девяностого года?

Ни один из ответов, которые я дала себе сама, не продержался дольше часа. Потом все начиналось по новой.

Не лучше ли было бы расставить все точки над «i» и написать заявление в полицию? На завтрашний день была запланирована еще одна встреча с главным комиссаром Амманном, где будет присутствовать Майк. Если один из группы — это слово даже стало восприниматься как-то по-другому — проговорится, то все это нагромождение лжи просто рухнет. Жаклин будет особенно тяжело. Она и так-то была сплошным комком нервов, державшимся лишь за счет психотропных средств. А Маргрете была бы дочерью и сообщницей убийцы. В дополнение ко всей остальной нагрузке, ей может также стать слишком тяжело.

Обо всем этом мне нужно было подумать.

Но нужно ли?

В конце мне оставалось лишь спросить себя, кому в этом случае еще могла служить правда? Покойнику? Можно ли было вообще служить покойникам? Кому еще? Справедливости? Отлитой в бетон богине, которая стояла с завязанными глазами перед дворцами правосудия?

В четыре девятнадцать утра я решила уехать, через минуту начала собирать чемодан, а еще через двадцать минут покинула дом Пьера. Не потому что хотела бросить его, а для того, чтобы, как я сказала себе, уехать подальше от Кальтенхузена, его детей и покойников. Я скучала по Аргентине, Атлантике, своей квартире, испанскому языку, короче по всему, что никак не было связано с моим детством и последними четырьмя месяцами.

Когда я вышла за дверь, лил проливной дождь. Когда не было луны, ночи на Пёле были совершенно темными. Ни один фонарь не осветил мне дорогу до машины, припаркованной примерно в двадцати метрах. В доме Пьера не было света, значит, я либо его не разбудила, либо он с пониманием дал мне уйти. Так или иначе, он знал, что больше не мог влиять на наши отношения и должен был дать мне уйти, если хотел, чтобы мы снова были вместе.

Я с трудом тащила чемодан и сумки по дождю. Моя одежда, обувь и волосы были мокрыми насквозь, когда я, наконец, добралась до нее. Я бездумно забросила багаж в багажник.

И уже собиралась открыть дверцу и сесть, как меня кто-то схватил за плечо. На секунду у меня остановилось сердце.

— Ах, вот оно значит как,— прошипела Маргрете. — Мой брат мертв, все рушится, а ты сбегаешь.

Она что, все это время, как паук сидела в засаде, чтобы напасть на меня?

— Отпусти, мне больно. Я только нашла Харри, он покончил жизнь самоубийством.

— Так-так, значит он покончил с жизнью? Как ты смеешь, корчить из себя не пойми кого?

— Я смотрю тебе не угодить, не важно, что я говорю или делаю, остаюсь или уезжаю. Твое выступление еще раз доказывает, что мне нечего здесь делать.

В то же мгновение я пожалела о своей грубости и быстро добавила:

— Мне жаль, что Харри мертв. Я считаю, он не должен был умирать, и сделал он это не из-за меня, ты так же, как и я, прекрасно знаешь об этом.

Я энергично стряхнула ее руку с моего плеча и сделала вторую попытку сесть в машину, но Маргрете снова не дала мне сделать это.

Она снова развернула меня к себе, на этот раз с еще большей злостью.

— Я не дам тебе так просто уйти. Хочу тебе кое-что сказать, госпожа Всезнайка. Пьер недавно рассказал мне, что посвятил тебя во все. Но версия, которую он тебе изложил, не полная.

Я сразу почуяла нечто ужасное. В лучшем случае я не поверю Маргрете, но ей все же удастся заставить меня сомневаться. А в худшем случае, это навсегда разлучит меня и Пьера.

Мы стояли под дождем, капли стекали с век, носа, подбородка и рук.

— Он рассказал тебе, что его роль во всей этой истории заключалась в том, чтобы вместе с Харри обыскать комнату Юлиана и упаковать некоторые вещи. О, нет, мадам, это было не так. Верно, я была у Моргенротов, чтобы попросить у них яиц и хлеба и тем самым отвлечь их, но Пьер отказался вместе с Харри проникнуть в комнату Юлиана и собрать его вещи. Он не участвует в этом, это было бы пособничество в убийстве и так далее, говорил он.

Пришлось моему недоумку брату все делать самому, и, конечно же, он все провалил. В комнате Юлиана он вдруг испугался, что не успеет вовремя и поэтому просто взял и сбежал. Мы вынуждены были придумывать что-то новое. Я же не могла еще раз пойти к Моргенротам. Поэтому я сказала Пьеру, чтобы он тоже внес какой-то вклад, самое меньшее, что он мог сделать, это...

Маргрете замолчала. Никогда не забуду ее издевательскую усмешку, в которой была вся накопленная десятилетиями злость и ненависть, которые она носила в себе.

— Самое меньшее, что он мог бы сделать,— продолжила она,— это пойти к тебе.

Я не поняла, что Маргрете имела в виду.

— В смысле, пойти ко мне?

— Он должен был уговорить тебя еще раз отвлечь Моргенротов. После смерти родителей ты почти пропала из виду и избегала родителей Юлиана так же, как и всех нас. Понятно, что если бы ты пошла к ним и начала плакаться, они бы тебя утешили и пригласили в дом. И были бы отвлечены.

— Что ты такое говоришь? — рассерженно сказала я. — Пьер тогда не был у меня, а я не была у Моргенротов.

Маргрете засмеялась.

— О, нет, все так и было. Еще четыре месяца назад ты знала об этом.

Мне понадобилось три-четыре быстрых вдоха, чтобы понять, что только что утверждала Маргрете.

— Пьер пошел к вам домой. Сабина громко слушала музыку, может, поэтому ты не услышала его звонок. Как бы то ни было, Пьер бросал из сада камушки в окно до тех пор, пока ты не открыла. Но этот трус не решился сказать то, что требовалось, а просто сказал, что мы срочно хотим поговорить с тобой и так далее и тому подобное. Он нервировал тебя, пока ты не сдалась. Только у нас на кухне мы сказали тебе правду. Конечно, сначала ты была ошеломлена, как и мы, когда все узнали от моей матери. Но когда Майк приказал тебе выполнить свою часть работы, ты сделала это. Пошла к Моргенротам. И позже ты тоже была с нами, когда мы на кухне упаковывали и утяжеляли рюкзак, который Харри потом бросил в море.

— Нет,— в ужасе прошептала я.

— Ты, моя дорогая, одна из нас, волков. Просто благодаря несчастному случаю ты об этом забыла.

— Нет,— повторяла я, тяжело дыша. — Нет. Нет!

— Четыре месяца назад ты позвонила Пьеру из Нормандии, потому что из всех нас ты нашла только его номер телефона. И он сказал тебе, что Сабина здесь что-то вынюхивает. В тот же день ты приехала на Пёль.

Я вырвалась из рук Маргрете, чтобы сесть в машину, и на этот раз она не стала мне мешать.

Опершись одной рукой на крышу машины и подбоченившись другой, она сказала:

— Странно, Лея. У нас никогда не было много общего, по крайней мере, ничего важного. Только одно, а именно то, что мы по одной и той же причине стали помощниками в убийстве Юлиана. С одной стороны из лояльности к нашей компании, с другой, потому что он обидел нас обеих, когда отказался брать с собой в путешествие по миру.

Не в силах больше слушать Маргрете, я закрыла дверь и уехала.

Сама не понимаю, как мне удалось выехать из Пёля. Эта ночная поездка почти не

осталась в памяти. Я почти ничего не видела из-за слез, да еще этот ливень, темная ночь, хаос в моей голове... Просто чудо, что я не очутилась в кювете.

То, что говорила Маргрете, вообще возможно? Можно ли забыть такие чудовищные, ставящие всю жизнь с ног на голову, вещи?

Я искала аргументы, снимающие с меня вину.

Во-первых, я считала себя не способной участвовать в заговоре с целью убийства и потом полжизни носить в себе осознание этого. Кроме того, Маргрете не предоставила мне ни одного доказательства. В ней говорила зависть и горечь от обиды, поэтому у нее были все причины испортить мне жизнь, рассказав эту ложь. Она могла использовать мою амнезию, рассказать невесте что, а я даже не была в состоянии доказать обратное. Маргрете вполне была способна на такое. Однако у меня в голове появились и аргументы, подтверждающие ее теорию, или скорее у них был потенциал, поддерживающий ее тезис, хотя их и можно было истолковать по-разному.

Например, галлюцинации, в которых я видела Юлиана. Мой психолог из Шверина говорила, что, наверное, я пыталась абстрагироваться от них. Я «видела» Юлиана под окном в саду Пьера — измененная картинка реальности, в которой Пьер однажды стоял под окном моего родительского дома и сделал меня соучастницей в убийстве Юлиана? Я «видела» Юлиана и на парковке у Фриды Шойненвирт, подруги моих родителей — и одновременно подруги Эдит, убийцы Юлиана. Вскоре после того, как Эдит узнала о моей амнезии, она призвала меня тотчас же покинуть Пель и что-то говорила о втором шансе. Имела ли она в виду, что в отличие от всех остальных, я могла бы продолжать жить дальше, без чувства вины? Или речь шла об автомобильной аварии, в которой я едва не погибла?

Эти ситуации можно было истолковывать как угодно. Вполне могло быть и так, что я «видела» Юлиана на парковке, потому что в последний раз встретила с Фридой Шойненвирт в тот же день, что и с Юлианом, а именно в день похорон родителей. Для всего остального тоже можно было найти и другие объяснения, кроме того, что изобличало меня.

Это как с множеством фотографий, которые я сделала за свою карьеру. При определенном свете, с определенного ракурса вещи принимали угрожающую, пугающую форму, хотя под другим углом это были всего лишь груды камней или тени от «резиновых» мармеладных медвежат.

Я проснулась за рулем машины на парковке рядом с небольшим шоссе недалеко от Шверина. Хотя я почти не помнила, как добралась до туда — я ехала в полном дурмане — меня не удивило, что я двигалась именно в сторону столицы земли. В Шверине работала Ина Бартольди, и если кто-то и мог дать мне достоверные ответы, то только она.

— Неважно выглядите,— сказала она, как только мы зашли в помещение, где три недели назад прошел наш последний сеанс.

Я не обиделась на ее замечание, потому что на самом деле выглядела как бездомная пьяница. Одежда, еще сырая от дождя прошлой ночью, была помятой и неприятно пахла. О причёске этим утром вообще не могло быть и речи, а мои глаза беспокойно смотрели на женщину, от которой я во второй раз в жизни ждала спасения.

— Я должна кое-что знать,— начала я, не ходя вокруг да около. Она сразу же отреагировала на мое нетерпение.

— Говорите.

— Предположим, до аварии я что-то знала, что-то ужасное, касающееся меня, давнее, потрясшее меня событие, в котором я участвовала. Могла ли я после аварии забыть все это,

совершенно ничего не знать и не помнить?

Она налила себе и мне кофе и медленно пододвинула мне чашку.

— Я так понимаю, вы не хотите вдаваться в детали?

— Лучше не надо.

Яд Маргрете уже действовал. Нелегко было обвинять друзей и близких мне людей в ужасном преступлении. Но самой юридически и морально так сказать «раздеться догола», было уже совсем другое. Нельзя же просто взять и сказать человеку: «Кстати, я пособница убийства».

Насладившись глотком кофе, Ина Бартольди ответила:

— Человеческое тело, в том числе и мозг, настроены на то, чтобы защищать себя и тем самым нас. Например, страхи должны предупреждать нас об опасности. Если вы стоите перед бурным течением и боитесь сесть в лодку, которая должна переправить вас на другую сторону, это совершенно нормальный и желанный рефлекс, цель которого, сохранить Вам жизнь. Если какое-то травмирующее Вас событие слишком давит на Вашу психику, вплоть до каких-то саморазрушительных тенденций, то может случиться так, что Ваш мозг просто отключает воспоминание об этом. Есть множество случаев, когда женщины при всем желании не могли вспомнить, что были изнасилованы.

— Какие чувства могли бы вызвать такую реакцию?

— Все чувства, которые могут превратить нашу жизнь в ад — стыд, отвращение, ужас...

— Вина? — вставляю я.

Она поставила чашку и посмотрела на меня взглядом, который у многих людей вызывает ощущение, что для психолога ты «раскрытая книга».

Ее ответ был прост:

— Да, вполне.

— Вы говорили об изнасилованных женщинах. А как насчет насильников? Они тоже могут забыть о своем преступлении?

— То, как Вы это формулируете, заставляет меня медлить с утвердительным ответом. Для того, чтобы мозг подавил какое-то важное воспоминание, нужна, если говорить по-простому, причина, которая активирует этот защитный механизм. В случае вины это было бы мучительное раскаяние, которое не часто встречается у насильников, или какая-то дилемма. Другой пример: кто-то случайно насмерть сбивает маленького ребенка, скрывается с места преступления и его не находят. Воспоминание об этом несчастном случае может загнать этого человека в глубочайший кризис, поэтому он отрицает его перед самим собой. Скорее даже его мозг решает за него, потому что это не осознанный процесс. Но я хотела бы добавить, что это не происходит автоматически. Все мозги разные, так же как и люди, которые живут с ними. Амнезия — это исключение. Чаще всего происходит деформация воспоминания, это значит, что человек в некоторой степени приукрашает для себя какие-то вещи.

Я встала и прошлась по комнате, всплескивая руками. Я не испытывала надобности скрывать перед этой женщиной, которая видела меня и в другом состоянии, свое внутреннее беспокойство. Будучи опытным психологом, она конечно заметила, что меня не устраивали ее предыдущие ответы.

— Ваши вопросы как-то связаны с галлюцинациями и картинками, о которых Вы недавно рассказывали по телефону?

— В том-то и дело, что я не знаю. Речь идет о молодом человеке, которого я знала раньше и думала, что видела его, хотя это невозможно.

— Почему невозможно?

Она смотрела на меня несколько секунд и, заметив, что я больше не хотела ничего добавлять, сказала:

— Лея, давая мне неполные сведения, Вы не можете рассчитывать на точные ответы.

Я кивнула, продолжая молчать. Как бы я ей не доверяла, я не могла сказать ей всю правду. По крайней мере, пока.

— Ну, хорошо, — вздохнула она. — Я попытаюсь.

Ина подлила себе кофе и попросила меня сесть на место.

— Ваш случай, Лея, очень специфический, потому что потеря памяти у Вас — это отчасти прямое последствие аварии, но возможно частично и не прямое. О непосредственных последствиях, вызванных сотрясением и ушибами, мы уже подробно говорили во время Вашего лечения и даже частично устранили их. Что же касается амнезии, вызванной не напрямую аварией... Ваш мозг после несчастного случая вполне логично переключился на аварийное электроснабжение. Он полностью был занят тем, чтобы сохранить жизненно важные функции организма. А поглощающий энергию балласт в таком случае только мешает. Если вы незадолго до аварии пережили тяжелый стресс, Ваш мозг мог удалить его причину и тем самым освободиться от нее. Какого рода это был стресс, связан ли он с чувством вины или страхом, я Вам сказать не могу.

То, что говорила Ина Бартольди, было одновременно грузом и облегчением.

Маргрете вполне могла сказать правду. В таком случае, я действительно на протяжении двадцати трех лет носила в себе воспоминания об убийстве Юлиана, запаниковала после звонка Торбена Шляйхера и позвонила Пьеру, после чего поспешила на Пёль, где пыталась помешать Сабине выяснить правду о Юлиане, короче говоря, я находилась в постоянном стрессе. Однако по-прежнему было не понятно, как произошла авария.

Но Маргрете могла и солгать. В действительности я могла приехать на Пёль, чтобы воспользоваться возможностью и помириться с сестрой. Об убийстве Юлиана я могла узнать в тот вечер, когда мы грилили, и конечно же разволновалась по этому поводу. Когда Сабина и я собрались рассказать о том, что выяснили, нас преследовали и спровоцировали аварию. Непонятно только было, кто ехал следом за нами

В общем и целом, разговор с Иной Бартольди ничего не дал, плохое предчувствие тоже никуда не делось. Участвовать в смерти когда-то любимого человека — пусть даже помогая скрыть это преступление — это был чудовищный душевный груз. Меня поддерживала только надежда, что все это было сплошным обманом.

— Я вижу по Вам, что вы хотите ясности, — сказала она. — И понимаю это. Но я уже несколько недель назад советовала Вам не ездить на Пёль, и сегодня я дам Вам тот же совет. Пожалуйста, не пытайтесь обхитрить Ваш мозг. Посмотрите на себя, Лея. Поиски правды больше навредили Вам, чем помогли.

Несколько недель я испытывала нечто, похожее на счастье. Время, проведенное с Пьером, поездки по зеленому острову, чувство духовного пробуждения несказанно хорошо повлияли на меня. В Аргентине я никогда не испытывала такого. Ни мой брак, ни любовники не доставляли мне такого удовольствия, в своей жизни я так редко любила всем сердцем. С фотографиями было нечто подобное. У меня их, наверное, десятки тысяч, но я ни

разу не сняла собственную страну. Если подумать, авария, несмотря на ужасные последствия, дала мне шанс. Но я им не воспользовалась.

Я чувствовала себя потерянной, казалось, это чувство было мне и раньше знакомо. Я ни в коем случае не хотела становиться прежней Леей, но на одних отрицаниях далеко не уедешь. У меня не было идеи, как Лее Малер 2.0 жить дальше.

Я целыми днями бесцельно ездила по Германии, но ничего из увиденного не радовало меня. Дело было не в том, что я не увидела ничего впечатляющего, дело было во мне самой. Я практически постоянно думала о Пьере, и каждый раз, вспоминая о нем, я вспоминала о Юлиане, «дворце», о его трупке и лжи. Вернуться к Пьеру мне мешало не его участие в заговоре. Я была в состоянии простить его. Из всех замешанных в этом деле, он больше всего занимался им, и единственный пытался хоть как-то загладить свою вину.

Эдит отрицала убийство, пока я — ничего не подозревая — рассказала ей об обнаружении останков Юлиана во «дворце». Маргрете как всегда фамильярно отнеслась к своему участию в этом деле и, наверное, даже была уверена, что сделала все правильно. Я также не заметила, чтобы Майк или Харри испытывали чувство вины, если не считать, что один стал пьяницей, а другой маниакальным мазохистом. Жаклин, возможно, зашла так далеко, что использовала эту трагедию в своих целях, когда вернувшись из Америки, начала шантажировать Майка. Пьер же напротив, так и не смог простить себя и конструктивно использовал свою вину во благо, начав помогать Хансу Моргенроту и слабым и обездоленным в этом мире.

То, что я избегала его, было связано не столько с ним, сколько со мной. Я боялась, что если снова сойду с ним, то постоянно буду вспоминать о своей вине. Если ему не удастся развеять мои сомнения в собственной невинности, то я навсегда останусь для себя самой сообщницей в убийстве, что ужасно опротивело мне. Пьер был своего рода последней надеждой, которую я хотела навсегда оставить за собой, потому что боялась осознать, что никакой надежды не было.

Но возможно я просто хотела наказать саму себя. Как-то же я должна ответить за то, что — возможно — сделала. Даже если я не была связана с событиями, произошедшими тридцать первого августа девяностого года, мое появление на Пёле все равно привело к аварии и смерти Сабины.

Садясь в аэропорту Франкфурта в самолет, летящий в Буэнос-Айрес, я намеревалась никогда больше не возвращаться, как можно больше забыть и постепенно признать себя невинной. Причина была проста: я хотела выжить.

Октябрь 2013

— Авенида Каллао сто восемьдесят два, — Пьер назвал адрес таксисту в аэропорту Буэнос-Айреса.

Поездка привела его в один из самых элегантных кварталов трехмиллионного мегаполиса, который в этот октябрьский день предстал во всей своей расцветающей красоте. На островках безопасности цвели красные и желтые тюльпаны, а в люди кафе подставляли свои лица теплым солнечным лучам. Непоседливое оживление на улицах нравились Пьеру также как и ностальгическое очарование здания, в котором жила Лея. В лифте, который могла еще использовать Эва Перон, он ехал на восьмой этаж.

Роскошная серебряная вывеска звонка, о которой недавно ему рассказывала Лея, была заменена на более простую с деревянной резьбой.

— Пьер!

Лея выглядела нерешительной, будто не зная, должна ли она была броситься ему на шею или нет. Первое было бы ему дороже, но произошло второе. Но он летел несколько тысяч километров над Атлантикой на другую сторону мира не для того, чтобы лишиться мужества через десять секунд. Он даже рассчитывал на то, что Лея встретит его прохладно. Если бы кто-то высказал ему то, что высказала Маргрете Лее, он бы тоже чувствовал себя неуверенно.

— Входи, — сказала она.

Он мог чувствовать, как тяжело в тот момент было у нее на сердце, ведь с ним было то же самое. Она боялась того, что сделает с ней эта встреча, а он боялся, что Лея не найдет достаточно любви и мужества, чтобы второй раз начать все заново.

Девушка шла впереди него через свою светлую, просторную квартиру. Все в ней дышало мешанством и уютom, от ковров и мебели, до стен в пастельных тонах и огромной люстры. Вместо обязательных в таких квартирах картин, Лея увеличила свои любимые черно-белые фотографии и повесила их в рамках.

— Пожалуйста, садись. Хочешь что-нибудь выпить?

Пьер пренебрег обычными рамками, в которые Лея пыталась втиснуть его посещение. Он не пришел, чтобы поболтать за чашкой кофе, а имел твердую цель.

— Эдит мертва, — сказал он, — и Майк тоже.

— Что?

Конечно, она была шокирована. Лея не была человеком, желающим смерти другим, что бы они ни сделали.

— Две недели назад посреди ночи Майк въехал в стену на своей заводской территории на скорости более ста километров в час. Он не был пристегнут и имел в крови две промили. Он умер сразу.

Лея села в большое кресло, сдавила руками кованные подлокотники и неподвижно смотрела вперед, до тех пор пока — совершенно неожиданно — не закрыла лицо руками.

Пьер открыл окно. Шум большого города поглощал тягостное молчание. Затем он прошел к маленькой передвижной тележке для чая, на которой стояла бутылка с водой и несколько стаканов. Он увлажнил платок, который привез с собой, наполнил стакан и

возвратился с тем и другим к Лее.

— Спасибо, — сказала она, выпила до дна и позволила Пьеру склониться над ней и слегка коснуться ее лба и щеку платком.

— Тебе лучше? – спросил он.

После продолжительного вздоха она нерешительно кивнула.

— Я предполагаю, что он не справился с тем, что обнаружился труп Юлиана. Десятилетиями они отгораживались от этого, а затем...

Это также было и первой мыслью Пьера. Но возможно, на Майка повлияло что-то еще. Он все еще воспринимался как покровитель, глава компании, тем более, что среди них был он финансово самым успешным и имел лучшую репутацию. В принципе, тем или иным способом, они все зависели от него, либо от его финансовой поддержки, либо от процветающей фабрики. Даже Харри, который постоянно на него наезжал, не мог без него обойтись. Когда появился труп Юлиана, Харри покончил с собой, Лея снова ушла, а Пьер сообщил, что закрывает свою практику и покидает Пель. Остались только его нелюбимая жена-шантажистка, а также безрадостная Маргрете. И все это однажды ночью объединилось с бутылкой бурбона.

— В своей предсмертной записке он признался, что хотел убить Жаклин и поэтому подсыпал ей в чай дробленый орех. Он оставил все, включая дом, своему сыну и своей первой жене, Барбаре.

— А Эдит? – поинтересовалась Лея.

— Умерла через два дня после Майка. Сначала Харри, затем похоронили останки Юлиана на кладбище, и наконец, Майк, со всем этим она не справилась. На кладбище один за другим появляются свежие могильные холмы, с умершим господином Моргенротом это было пятое погребение за десять дней. Кстати, вот письмо Маргрете для тебя. Она дала мне прочитать его на похоронах Эдит. Из него я понял, почему ты ничего не сказав, оставила меня под покровом ночи.

Он передал Лее письмо, которое состояло всего из нескольких строк.

Дорогая Лея,

я оклеветала тебя. Ты тогда не участвовала в сокрытии убийства Юлиана. Я была наполнена ненавистью и завистью, не только из-за твоей замечательной жизни, а потому что ты была единственной из нас без этого ужасного бремени.

Мне очень жаль. Надеюсь, ты простишь меня.

Маргрете.

— О, Боже, — вскрикнула Лея и вскочила. – Это правда? О, Пьер, это действительно правда?

— Ну, да. Она наврала тебе с три короба, мягко говоря. Ты не была тогда соучастницей. Я уже говорил тебе об этом.

Она обняла его и расцеловала. Но потом, в последний раз, снова засомневалась.

— Посмотри на меня и поклянись своей любовью, что в письме Маргрете написана правда.

Он улыбнулся.

— Я клянусь.

Ее слезы радости и заботливый взгляд были самым прекрасным, что он когда-нибудь видел. Сердце подпрыгивало. Он будет жить вместе с Леей. В этом городе, в этой квартире, вероятно. Он всегда мечтал об этом. Все остальное нужно подчинить его и ее счастью, и это

правда.

После смерти Эдит они позвали его в дом Петерсенов для обследования тела умершей. Он подошел к этому тщательно и установил, что Эдит умерла не естественной смертью. Кто-то ее задушил. Это могла сделать только Маргрете. Его это рассердило, с одной стороны, потому что после тайного отъезда Леи он был в подавленном настроении, а с другой, потому что теперь Эдит была освобождена от вины, которую двадцать три года назад возложила на плечи детей Кальтенхузена. Он угрожал Маргрете, что сообщит настоящую причину смерти полиции, после чего она призналась в том, что говорила Лее в ночь ее отъезда. Потом она предложила ему написать это письмо, если он пообещает подтвердить естественную смерть Эдит.

Только сейчас ему в голову пришла мысль о том, что Маргрете заранее спланировала свои действия, включая смерть матери, а именно тогда, когда сказала Лее правду.

Но для Пьера это ничего не изменило. Он был, наконец, у Леи, она находилась в его объятиях, он чувствовал ее кожу, дыхание, любовь. Считалось только это. Никогда больше его будущая жена не должна была почувствовать себя соучастницей смерти Юлиана. Она никогда не узнает, что на самом деле случилось той ночью в мае.

Четырьмя месяцами ранее

— Хочешь? – спросила Сабина и сначала протянула своей сестре упаковку жевательной резинки, а когда она отказалась, пистолет.

Она засмеялась.

— Не бойся, это только пугач. Я не захватила с собой личное табельное оружие. Это был всего лишь блеф.

Лея сидела бледная рядом с ней, и пристально смотрела в освещаемый коридор, создаваемый дальним светом фар автомобиля, которые разрывали мрак. Иногда в поле зрения попадал кролик или ночная птица, но в основном, остальные поля вокруг руин были пустынными. Они открыли окна, чтобы лучше слышать шумы и шаги.

— Все это совершенно странно, — сказала Лея. — Сидеть здесь, в машине, посреди ночи и ждать, пока кто-то выкопает скелет. Да еще и скелет Юлиана. У тебя нет ни малейших доказательств твоей теории.

— Исходные данные есть, доказательств нет. Поэтому мы и сидим здесь. Если кто-то появится, мы сможем его задержать. Если никто не появится, то завтра будем копать. Если мы ничего не найдем, значит я ошиблась.

Сабина могла хорошо представить, как ее работа влияла на людей, которые происходили из абсолютно других жизненных миров и неожиданно оказывались посреди детективной истории. Хотя большинство людей знали о детективах из книг и телевидения, но там всегда знали, с чем имели дело, а именно с вымыслом. В настоящей жизни столкновение с тяжелыми преступлениями было большим исключением, и, оказываясь там, люди не понимали, что делать и считали происходящее нереальным и бессмысленным.

Вначале каждая теория была надуманной. На основе единственного, и кроме того, крохотного кирпичика, делать вывод о чем-то чудовищном – на это можно было легко покачать головой. В этом Сабина убедилась в своей работе, но ее опыт доказывал, что многие преступления лежали хорошо скрытыми под поверхностью, но как только ухватываешь кусочек, в большинстве случаев, следующий лежит уже недалеко. Приложив побольше усилий и смекалки, полиция могла бы еще двадцать три года назад выяснить, был ли убит Юлиан Монгенрот на самом деле или скрылся. Оставленная гитара, свидетель, который видел молодого человека рядом с руинами и слышал громкие голоса, и который видел его в следующий раз поздним вечером – без рюкзака – выходящим из дома, и, кроме того, знавший о торговле наркотиками... Вероятно, потребовалось бы два-три целенаправленных допроса, и правду бы узнали. На самом деле, не такое уж это и большое дело.

После реакции Жаклин и Майка, у Сабины едва ли оставались сомнения в том, что оба были связаны с исчезновением Юлиана, она также опасалась, что Харри тоже сидел с ними в одной лодке. В том, что касалось Маргрете и Пьера, она не была уверена.

— Все это мне не нравится, — сказала Лея. — Я боюсь. И мне плохо.

— Открываешь дверь, блюешь, закрываешь дверь.

Лея раздраженно посмотрела на нее.

— Я хочу отсюда уехать.

— И я хочу виллу на море. Мы не всегда получаем то, что хотим. Но, конечно, ты можешь побежать назад, в деревню, если хочешь. Я тебя не держу.

Сабина поняла, что была готова возвратиться к старой интонации, которая отдаляла ее и Лею. Она сразу поправила себя.

— Я просто подумала, что мы... вместе доведем это дело до конца. Мне это важно, понимаешь? Затем мы вместе сделаем то, что важно для тебя, обещаю.

Довольно долго между ними царил молчание. Электронные часы показывали 22:57, 22:58, 22:59... Точно в то мгновение, когда они показали 23:00, Лея прервала молчание, будто ей потребовался последний толчок, чтобы преодолеть себя.

— Если я попрошу тебя кое о чем, ты сделаешь мне одолжение? – спросила она.

Ее голос звучал странно зловеще.

Сабина посмотрела на нее. Внутри машины было почти темно, только отражения дальнего света в поле позволяли им смотреть друг другу в глаза. Глаза Леи блестели темнотой.

— Если ты снова попросишь меня отменить наше мероприятие, то...

— Сделай это не для Майка или Харри, или кого-то еще. Сделай это для меня.

Сабина не поняла первую фразу. Не для Майка или Харри?

— Если ты действительно чувствуешь себя так плохо, я отвезу тебя в деревню, вернусь и проведу здесь ночь. Мне не сложно.

— Нет, я не это имела в виду. Давай просто уедем отсюда и забронируем номер в Визмаре. Затем совершим многодневный тур вдоль побережья. Я тебя приглашаю.

Сабина глубоко вздохнула и развела руками.

— Лея, мы с удовольствием можем это сделать, как только закончим все здесь. Прямо завтра.

— Ты меня не понимаешь, — нетерпеливо сказала Лея. — Если ты завтра раскопаешь руины, то я... на очереди так же, как и другие.

Вопреки законам прохождения скорости звука, понадобилось несколько секунд, чтобы голос Леи достиг Сабины.

— Ты... ты... — заикалась она.

Сначала у нее отказал голос, а потом рассудок. Она не смогла упорядочить услышанное и провести связь с тем, что узнала в течение последних двух дней.

— Это было не так, что прямо я... — начала Лея, прерываясь. — Это действительно длинная история. И если ты непременно этого хочешь, я тебе ее расскажу. Но давай сейчас, пожалуйста, уедем, ладно?

Сабина в ужасе замерла, глядя на сестру. Обеими руками она сжала руль. Мгновение позже, за долю секунды, она, наконец, поняла, что Лея пыталась ей сказать.

Она запустила двигатель, переключила передачу и повернула на проселочную дорогу.

— Не так быстро, — сказала Сабина. — Мы едем в полицию.

— Что? Но... ты не можешь так поступить со мной!

Машину кидало на грунтовой дороге из стороны в сторону.

— Если ты подождешь десять минут, то увидишь, что еще как могу.

Сабина свернула на небольшое шоссе. Со стороны Кальтенхусена приближался автомобиль, «Мерседес» Майка, как она поняла по номерному знаку, и последовал за ней.

— Это все было ложью, не так ли? — гневно кричала Сабина. Она была бесконечно разочарована. — Твое любезное притворство, шарм, раскаяние, печальная история о муже,

который тебя бил, из-за чего ты и тосковала по моей защите... Все только театр.

Лея бросила взгляд через заднее стекло. Свет обеих фар неумолимо приближался, хотя Сабина и сама ехала быстро.

— Нет, — ответила она, но для Сабины это уже не звучало правдоподобно.

— Санитар господина Моргенрота позвонил тебе и рассказал о моих поисках и вместе с тем неумышленно тебя предостерег. Затем ты спросила одного из твоих прежних друзей, что здесь собственно происходит и тогда...

— Боже, да, я позвонила Пьеру, — раздраженно признала Лея. — Он подтвердил мне что ты задаешь неприятные вопросы. Затем я позвонила Майку... Но я в самом деле рада была тебя видеть. Честно. А теперь остановись, чтобы мы могли спокойно поговорить.

— Нам больше не о чем говорить. Ты лжешь, когда открываешь рот. Ты не изменилась. Как бы не так — охотно со мной увиделась. Майк подослал тебя ко мне. Он сказал, замани ее хитростью в сети, отвлеки ее, а если не поможет, поплачь. Не стесняйся, сестренка. Теперь ты можешь реветь сколько хочешь, но теперь вы на очереди, причем все.

— Остановись, наконец! — закричала Лея.

Вдалеке навстречу им выехал автомобиль.

«Это Пьер и Жаклин», — подумала Сабина. Кто еще поедет так поздно в направлении Кальтенхусена, где заканчивалась дорога. Вероятно, Майк позвонил другу и предупредил его. Вдвоем они могут попытаться взять ее в клещи и поехать наперерез.

Сабина полностью сконцентрировалась на том, чтобы полностью предотвратить возможные маневры встречного и преследовавшего их автомобиля, поэтому не сразу заметила, как Лея потянулась к замку зажигания, чтобы выключить мотор. А заметив, ударила Лею по руке. Но ее сестра предприняла вторую попытку, и дело дошло до небольшой драки.

— Ты с ума сошла! — изо всех сил закричала Сабина.

Секундой позже она вывернула руль.

В момент удара обе сестры смотрели друг другу в глаза.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Notes

[

←1

]

Гран-Канария — один из Канарских островов, третий по величине в архипелаге после островов Тенерифе и Фуэртевентура

[

←2

]

Пёль — коммуна на юге Мекленбургской бухты Балтийского моря в Германии. Посёлок образует общину, находится в земле Мекленбург-Передняя Померания

[

←3

]

«Morning Has Broken» — популярный и известный христианский гимн, впервые опубликованный в 1931 году. Он произносит слова английского автора Элеонор Фардзон и

настроен на традиционную шотландскую гэльскую мелодию, известную как « Бунсана» от Кэт Стивенс.

[

←4

]

ГДР — Германская Демократическая Республика

[

←5

]

Горóшек, или в́ика — крупный род цветковых растений семейства Бобовые

[

←6

]

СЕГП — Социалистическая Единая Партия Германии

[

←7

]

Жан-Поль — немецкий писатель, сентименталист и преромантик, автор сатирических сочинений, эстетик и публицист

[

←8

]

Налистники — блинчики с начинкой, блюдо, которое изготавливается из пресного яичного жидкого теста на горячей сковороде, смазанной жиром. Ясменник — род многолетних или однолетних травянистых растений семейства Мареновые

[

←9

]

Ма́клер — торговый посредник.

[

←10

]

Лабскаус — традиционное блюдо из мелко нарубленного мяса и овощей.

[

←11

]

Драчун, забияка

[

←12

]

Канаста — карточная игра

[

←13

]

Мистическое учение, основанное на представлении о скрытых возможностях человека,

развитие которых позволит ему достичь господства над природой.

[

←14

]

Второе германское телевидение

[

←15

]

СХПК — сельскохозяйственный производственный кооператив (ГДР)

[

←16

]

Багór — инструмент, состоящий из деревянной или металлической рукояти длиной более 1 метра, с наконечником в виде шипа, соединённого с загнутым назад крюком.

[

←17

]

Носовое украшение на носу парусного судна

[

←18

]

Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся

[

←19

]

Веджвуд — разновидность и художественный стиль изделий из керамики; Англия; 18 в.

[

←20

]

Апробация - разрешение на занятие должности врача, ветеринара, зубного врача или аптекаря